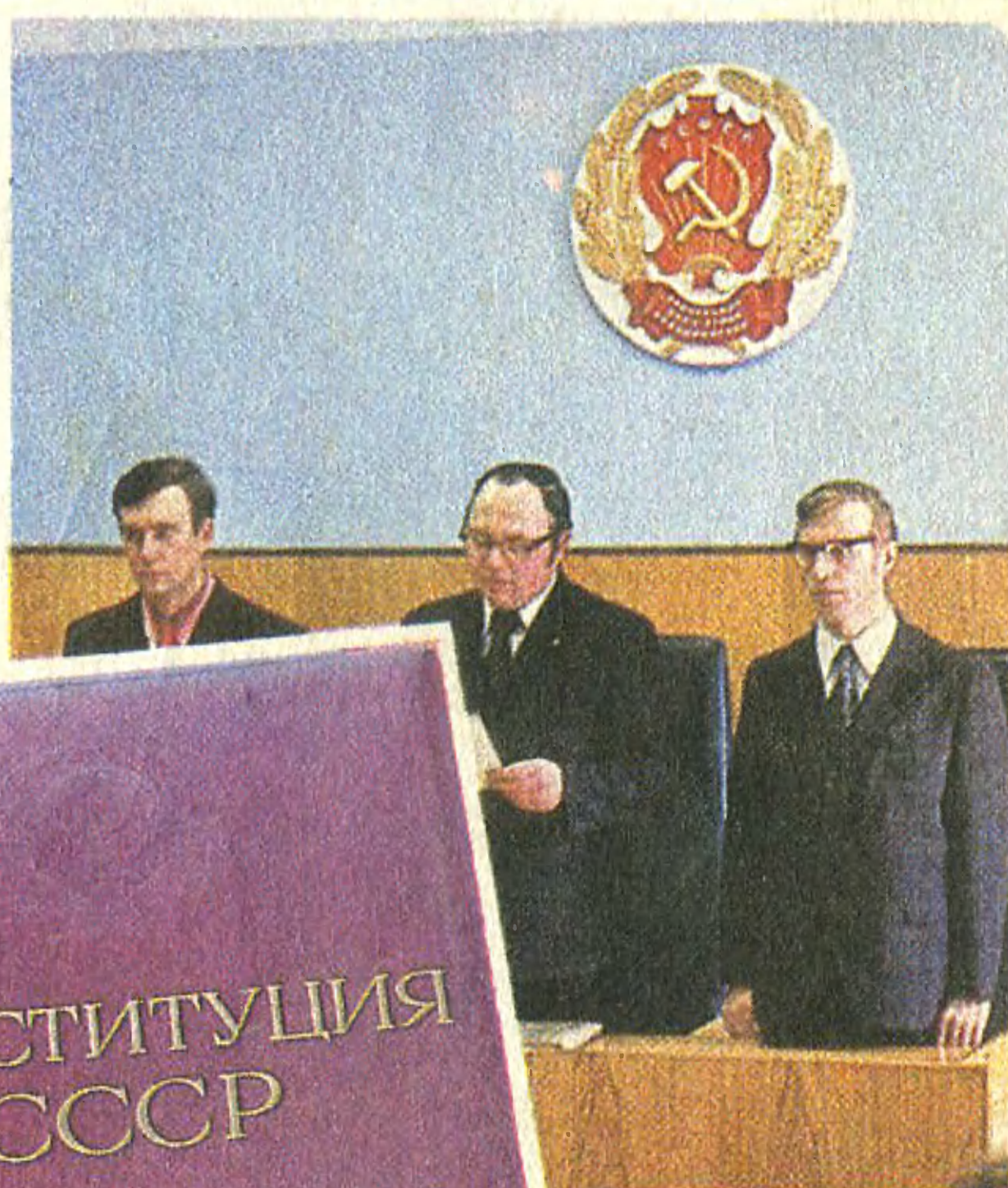
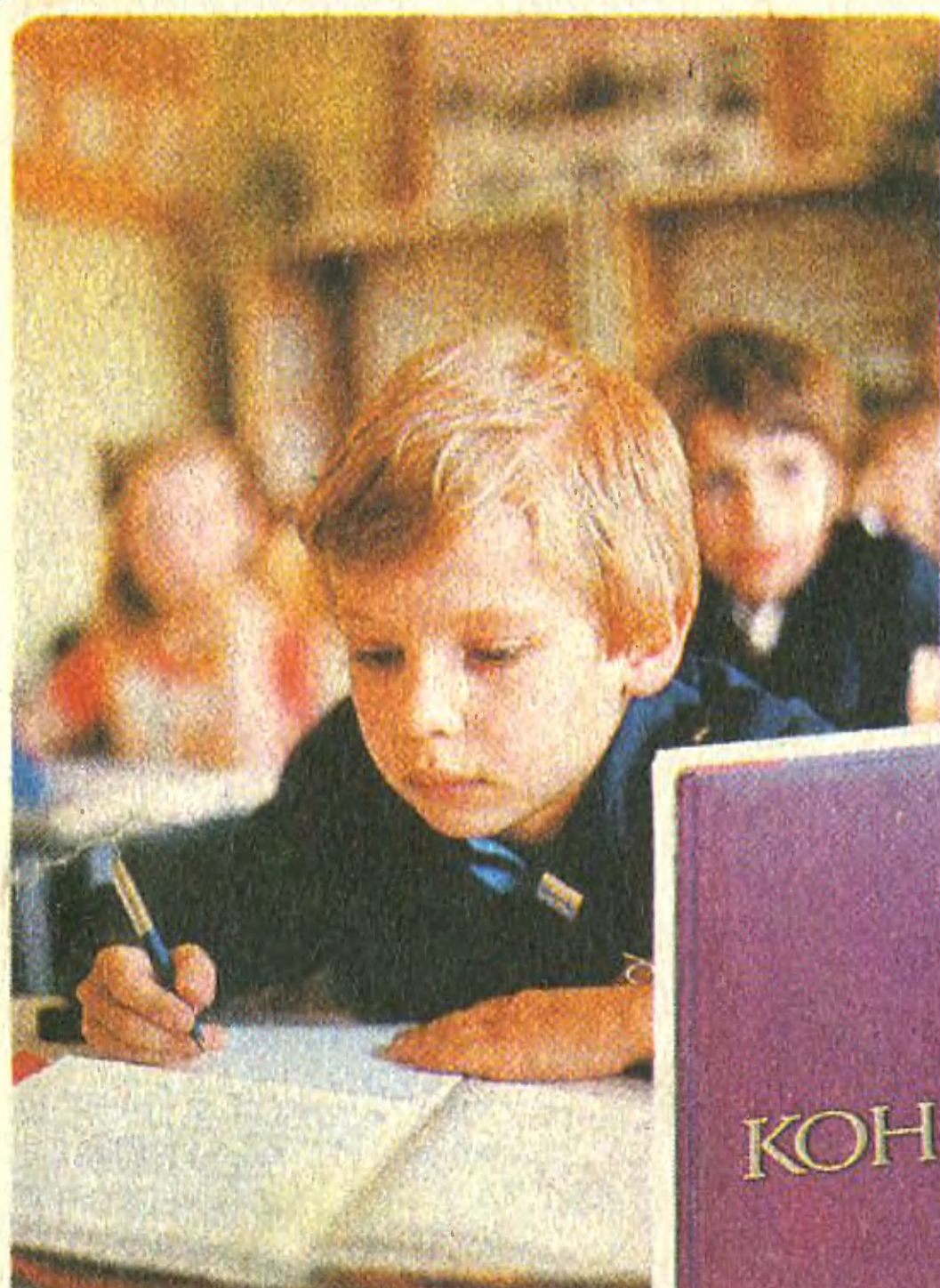

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

10

1986

Не только за высокие профессиональные качества ценят в коллективе 52-й городской больницы г. Москвы старшую медицинскую сестру Н. Н. Бучневу. Ее отличают внимание к людям, принципиальность. Потому и избрали товарищи по работе Наталью Николаевну народным заседателем Ворошиловского районного народного суда г. Москвы.

Фото В. З и м и н а

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

№ 10 (190) ОКТЯБРЬ 1986
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР

Издательство
«Правда»
Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. М. Сиренко
(главный редактор),
С. И. Бабошко,
Г. К. Большакова (заместитель
главного редактора),
И. Н. Кузнецов, В. Я. Лежепек,ов,
Ю. В. Платонов (ответственный
секретарь), В. Д. Поволяев,
А. М. Рекунков, И. С. Самощенко,
П. И. Седугин, Ю. С. Семенов,
Е. В. Смирнова, А. Я. Сухарев,
А. А. Требков, А. М. Филатов.

Главный художник В. В. ВАНТРУСОВ
Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА

Адрес редакции:

129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

О правах советских людей, гарантированных и охраняемых Основным Законом нашего государства — Конституцией СССР, об их гражданских обязанностях рассуждает в материале «Гарантировано Конституцией» ответственный работник Президиума Верховного Совета СССР Евгений Ковешников.

Приписки... О разлагающем их влиянии на общество, на настроения людей рассказывается в материале С. Александровича — «Один — за всех!»

В этом номере заканчивается публикация первой части нового романа Эдуарда Хруцкого «Истина».

У нас в гостях журнал «Трезвость и культура».

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ

Е. КОВЕШНИКОВ. Гарантировано Конституцией	4
В. СТЕРИН. И аксты вернутся... Фоторепортаж НЕТРУДОВЫМ ДОХОДАМ — НАДЕЖНЫЙ ЗАСЛОН	10
С. АЛЕКСАНДРОВИЧ. Один—за всех!.. Судебный очерк	16
А. ВАКСЯН. Приговор вступил в силу... Размышления над несколькими судебными делами	32

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д. ЧЕЧОТ. Право и наша семейная жизнь	24
Важные задачи адвокатуры. Информация	31

СОБЕСЕДНИК

С. ШЕВЕРДИН. Доверительный разговор	37
Из почты журнала «Трезвость и культура»	38
ПЬЯНСТВО — ПОД ЗАПРЕТОМ ЗАКОНА	
Н. КИСЛЯК, А. СКУРЛАТОВ. Применить закон — защитить детство	40
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «Ч и З»	
Вы писали — меры приняты	44
ЗАКОН О ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ — В ДЕЯСТВИИ	
Самые широкие полномочия	45

Г. ГОРДИН. Найди истину! Хроника одной защиты	49
■	
ИНФОРМАЦИЯ. КОНСУЛЬТАЦИИ. ОТВЕТЫ	
НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
Типовой Устав садоводческого товарищества	62
Против расхитителей энергии	80
СПУТНИК МОЛОДЕЖИ	
С. АЛЕКСЕЕВ. Юридическая ответственность	70
АЛФАВИТ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ: ОТ А ДО Я	
Самогонование	81
Служебное жилое помещение	82
Соучастие	83
СУДЕБНАЯ ХРОНИКА	
С. ВЛАДИМИРОВ. Случай на Аркадских озерах	85
ПРОЧИТАЙТЕ — МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ	
Конец автосавраски	87
■	
ТАМ, ГДЕ ПОПИРАЮТСЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	
В. ОСТОЖЕНСКИЙ. Солдаты бедности	89
Л. ЕЛИН. С кем Америка шагает в ногу	92
■	
Эдуард ХРУЦКИЙ. Истина. Роман	97
■	
ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ	128

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Фотомонтаж, посвященный Дню Советской Конституции

Четвертая страница

Фотоэтюд В. Зимина

ГАРАНТИРОВАНО КОНСТИТУЦИЕЙ

Девять лет живет ныне действующая Конституция СССР. За это время она значительно обогатила нашу политическую практику, демократические институты советского общества. Партия, ее Центральный Комитет принимают конкретные меры, направленные на дальнейшее углубление демократизма социалистического общества. К таким мероприятиям, подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, надо отнести меры по активизации Советов, профсоюзов, комсомола, трудовых коллективов, народного контроля, по усилению гласности.

Прошли проверку временем закрепленные в Конституции СССР широкие социально-экономические, политические и личные права и свободы советских граждан. Жизнь вновь подтвердила, что не на бумаге, а на деле они являются подлинным завоеванием социализма, советского образа жизни.

Но права граждан не существуют и не могут существовать без обязанностей. В. И. Ленин подчеркивал, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. В социалистическом обществе это требование закреплено в Конституции, где четко записано, что осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей. И первейшая из этих обязанностей — добросовестный труд на благо общества.

ПРАВО НА ТРУД

Важнейшим среди прав советского человека является право на труд. И это естественно, ибо все материальные и духовные ценности в конечном итоге являются результатом деятельности человека, применения его знаний, ума, всех творческих способностей.

Социалистические преобразования, говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, в корне изменили и назначение труда, и отношение к нему рабочих и крестьянских масс. Это особенно ярко проявляется в массовом развитии социалистического соревнования. Опираясь на богатейший опыт, партия намерена и

далее развивать эти традиции, формировать сознательное, творческое отношение к труду как первейшему общественному долгу.

Свобода труда, право на труд — это для нас, советских людей, привычная, обыденная реальность. Это право было конституционно закреплено в 1936 году. Конституция СССР 1977 года значительно расширила и обогатила его содержание и гарантии. Ныне оно включает право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и учетом общественных потребностей.

Социализм гарантирует право на труд. Напряженный труд советских людей обеспечивается целой системой экономических, социальных, политических, юридических и иных гарантий. Прежде всего — социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением квалификации и обучением новым специальностям, развитием системы профессиональной ориентации и трудоустройства. Достаточно сказать, что за прошлую пятилетку профтехучилища выпустили 13 млн. квалифицированных рабочих, только в 1982 году повысили свою квалификацию и обучались новым профессиям 44 млн. рабочих и служащих.

В нашей стране эффективно действует система организационно-правовых мер, гарантирующих это главное право советских людей. Наше законодательство предусматривает конкретные практические меры по защите права на труд. Государственные органы и общественные организации осуществляют контроль и надзор за соблюдением трудового законодательства. Только в составе профсоюзных органов более 6 тысяч штатных и 56 тысяч внештатных технических инспекторов. Кроме того, в системе ВЦСПС действует правовая инспекция труда.

Наказанию подлежат должностные лица, допустившие нарушения законодательства о труде, в частности за незаконное увольнение, неисполнение решения суда о восстановлении на работе.

Никто не может опровергнуть тот факт, что более полувека в нашей стране нет безработицы, а право на труд не только провозглашено, но и обеспечено системой социальных, экономических и правовых мер.

О МЕРЕ ТРУДА И МЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Свободный от эксплуатации труд советских людей является источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека. В реальной жизни существует тесная взаимосвязь между производством и потреблением. Эта взаимосвязь получила свое практическое закрепление в следующей конституционной формуле: высшей целью общественного производства при социализме является наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Исходя из принципа социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду», Советское государство осуществляет контроль за мерой труда и мерой потребления. «До тех пор, пока не наступит «высшая» фаза коммунизма, — подчеркивал В. И. Ленин, — социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления».

В современных условиях роль и значение социалистического об-

шенародного государства в совершенствовании трудовых и распределительных отношений существенно возрастает, что является отражением назревшей общественной потребности. Поэтому вполне закономерно программное требование партии о необходимости усилить контроль за мерой труда и мерой потребления.

Ныне происходит дальнейшее расширение и обогащение социальной деятельности социалистического государства, непосредственно связанной с вопросами труда и потребления и получившей закрепление в Конституции СССР, документах КПСС, решениях XXVII съезда партии. При этом имеется два основных направления государственного воздействия: во-первых, на общественные отношения, возникающие в трудовой деятельности людей; во-вторых, на тесно связанные с ними распределительные отношения. Причем в современных условиях оба направления наполняются новым содержанием.

Основной Закон закрепляет заботу государства об улучшении условий и характера труда, его научной организации, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого физического труда на основе комплексной механизации и автоматизации производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства.

Конституционное положение реализуется в жизни. Значительные средства выделяются государством на улучшение условий и охраны труда, создание мощной сети научно-исследовательских организаций, которые занимаются проблемами охраны труда и техники безопасности. Проводится механизация и техническая оснащённость трудовых процессов в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, улучшается научная организация труда.

За последнее время появились новые формы его организации. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивалось, что как только на предприятиях начинают серьезно заниматься улучшением организации и стимулированием труда, повышать дисциплину и требовательность, выявляются резервы, о которых раньше и не подозревали, обеспечивается реальное ускорение. Убедительное подтверждение этому — применение шекинского метода, аттестация рабочих мест. Железнодорожники Белоруссии, перейдя на новую систему оплаты труда, совмещения обязанностей, за короткий срок высвободили для других отраслей около 12 тысяч работников. Много можно сделать в области механизации и автоматизации производства своими силами. За это дело взялись в Запорожской области и сумели за три года сократить число занятых на ручных работах в промышленности на 9, а в строительстве на 15 процентов. Не меньше возможностей имеется и в других областях, краях, республиках.

На июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС в числе передовых названы ленинградские предприятия, которые перешли на двух-, трехсменное использование новой и прогрессивной части производственных фондов. Высокую оценку получила инициатива АвтоВАЗа, Сумского машиностроительного научно-производственного объединения им. Фрунзе. Успешно реализуются резервы повышения эффективности на рабочем месте трудовыми коллективами производственных объединений «ЗИЛ», «Ленинградский Металлический завод», Воронежского завода синтетического каучука, Киевского трикотажного объединения им. Розы Люксембург, паневежского завода «Экранас» в Литовской ССР.

Нынешняя Конституция СССР содержит специальную статью, посвященную трудовым коллективам.

Расширение прав двух с половиной миллионов трудовых коллективов, действующих в стране, уже само по себе становится мощным стимулом энергичной, инициативной работы, оно непосредственно связано с их ответственностью за конечные результаты. Поэтому использование предоставленных трудовым коллективам прав в полной мере становится сегодня непреложным требованием. Нужно, подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, кардинально улучшать механизм, который позволил бы превратить демократические принципы и нормы, заложенные в Законе о трудовых коллективах, в практику повседневной работы. Сегодня важно оградить трудовые коллективы от мелочной опеки и администрирования, неоправданного вмешательства в их оперативную хозяйственную деятельность.

Партия, ее ЦК ставят новые крупномасштабные задачи. Речь идет о глубоких преобразованиях в содержании труда, без чего невозможны качественные сдвиги в социальной сфере. Основную роль в этом призвана сыграть техническая реконструкция народного хозяйства — механизация, автоматизация, компьютеризация и роботизация. Уже в текущем пятилетии намечается резко уменьшить долю ручного труда и к 2000 году снизить ее в производственной сфере до 15—20 процентов. Высвободить с ручных операций миллионы людей.

Интересы социального и экономического развития, подчеркивалось в докладе Н. И. Рыжкова «Об Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года», требуют прежде всего серьезных преобразований в условиях, характере и содержании труда. Среди разнообразных запросов членов общества потребность в содержательном, творческом труде все более выдвигается на передний план. В новой пятилетке необходимо добиться перелома в решении таких назревших проблем, как сокращение применения ручного, малоквалифицированного труда. Масштабы и темпы его сокращения предстоит увеличить как минимум в 2—3 раза.

Велика роль Советского государства в совершенствовании распределительных отношений. Конституция СССР закрепляет положение о том, что на основе роста производительности труда государство неуклонно осуществляет курс на повышение оплаты труда, реальных доходов трудящихся. Эти доходы зависят от величины получаемой заработной платы, оплаты труда колхозников, от размера налогов, уровня розничных цен, величины выплат и льгот, получаемых из общественных фондов потребления, доходов от личного подсобного хозяйства.

В предстоящем пятнадцатилетии объем ресурсов, направляемых на улучшение условий жизни, будет удвоен. Реальные доходы в расчете на душу населения повысятся в 1,6—1,8 раза. В текущей пятилетке повышение доходов охватит миллионы людей. Будет произведен переход на новые тарифы и оклады в отраслях материального производства. Они будут увеличены в среднем на 25—30 процентов. Главным при этом будет то, что средства для этого должны быть заработаны трудовыми коллективами за счет роста производства, повышения его эффективности, мобилизации внутренних ресурсов, улучшения организации и нормирования труда. Это позволит на деле обеспечить строгую зависимость заработной платы от количества и качества труда.

Крупные средства выделяются и на увеличение оплаты труда работников непроизводственных отраслей.

Осуществление этих мер позволит повысить среднемесячную заработную плату рабочих и служащих к концу двенадцатой пятилетки до 215—220 рублей. Более высокими темпами будет расти оплата труда в колхозах, в среднем она увеличится до 180 рублей в месяц.

Одновременно с укреплением принципа распределения по труду будет продолжено развитие общественных фондов потребления. За пятилетие они значительно увеличатся и составят в расчете на душу населения к 1990 году свыше 600 рублей.

Воплотить намеченное в жизнь можно лишь напряженным трудом. Именно растущая активность масс, творчество народа, отмечалось на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС,— решающая сила ускорения. Поэтому Центральный Комитет обратился к трудящимся страны с призывом широко развернуть всенародное социалистическое соревнование, превратить смелые планы и замыслы в энергию практических действий.

ЧЕСТНО И ДОБРОСОВЕСТНО ТРУДИТЬСЯ — ОБЯЗАННОСТЬ КАЖДОГО

Никакие меры, направленные на повышение благосостояния советских людей, их материального и духовного уровня, не дадут ощутимых результатов, если мы будем помнить только о праве на труд и забывать о своей конституционной обязанности честно и добросовестно трудиться. Именно поэтому меры, предусмотренные решениями съезда, позволят решительно улучшить материальное стимулирование и жизнь людей только тогда, когда честный труд каждого будет внутренней потребностью и священной обязанностью.

Нас сегодня больше всего заботит отношение человека к труду. Мы не приемлем бездельника и бракодела.

Качество труда и качество продукции — две тесно взаимосвязанные проблемы. Сегодня все мы должны быть непримиримыми к плохой работе, где бы она ни была — на производстве и в быту, в строительстве и сфере обслуживания. Партия ставит задачу повысить качество продукции, выйти на высший мировой уровень во всем, что нас окружает. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному повышению качества продукции» намечено уже в двенадцатой пятилетке осуществить решающий перелом в этом важном направлении. На повышение качества продукции нацелены меры технического и экономического характера, стандартизация и аттестация продукции, ценообразование, система морального и материального поощрения, введение на предприятиях государственной вневедомственной приемки продукции. Решение этой задачи во многом зависит от высокопроизводительного качественно-го труда, организованности и дисциплины.

Нельзя дальше допускать так называемой «выводилочки», выплаты незаработанных денег, выдачи незаслуженных премий, установления «гарантийных» ставок зарплаты, не связанных с трудовым вкладом работника, когда труд хорошего и труд нерадивого работника оплачивается одинаково. Об этом откровенно, в полный голос говорилось на XXVII съезде КПСС. И это понятно, поскольку нарушается социальная справедливость нашего общественного строя, искажается основной принцип социализма, закрепленный в нашем Основном Законе: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

И чтобы этот принцип работал на деле, партия и государство принимают решительные меры по борьбе с нетрудовыми доходами. Не секрет, что в нашем обществе имеются группы людей с отчетливо выраженными частнособственническими настроениями, пренебрежительным отношением к общественным интересам. На борьбу с подобными явлениями направлены принятые дополнительные меры против тунеядцев, расхитителей социалистической собственности, взяточников, спекулянтов, против всех тех, кто встал на путь незаконной деятельности. Важными в этом ряду являются решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами», Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов».

ЦК КПСС отметил, что некоторые лица используют в целях наживы принадлежащие государству машины и механизмы, транспортные средства, жилую площадь, топливо, сырье и материалы. Имеются факты вымогательства дополнительной платы за оказание услуг, присвоение выручки, обман граждан, протекционизм.

Только за один год выявляется 250 тысяч случаев незаконного использования государственного транспорта в корыстных целях. Вместе с тем в исполнении нового законодательства по борьбе с нетрудовыми доходами нельзя допускать перегибов.

Борьбу надо вести не с честными тружениками, а с рвачами, спекулянтами. Поэтому не случайно партия подчеркивает, что нельзя допустить, чтобы тень падала на тех, кто честным трудом получает дополнительные заработки. Государство будет способствовать развитию различных форм удовлетворения спроса населения и оказания услуг, будет упорядочена индивидуальная трудовая деятельность. Общество, население от этого только выиграют.

Осуществление грандиозных темпов преобразования всей жизни советского народа на качественно иной экономической, технической и нравственной основе требует огромного напряжения, большой работы. И важно не медлить с нею, активнее, смелее перестраивать систему управления, механизм хозяйствования.

* *
*

Право на труд и обязанность трудиться — это две неразрывные стороны важнейшей социальной проблемы, закреплённой и гарантированной Конституцией СССР и на деле обеспечиваемой всем укладом и образом жизни нашего социалистического общества. Труд советских людей — это мирный созидательный труд. Поэтому партия и государство, осуществляя внешнеполитическую стратегию, все делают для того, чтобы обеспечить советскому народу возможность трудиться в условиях прочного мира и свободы. И мы должны совершенно отчетливо осознавать, что решающим условием мира на земле сегодня является самозабвенный ударный труд. И наше ускорение — самый верный путь к чистому небу и счастью.

Е. КОВЕШНИКОВ,
кандидат юридических наук

И АИСТЫ ВЕРНУТСЯ...

Чернобыль... Когда слышишь это слово, сразу думаешь о мужестве пожарных, шагнувших в огонь, о самоотверженности медиков, спасавших пострадавших в непосредственной близости от взбунтовавшегося реактора, о стойкости и высокой профессиональной выучке работников милиции, в сложных условиях и в кратчайшее время проводивших эвакуацию населения двух городов и десятков сел.

О них немало написано. Будет написано еще.

Бедра Чернобыля сплотила всех советских людей в едином порыве — скорее ликвидировать последствия аварии, вернуть к жизни покинутые города и села.

Сегодня мы расскажем о тех, кто следит за безопасностью движения на дорогах, ведущих к атомной электростанции, кто занят охраной покинутых на время домов и других объектов.

...У въезда в зону дорогу преграждает слагбаум. Пост ГАИ. Идет проверка пропусков, затем — санобработка. В общем, быт зоны вошел в определенные рамки, которым неукоснительно следуют. Мы получаем спецодежду, респираторы и шапочки, похожие на докторские.

Едем в патрульной машине дозиметрического контроля ГАИ. Экипаж машины уже много дней работает в зоне Чернобыльской АЭС. Водитель машины младший лейтенант милиции Сергей Теребуха приехал сюда добровольно из города-курорта Ялты. Второй член экипажа — Владимир Ленников из Луцка, лейтенант милиции. Особое подразделение ГАИ Киевского УВД полностью создано из добровольцев.

Первое впечатление от Чернобыля — словно находишься на территории огромной больницы. На улицах люди в белых костюмах, белых шапочках и в респираторных масках. Это рабочие, приехавшие на ликвидацию аварии.

На каждой улице встречаем инспекторов ГАИ. В зоне особо важна дисциплина водителей. Мимо инспекторов проходят сотни машин, несущих на себе радиацию.

Владимир Ленников замеряет фон у каждой.

Не успели мы отъехать от поста, как в машине ожила рация.

— Самосвал нарушил скоростной режим. Просим задержать.

— Вас понял! — лаконично отвечает Сергей Теребуха, и наш «жигуленок» начинает преследование.

Нарушитель задержан. Молодой парень виновато моргает, голос из-под респиратора еле слышен.

— Почему нарушаете?

— Так ведь побыстрее с аварией этой разделаться хочется.

Желание доброе, но торопливость может повести к беде. Води-

Дежурство несут В. Ленников (слева) и С. Теребуха (справа).

В зоне Чернобыльской АЭС строго следят за дисциплиной водителей. Если случится на дороге авария, то «пробку» пережидать небезопасно.

Два раза в день каждый, кто работает в зоне, проходит медицинское обследование.

Каждый дом в Чернобыле подлежит дезактивации.

**Начальник Чернобыльского
РОВД подполковник милиции
Федор Куприянович Коваленко.**

Проходят осмотр и автомашины.

**Мемориальную плиту в дар от
пожарных США и Канады вру-
чает героям Чернобыля Чрезвы-
чайный и полномочный предста-
витель Украины при ООН В. Ф.
Скопенко.**

В минуты отдыха. А завтра они снова заступят на боевую вахту.

тель в зоне недавно, еще не привык к строгой дисциплине. Однако просечку в талоне Сергей делает. Три просечки, и водителю дорога в зону будет заказана. Иначе нельзя.

Едем к реактору. В непосредственной близости от него — последний пост ГАИ. Здесь надо особенно бдительно, строго следить, чтобы не было заторов транспорта: пережидать «пробку» небезопасно. На этом ответственном посту дежурит младший лейтенант милиции Дмитрий Светлицкий из Одессы. Работает быстро и четко, словно дирижирует действиями сотен машин.

— Как дежурится?

Дмитрий улыбается:

— Нормально!

Мы снова в городе. Встречаем патрульную машину Чернобыльского РОВД. Двигается она медленно, останавливается у каждого дома. Из машины выходит патрульный милиционер, тщательно проверяет подъезды, смотрит, на месте ли «квитанция» — так здесь называют полоски бумаги, наклеенные на дверях. Если сорвана — объявляется тревога. Но пока такого не было. Круглосуточно несут дежурство патрульные машины, охраняя оставленные дома.

— Работа стала у нас специфичной, — говорит начальник Чернобыльского РОВД подполковник милиции Коваленко, — мы поделили город и села района на сектора. За каждым сектором закреплен наряд, имеющий в своем распоряжении автомашину. Следим за сохранностью домов, социалистического и личного имущества. Краж со взломом, случаев хищений в зоне немного. Однажды обнаружил наряд в одном из частных домов кражу радиоприемника. К вечеру того же дня отыскивали тех, кто его похитил.

Больше подобных случаев нет. Есть недоразумения. К примеру, муж при эвакуации прихватил что-то ценное из дому, забыв сказать жене. Та приехала в зону, чего-то не обнаружила. Естественно, идет в отделение милиции. Позже путаница выясняется.

...Начальник отдела БХСС майор милиции Карпенко ведет допрос человека, который, работая водителем автомашины райпотребсоюза, обеспечивающей снабжение одного из пунктов вблизи зоны, доставлял сюда тайком спиртное и продавал его намного выше государственной цены. Теперь отвечать ему перед законом.

Допрос окончен. Можно поговорить с майором.

— Работы много,— говорит он.— Во-первых, нужна бдительность, чтобы пресекать любые поползновения нажиться на беде чернобыльцев. Вот как этот человек: пытался спекулировать спиртным — ведь в зоне и вблизи нее установлен «сухой» закон. Много и другой работы.

Карпенко показывает нам пачку актов на списание в связи с аварией и длительным хранением продуктов в сельских и городских магазинах. Необходимо проверить, все ли продукты захоронены. Ведь возможна ситуация, когда нечестный человек надумает реализовать списанное. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы пораженные радиацией продукты попали в продажу.

Перед отъездом из зоны мы побывали в расположении пожарной части № 17. Караул этой части в ночь на 26 апреля был поднят по тревоге и первым вступил в схватку с огнем. Фотографии погибших в траурной рамке — возле стола президиума. Сегодня здесь торжественное собрание. Чрезвычайный и полномочный представитель Украины при ООН Владимир Федорович Скопенко вручил части мраморную мемориальную плиту от пожарных США и Канады. На ней золотыми буквами выведено по-английски: «Пожарные Чернобыля! Вы шагнули в огонь, спасая ваших и наших детей. Мы никогда не забудем вашего мужества...»

Нет ничего сейчас важнее в мире, чем объединение простых людей планеты в борьбе против тех, кто жаждет разжечь пожар новой войны. Атомной! Всеистребляющей! Особенно остро понимаешь это в Чернобыле. Небольшая часть бушующей атомной энергии выплеснулась наружу. А сколько в мире арсеналов, сколько в них грозно дремлет атомных мощных бомб? Об этом никому забывать нельзя. Спасибо вам, пожарные США и Канады, что вы понимаете это...

Мы уезжали из зоны под вечер. В первом же селе за КПП на одном из домов увидели аистов. Толкая друг друга, они укладывались в гнезде.

— «Аист на крыше — мир на земле», — цитирует известную песню сопровождающий нас младший лейтенант милиции Сергей Терехуха. — Вернутся аисты и в Чернобыль!

Вячеслав СТЕРИН

Фото Владимира ЗИМИНА

Район Чернобыльской АЭС.

Сергей АЛЕКСАНДРОВИЧ

ОДИН—ЗА ВСЕХ?..

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

«...Активный общественник, депутат районного Совета народных депутатов. Способный специалист, умелый организатор. Уделял большое внимание развитию хозяйства, укреплению его экономической базы. За последние годы урожай зерновых повысился на... процентов, продукция животноводства выросла на... процентов. Выполнены и перевыполнены задания по заготовке кормов. Чистая прибыль хозяйства составила... тысяч рублей. В колхозе возводились объекты соцкультбыта, улучшались условия жизни колхозников...»

(Из характеристики председателя колхоза
«Дайнава» Лаздийского района Литовской
ССР И. Миляускаса)

По существу вся сознательная жизнь Йонаса Миляускаса была связана с сельским хозяйством. Вскоре после окончания армейской службы начал он трудиться в одном из хозяйств Лаздийского района, потом получил образование, работал зоотехником, главным специалистом. В 1970 году возглавил колхоз «Дайнава». Был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд».

Нынешним летом мне довелось побывать в «Дайнаве», которой Миляускас отдал почти 15 лет своей жизни. Хозяйство не лучшее в районе, но, что называется, из крепких середняков. Полторы тысячи крупного рогатого скота, около трех тысяч свиней. На фермах и машинном дворе — чистота и порядок. Есть клуб, столовая, ясли. Всюду асфальт, аккуратные домики, по большей части кирпичные. Во многих дворах — гаражи.

С хозяйством меня знакомил новый председатель Ронас Руткаускас. Прежний, Йонас Миляускас, находится сейчас в колонии усиленного режима. Та блестящая характеристика, которая цитировалась в начале материала, была написана руководством райсельхозуправления для представления не к очередной награде, а в следственные органы.

Главная продукция «Дайнавы» — животноводческая. Чуть меньше трети от общего плана поставок мяса государству составляет не общественный, а личный скот колхозников. Сделано это не в одной «Дайнаве», а во всех хозяйствах республики для того, чтобы стимулировать развитие контрактации, колхозную помощь приусадебным хозяйствам, а в результате — активное участие колхозников в реализации Продовольственной программы. Заключается типовой договор, на основании которого колхоз помогает с кормами, а крестьянин обязуется сдать выращенный им скот мясокомбинату через колхоз по твердой цене — 1 рубль 86 копеек за килограмм. Все организационные хлопоты берет на себя колхоз: здесь же, на месте, действует комиссия по приемке скота, в которую входят зоотехник, заведующий фермой, экономист. Затем колхозный транспорт в полном соответствии с графиком (почасовым!) завоза доставляет бычков на находящийся в 40 километрах Алитусский мясокомбинат. Крестьянину — прибыль, колхозу — план. Если же выращенный бычок весит больше 421 кг, то за него положена 50-процентная прибавка, которая целиком поступает в колхозную кассу. Вот этой системой и сумели воспользоваться дельцы, на ее основе закружился преступный водоворот, который затянул значительную группу людей во главе с председателем «Дайнавы».

* * *

В начале восьмидесятых годов с мясом в «Дайнаве» было неважно. В 1981 году до плана немного не дотянули, к середине 1982-го возникла весьма реальная угроза, что не дотянут уже много. Нужно было что-то предпринимать. И вот погожим летним днем Миляускас вызвал к себе в кабинет главного зоотехника хозяйства Алдону Гедиене и после непродолжительного обмена мнениями поручил ей «договориться» с приемщиками Алитусского мясокомбината. Распоряжение председателя Гедиене успешно выполнила. Суть заключенной договоренности сводилась к следующему. Сдаст, скажем, колхозник Н. бычка весом в 350 кг. В акте же указывается вес 425 кг. Н. платит 75 рублей наличными — по рублю за каждый приписанный килограмм — с тем, чтобы впоследствии, когда за его бычком закроются ворота мясокомбината, получить за килограмм уже по 1 рублю 86 копеек.

Колхоз на этой операции «зарабатывал» дополнительные килограммы к плану поставок мяса государству плюс надбавку за крупный вес, работники мясокомбината Байерчус, Палажия, Придоткене, Лукаускене и другие — по рублю, а колхозники — по 86 копеек за приписанный килограмм. Одним словом, в выгоде оставались все. Кроме, разумеется, государства. Но о его интересах участники сделки подумать как-то забыли.

Аппетит приходит во время еды. В 1982 году таким образом к плану было приписано 10 тонн. В следующем — уже 56. В 1984-м — 75 тонн. Все большее число колхозников оказывалось втянутыми в преступные махинации. «Дело» было поставлено на широкую ногу: одновременно, до отправки скота на мясокомбинат, со всех владельцев собирались деньги по таксе: рубль — килограмм. Сбор и передачу денег «нужным людям» на комбинате по указанию пред-

седателя осуществляли уже упоминаемые Гедиене, инженер по технике безопасности Лангайтис, ветеринарный врач Балчус, водитель Пачуконис, наконец, проходивший в «Дайнаве» производственную практику студент Каупинис. Сам же Миляускас, чтобы не запутаться в сложных расчетах, вел подробную документацию: с кого получено, кому заплачено, сколько приписано. Обнаруженные во время следствия у него в кабинете записи помогли восстановить полную картину хищений, приписок, других искажений государственной отчетности. Скрупулезная работа следственной бригады МВД республики нашла отражение в 40 пухлых томах уголовного дела. За два с небольшим года преступной группой было похищено более 263 тысяч рублей государственных средств и 5,5 тысячи колхозных. 376 тысяч было незаконно перечислено на счет «Дайнавы». Теперь читателю понятно, почему в характеристике Миляускаса, там, где речь идет об экономических показателях колхоза, вместо цифр проставлены многоточия: показатели были грубой «липой».

* * *

Ну а что же происходило потом с теми тоннами мяса, которого не было? Какие новые превращения ждали их за стенами мясокомбината? Ведь в итоговой отчетности все должно было сойтись с точностью не до тонны, до килограмма. Оказывается, и здесь действовал механизм на удивление несложный. Для начала составлялись два акта о приемке. В одном значились подлинные данные, соответствовавшие весу сданного скота, в другом — завышенные. Если на комбинате все было «спокойно», то на свет божий извлекался второй документ, если же грозила проверка со стороны дирекции или органов БХСС, о чем своевременно и с настораживающей точностью преступников оповещал «беспроволочный телеграф», то — первый. Что же касается сведения концов с концами, то здесь в ход шли дутые цифры потери веса скота при транспортировке (это при литовских-то дорогах и расстояниях!), беззастенчивый обвес по приемке скота других хозяйств. Увозили, скажем, из колхоза 15 тонн, а при перевешивании скота на комбинате вдруг оказывалось, что привезли 14 тонн 920 кг. Представитель хозяйства мог бы, конечно, возмутиться, не поверить, потребовать перевеса. Но процедура это долгая, а там уже представители другого колхоза торопят — по графику наступает их время. И, наконец (что, может быть, самое главное), никакой ответственности за эти потери представитель колхоза не несет: все будет списано на те же пресловутые потери при транспортировке. Разве что обругает председатель за головотяпство. Так вот и «щипали» приемщики мясокомбината: здесь полсотни килограммов, там полсотни. Но комбинат-то обслуживает несколько десятков хозяйств. Вот и получалось: с миру по нитке, жуликам тысячи. Рассматривавшая это дело судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Литовской ССР в частном определении отметила, что деятельность преступной группы стала возможной в результате резкого ослабления контроля за работой мясокомбината, в том числе и со стороны правоохранительных органов.

* * *

На Алитусский мясокомбинат мы приехали вместе с сотрудником городского отдела БХСС С. Маслаускасом. Директор Ч. Дымша, когда я попросил его познакомить с производством, пошутил: «Ста-

нислав Антонович вполне мог бы сам быть вашим гидом. Он комбинат знает не хуже меня». Слова эти имеют под собой вполне реальную основу: работники органов внутренних дел на протяжении последних двух лет на комбинате частые гости. Может быть, гости и не самые желанные, но, увы, необходимые. Рейды, проверки, контрольные взвешивания — напряженная плановая работа дала ощутимые результаты. Тем более, что и руководство комбината стало уделять значительное внимание организации охраны своей продукции.

— Выводы из той истории мы сделали самые серьезные, — говорил Ч. Дымша. — И дело, конечно, не только и не столько в объявленных выговорах. Принятые меры направлены на то, чтобы в корне пресечь саму возможность хищений. Усилены требования к подбору кадров, создана специальная дружина, состоящая из должностных работников комбината. Она оказывает действительную помощь работникам вневедомственной охраны. Не хочу приводить цифры по задержанным несунам — динамика роста здесь может в равной степени свидетельствовать как об усилении режима охраны, так и об увеличении числа хищений. Приведу лишь один, самый реальный, на мой взгляд, хотя и не очень радостный показатель: впервые за много лет комбинат начал испытывать нехватку рабочей силы. Те, кто пришел к нам с надеждой обеспечить себе «левый» приварок к зарплате, уходят, убедившись в надежности поставленного заслона.

Директор говорил о борьбе с мелкими хищениями. Что же касается того преступного механизма, которым воспользовались очковтиратели и расхитители, то он стал предметом тщательного анализа в республиканском агропроме. Результатом такого анализа явилось введение новой инструкции, регламентирующей организацию закупки скота у населения. Не буду вдаваться в детали. Отмечу лишь, что в ее основу заложены, во-первых, большая гласность, а, во-вторых, значительно более строгий бухгалтерский учет. Не умаляя роли правоохранительных органов, следует сказать, что именно учет и контроль являются самым надежным барьером на пути хозяйственных злоупотреблений. Жаль только, что к осознанию этого руководители агропрома республики пришли после частного определения Верховного Суда Литвы.

* * *

Долгой и обстоятельной была беседа с первым секретарем Лаздийского райкома Компартии Литвы К. Стонцелисом. С чувством законной гордости он рассказывал о достижениях района, который по развитию животноводства занимает одно из ведущих мест в республике.

— Хотя догадываюсь, конечно, — улыбается секретарь, — что вы не хвалить нас приехали. — И тут же уже серьезно. — Теперь по делу Миляускаса. Показатели «Дайнавы», а уж тем более «липовая» их часть, для района погоды не делали, а вот история эта, как разлитая танкером нефть на поверхности моря: и заметна, и очищать нужно, и последствия долго сказываются. Разумеется, она стала предметом самого серьезного разбирательства. Многие товарищи, не осуществлявшие должного контроля, наказаны по партийной линии, четыре человека исключены из рядов партии. И вины за случившееся районное руководство с себя не снимает — ослабили контроль. Выводы нами сделаны самые серьезные.

Что ж, принципиальная позиция руководства района не может, конечно, не радовать. Но, изучая дело Миляускаса, я наткнулся на две характеристики. Одну, выданную осенью 1984 года, я уже цитировал. Другая была написана на полгода раньше. Различие в этих характеристиках минимальное — один абзац. Само по себе это неудивительно: человек за полгода сильно не меняется. Но вот абзац этот, появившийся во второй характеристике, несомненно, заслуживает внимания. Он гласит: в июне 1984 года И. Миляускас приговорен Лаздийским народным судом к штрафу в 300 рублей за... приписки и другие искажения государственной отчетности.

Осужден — и оставлен в должности. Осужден — и для руководителей райсельхозуправления остался «способным специалистом и умелым организатором». Организатором чего, позволительно спросить? Впрочем, исчерпывающий ответ на этот вопрос содержится в приговоре Верховного Суда республики. Авторы характеристики даже привели в качестве документального подтверждения деловых способностей Миляускаса цифры колхозного процветания — те самые цифры, происхождение которых в это самое время изучало следствие.

Кстати, любопытная деталь: после того первого суда главный зоотехник «Дайнавы» Алдона Гедиене, по ее собственному признанию, испугалась и отказалась от дальнейшего участия в махинациях. А вот Миляускас не испугался и продолжал. Уж не потому ли, что наказание было почти символическим? Впрочем, к мотивам, которыми руководствовался бывший председатель, мы еще вернемся, а пока еще раз отправимся в «Дайнаву».

* * *

Прошлый год для колхоза был, по определению его нового председателя Р. Руткаускаса, шоковым. Несколько человек были арестованы, десять материально-ответственных работников и специалистов, получавших за сданный личный скот завышенные суммы, были уволены либо перемещены на низшие должности. Да и многие рядовые колхозники чувствовали себя в период следствия, мягко говоря, неуютно. Одним словом, моральный климат в коллективе явно оставлял желать лучшего. План по продаже мяса государству был выполнен всего на 63 процента — один из самых низких показателей в республике. Сейчас «Дайнава» постепенно выходит из прорыва. В середине июня, когда мы встречались с Руткаускасом, до плана первого полугодия колхозу не хватало самой малости — десятка тонн.

— С этим мы справимся. А вот дать гарантию, что мы выполним годовой план, я пока не могу, хотя, конечно, все усилия к этому приложим, — сказал тогда председатель. — Зато могу поручиться головой: приписок больше не будет. Каждый килограмм, за который мы отчитываемся, будет честным, реальным. Резервы ищем не в подтасовке цифр — в совершенствовании хозяйственного механизма, укреплении кормовой базы. В этом году задействовали 120 га новых пастбищ — это обязательно должно принести свои плоды.

Что ж, пожелаем «Дайнаве» и ее председателю успехов в будущем. Ну, а что здесь думают о недавнем прошлом? Не Руткаускас — он здесь человек новый, а те, кто много лет работал под руководством старого председателя, Миляускаса и его подельников... жалеют. Жалуют искренне, открыто. Многие из моих собеседников, не сговариваясь, повторяли друг за другом: да, председатель, конечно, вино-

ват, но наказание для него и других работников колхоза избрано чрезмерно суровое. Чрезмерно? Это при том, что совершенные с их помощью хищения социалистической собственности квалифицированы судом как хищения в особо крупных размерах!

В «Дайнаве» разводят руками. Приемщики мясокомбината получили по заслугам. Милиаускас же и его подчиненные действовали исключительно в интересах хозяйства, заботились не о собственном кармане — о благе родного колхоза.

Ну, а как быть с тем, что Милиаускас помог жуликам украсть десятки тысяч государственных средств? Как быть с тем, что в результате его махинаций многим колхозникам, в том числе и кое-кому из моих собеседников, в дополнение к честно заработанным, трудовым деньгам перепали и не столь трудовые?

В ответ — вновь недоуменно поднятые плечи. Мы, мол, люди маленькие, порядков не знаем. Нам сказали, что так надо, мы и поверили. А председатель виноват, конечно, и приписки — это плохо. Но ведь себе-то — ничего. Вот те, воры с мясокомбината, — это дело другое.

Интересно, если бы эти «маленькие» люди в результате действий преступников не получали, а теряли деньги, они бы также молча согласились с тем, что «так надо»? Подозреваю, что в этом случае их осведомленность о существующих порядках оказалась бы значительно выше. Немедленно пошли бы сигналы в милицию, прокуратуру — помогите, где справедливость? Но они получали и молчали...

Участовавший в разговоре прокурор Лаздийского района К. Ачас помечает в своем блокноте: обязательно нужно еще раз приехать в «Дайнаву», встретиться с коллективом. Да, преступная группа изобличена, виновные получили по заслугам, меры приняты. Но дело вряд ли можно считать законченным, если из него не извлечены должные выводы, нравственные уроки. А они, эти уроки, судя по всему, для многих еще впереди...

* * *

Сержант, внимательно изучив мое служебное удостоверение, протянул его обратно. Негромко щелкнул автоматический замок, и через мгновение тяжелая, зарешеченная дверь закрылась за моей спиной. А еще через несколько минут в небольшую комнатку, предназначенную для свиданий, вошел человек в черной робе, на вид — много старше своих сорока восьми. Короткая стрижка — «под ноль». Над кармашком — табличка с фамилией Милиаускас. Бывший председатель колхоза. Бывший член партии. Бывший депутат. Во имя чего этот человек встал на путь обмана государства, раскрутил маховик преступных махинаций, во имя чего перечеркнул свою, а во многом и чужую жизнь?

— Вы же знаете, — глухо говорит Милиаускас. — Лично мне ничего не нужно было. Но планы были слишком напряженные. Я считал, нереальные. Иначе я их выполнить не мог.

Дальше следует монолог о собственном бескорыстии, уже знакомый мне по беседам в «Дайнаве». Но так ли бескорыстен Милиаускас, как он это хочет представить? Действительно, денег он не присваивал. Ну, а как быть со славой «крепкого» руководителя, почетом у районного начальства, уважением колхозников, видевших в Милиаускасе своего «благодетеля»? Слава порой дороже денег. Кстати о деньгах.

— Вы, опытный хозяйственник,— спрашиваю у Миляускаса,— понимали, не могли не понимать, что деньги, которые по вашему приказанию передавались работникам мясокомбината, по существу, украдены у государства?

Пауза.

— Я об этом не думал. Не интересовался. Меня беспокоил только план.

Какая удобная это подчас позиция — не думать! Миляускас не думал о том, что становится организатором группы расхитителей. Гедиене, Лангайтис, Балчус, Пачуконис не думали, какие деньги они собирают и отвозят на мясокомбинат. На суде все дружно говорили: велел председатель. Мы люди маленькие. Допустим, что они председателя побавались, не хотели портить отношения. От него в колхозе многое зависит: и должность, и корма для личного скота, и стройматериалы. Ну, а Витаутас Каупинис, студент-практикант? Ему уж совсем нечего было бояться Миляускаса. Что тот мог — плохой отзыв о практике написать? Однако возил деньги, передавал. Знал, что за деньги, все знал. Но не думал. «Маленький» человек за спиной «большого» председателя?

Миляускас и сегодня готов взять их вину на себя: «Я распорядился, по моему приказу». Он убеждал их: бояться нечего. Ну а сам Миляускас? Знал ли он, на что идет, чем рискует? Заглядывал ли когда-нибудь в Уголовный кодекс? С учетом первой судимости — не мог не заглядывать.

Я намеренно опускаю в этом разговоре понятия морали и совести, порядочности и чувства долга, добра и зла. На весы кладутся лишь голые жизненные факты. На одной чаше — заваленный план и, как следствие этого неліцеприятный разговор в районных инстанциях, выговор, наконец, как самый худший и самый крайний вариант — расставание с председательским креслом. На другой... То, что на другой, Миляускас сегодня изучает на практике. Но, повторяю, имел полную возможность узнать об этом из Уголовного кодекса. Почему же перевесила эта чаша? Неужели не было страшно?

— Было, конечно,— медленно, словно взвешивая каждое слово, начинает Миляускас. И вдруг словно взрывается.— Вы думаете, я один такой был? Все, слышите, все так делали! Вот говорят, я организатор. Да неужели я бы весь этот механизм смог изобрести?! Знал о нем, вот и воспользовался. И все знали. Только я ведь как думал: все делают, всем и отвечать. А всех не посадят. Разве что попугают, как тогда с первым судом. А в результате получилось, что на скамье подсудимых из руководителей хозяйств оказался я один. Один за всех.

Два года (с учетом предварительного заключения) находится Йонас Миляускас в местах лишения свободы. Достаточный срок для размышлений. Но так он и не смог за эти два года понять, что отвечать ему пришлось по всей строгости закона не за всех, а за себя, за собственные преступления. За хищения в особо крупных размерах, организатором которых он был, за приписки, искажения государственной отчетности, за то, что толкнул он своих подчиненных на преступный путь.

Не раз во время нашего разговора Миляускас повторял: действовал в интересах колхоза, действовал во имя плана. Об этом же он говорил и во время следствия, и на суде. Но ведь плана-то не было! План — это не «нужные» цифры в победных релициях, а реальные, осязаемые тонны сданного мяса, выращенного хлопка, вы-

плавленной стали. План — это не подписанные и отправленные «наверх» бумажки, а действующие заводы, заселенные дома, доставленные по месту назначения грузы. Об этом, к сожалению, Миляускас и ему подобные на определенном этапе попросту забыли.

Сегодня, когда партийным съездом и состоявшимся в июне Пленумом ЦК КПСС подтвержден стратегический курс на ускорение, на повсеместную работу с максимальной мобилизацией сил и резервов, нам, как никогда, нужно **реальное** дело, а не рапорты.

«Планы были нереальными», — сказал Миляускас. Сомневаюсь, но спорить не берусь — вынести вердикт здесь смогли бы только специалисты-экономисты после детального анализа. Однако давайте представим себе на мгновение, что Миляускас прав. Что ж, и сейчас нельзя исключать, что найдутся на местах горе-руководители, которые поспешат поскорей отчитаться о собственном «ускорении», о принятых высоких обязательствах, оставив на потом вопросы их практического обеспечения. В жизни всякое бывает. Но партийный, гражданский, человеческий долг тех, на чьи плечи ляжет этот завышенный план, добиться, пусть даже ценой личных неприятностей и неурядиц, чтобы этот план был приведен в соответствие с жизнью, а не жизнь «подгонять» к плану. Иначе не быть перелому, не быть ускорению.

Печальная история, случившаяся в колхозе «Дайнава», лишний раз напоминает о том, какую цепную реакцию может вызвать «бескорыстная» приписка, совершенная во имя благополучной отчетности. Вот закономерный итог этой истории. Миляускас осужден к 15 годам лишения свободы, Гедиене — к 12, Лангайтис — к 10. Работники мясокомбината Придоткене и Палажия «заработали» по 13 лет, Лукаускене — 12. К различным срокам лишения свободы приговорены другие участники преступной группы. Партийные взыскания объявлены ряду ответственных работников Лаздийского и Алитусского районов. Проведены собрания, усилен контроль, вступили в действие новые инструкции. И можно, казалось бы, поставить точку. Так, частный случай. Как это принято было до недавнего времени говорить, «отдельный, имевший место...» Но не идут у меня из головы слова Ионаса Миляускаса: «Все знали. Все делали. Я один за всех». Понимаю, конечно, что это — преувеличение. Больше, чем преувеличение.

Но все же ставить точку, видимо, еще рано.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРАВО И НАША СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАКОН И РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ

ФРАНЦУЗСКИЙ просветитель Дидро писал, что детей делает честными «настоящая любовь отца», а русский историк и писатель Н. М. Карамзин добавлял: «Без хороших отцов нет хорошего воспитания». А как же матери? «У большинства гениальных людей были замечательные матери..., и они гораздо больше приобрели от своих матерей, чем от отцов...» (Бокль). «Восславим женщину — Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир!» (М. Горький).

Эти высказывания не так уж и противоречат друг другу. И отцовская и материнская любовь заслуживают одинакового уважения. Но помимо родительской любви, которая сугубо индивидуальна в каждой семье, существуют родительские права и обязанности, которые одинаковы для всех. Если супружеская любовь, как правило, является основой брака, родительская любовь далеко выходит за его пределы. Супружеская любовь может иссякнуть, и брак может быть расторгнут, но любовь родителей к детям, рожденным в этом браке, а также ответная любовь детей к своим родителям может не только не ослабнуть, но, наоборот, усилиться.

В Конституции СССР подчеркивается, что граждане «обязаны за-

ботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества» (ст. 66). Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей (ст. 52 КоБС РСФСР). Таким образом, родители наделяются правом на личное воспитание своих детей. Это право одновременно является и обязанностью родителей. И всякое злоупотребление родительскими правами: нарушение закона о всеобщем образовании, вовлечение ребенка в пьянство, приучение к воровству или попрошайничеству и т. д. — может повлечь за собой отобрание ребенка от родителей (ст. 64 КоБС РСФСР) или даже лишение родительских прав (ст. 59 КоБС РСФСР).

Родительские права возникают сразу же с рождением ребенка и продолжаются до его полного совершеннолетия, т. е. до 18 лет. Все вопросы воспитания детей решаются обоими родителями по взаимному согласию (ст. 54 КоБС РСФСР).

Конечно, возможно и несовпадение линий отцовского и материнского воспитания, так же как возможны и конфликты в самых благополучных супружеских союзах. Однако если бытовой конфликт между супругами — исключительно их личное дело, то конфликт между родителями по поводу семейного воспитания детей не только их дело. В этих случаях согласно ч. 4 ст. 54 КоБС РСФСР «при отсутствии согласия спорный вопрос разрешается органами опеки и попечительства». Это и есть один из случаев, когда закон вторгается в сферу родительской любви и родительского воспитания. Ситуация сравнительно «легкая». К сожалению, бывают и другие.

РАЗВОД. Супруги решают судьбу детей. Конечно, родительская любовь, как правило, никуда не исчезает. Но ребенок при всем желании не может жить одновременно с матерью и с отцом, если они разошлись. Вот тут-то закон и вынужден вмешаться с присущей ему определенностью и возможностью применения принуждения. Родители, которые развелись или живут раздельно без расторжения брака, имеют право сами решить вопрос о том, с кем будут проживать несовершеннолетние дети. «При отсутствии согласия между родителями спор разрешается судом, исходя из интересов детей» (ч. 2 ст. 55 КоБС РСФСР).

Решением народного суда брак между Бахаревой и Ворониным был расторгнут, а их дочь Маша оставлена проживать с отцом, так как мать находилась в лечебном учреждении. Выписавшись из больницы, Бахарева обратилась в суд с иском о передаче ей дочери на воспитание. Отец Маши пояснил в суде, что его бывшая жена страдает серьезным психоневрологическим заболеванием и регулярно помещается в больницу. Что же касается девочки, то она привязана к нему и к его новой жене, которая по-матерински заботится о ней. Представитель органа опеки и попечительства дал заключение, что ребенка целесообразно оставить у отца. Однако иск Бахаревой был удовлетворен, так как, по мнению суда, Воронин в определенной степени повинен в заболевании его бывшей жены. С точки зрения «нравственного возмездия» такое решение можно понять. Но с точки зрения закона судьба ребенка должна решаться прежде всего исходя из его интересов. Вот почему вышестоящий суд отменил это решение, указав, что выяснение причин заболевания истицы не относится к тем обстоятельствам, установление которых необходимо для разрешения вопроса, при ком из родителей ребенок должен находиться.

Другое дело. Супруги разошлись, не оформив развода. Младший сын остался проживать с матерью, старший — с отцом и бабушкой. Спустя несколько лет жена предъявляет иск о расторжении брака, о передаче ей на воспитание старшего сына и о взыскании алиментов на двоих детей. Суд удовлетворил иск. Между тем при решении спора о передаче ребенка на воспитание одному из родителей суд в совокупности с другими доказательствами должен учитывать желание ребенка, его возраст (10 лет и старше), его привязанность к тому или другому родителю. В приведенном выше деле старший сын категорически заявил (а ему уже исполнилось 13 лет), что хочет жить с отцом. Нежелание мальчика уходить от отца проявилось и в том, что решение суда о передаче ребенка матери так и не было исполнено. Исходя из этого, вышестоящий суд отменил решение суда о передаче сына на воспитание матери.

Конечно, каждый родитель вправе требовать, чтобы ребенка передали ему на воспитание. И суд обязан разрешить этот спор.

Бывшие муж и жена! Неужели вы не понимаете, что значит для ребенка, когда другие, незнакомые ему люди решают, с кем он будет жить? Неужели не думаете о последствиях такого «дележа»? Вам не кажется, что, взяв ребенка за руки, один за левую, а другая за правую и не отпуская их, вы разрываете если не тело, то уж душу вашего ребенка наверняка? Разве вы не знаете, что по самой своей природе детская любовь к родителям, как правило, нераздельна? Так почему бы вам не договориться о том, как наименее болезненно для ребенка решить его судьбу?

Но, допустим, суд вынес решение о передаче ребенка, и оно вступило в законную силу. Тогда решение суда необходимо исполнить. Однако не все ответчики, которым предписано судом передать ребенка на воспитание другому лицу, соглашаются сделать это добровольно. Не так уж редко приходится сталкиваться со случаями, когда родитель (или другое лицо) прячет ребенка и всеми силами препятствует исполнению решения. Что делать?

Прежде всего надо помнить, что никакие насильственные действия в отношении ребенка недопустимы. В отношении же родителей, отказывающихся исполнять судебное решение, закон предусматривает применение следующих мер: 1) если ответчик не исполняет решение, об этом составляется акт, который направляется в суд; 2) на основании акта суд выносит определение о наложении штрафа на ответчика, причем уплата штрафа не освобождает ответчика от обязанностей выполнить решение; 3) в первом случае штраф накладывается в сумме до 200 рублей, а в случае последующих отказов исполнить решение сумма наложенных штрафов может достигнуть 1000 рублей.

ВЫШЕ уже говорилось, что права отца и матери на воспитание своих детей являются равными. Более того, это не только права, но и обязанности. В законе прямо записано, что родитель, проживающий отдельно от детей, имеет право общаться с ними и обязан принимать участие в их воспитании, а другой родитель не вправе препятствовать ему общаться с детьми и воспитывать их (ст. 56 КоБС РСФСР).

Безусловно, конфликты между супругами, затем распад брака и, наконец, развод не очень-то способствуют успехам родительского воспитания. Если, однако, родители понимают, что крушение их любви и супружеского союза должно безболезненно сказаться на детях, они могут разумно согласовать те формы и способы,

с помощью которых отец или мать, проживающие отдельно от ребенка, будут встречаться с ним и принимать участие в его воспитании. Многое здесь зависит от конкретной бытовой и психологической ситуации, от возможностей родителей, от настроения и восприимчивости ребенка и от многих других факторов. Но прежде всего от бывших супругов. Они и так уже смутили покой своего ребенка, заставив его так или иначе оценивать их разрыв и приспосабливаться к новой обстановке. Пусть же у них хватит разума, самообладания, самоотверженности и такта не усугублять трагедию детей, которые неизбежно выбиты из привычной колеи семейного общения. Так во многих случаях и бывает, но, к сожалению, не всегда.

Не все родители оказываются на высоте, проявляют мудрость и благородство, некоторые из них, раздраженные только что случившимся семейным разрывом, стремятся использовать ребенка в качестве орудия во взаимной борьбе. Как самому ребенку разобраться в этой открытой или скрытой войне людей, которые для него являются самыми близкими? В подобных случаях встречи с отдельно проживающим родителем, а особенно последствия этих встреч превращаются для него в пытку. Нервные потрясения детей, страдающих в результате постоянного стремления родителей или одного из них к обострению конфликта, не так уж редки.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДОЖДЬ, ЛУЖИ. Мы идем из Центрального лектория, лектор и слушатель. Последнему нужно выговориться и получить совет.

— Вот вы говорили о праве на общение, об обязанности воспитания. Я сегодня утром общался и воспитывал... сына. После таких встреч я больной дня два-три. Сын — весь как еж, а я как натянутая струна...

— И давно вы разошлись?

— Три года, четвертый пошел. Все это время непрерывная война с ней. Сперва вообще не разрешала видаться, даже в другой район увезла, к теще. Теперь имею право встречаться один раз в неделю по средам, а в воскресенье беру его на первую половину дня. Настраивает она сына против...

— У вас другая семья?

— Да, я женат, дочка недавно родилась.

— А вы не думаете, что сын ревнует вас к этой новой семье, к ребенку?

— Да что вы, пацан понимает, это она его все время подзуживает. Может, мне в суд обратиться?

— Суд у вас заявления не примет, да и что, собственно, вы хотите от суда? Сколько сыну лет?

— Четырнадцать... Я ведь имею право, а она мешает!

— Может, вам отступить на время, переждать? Сын подрастет, лучше вас поймет. Жизнь очень длинная...

— Нет, я от своего права не отступлюсь!

Распрощались... Отдельно проживающий родитель ушел, не удовлетворенный ответом. Идет по дождливому городу и, наверное, сетует: вот говорят — право защищает, право обеспечивает, а где она, защита? Между тем дело не в праве, которое якобы недостаточно совершенно. Дело в сложности человеческих, в данном случае сыновних, чувств. Право не всегда может тут помочь, ему не все подвластно.

РОДИТЕЛЬСКИЕ права и обязанности неотчуждаемы. Их нельзя кому-либо передать или самостоятельно отказаться от их выполнения. На память приходят жизненные ситуации, когда ребенок отправлен в деревню и до школы постоянно воспитывается бабушкой и дедом, другие родители на два года направлены работать за границу, а ребенок остался у бабушки и т. д. Во всех этих случаях нет отказа ни от своих родительских прав, ни от обязанностей.

Передача детей на временное воспитание близким родственникам не снимает с родителей ответственности за поступки их детей. Родители Саши Бровмана уехали в длительную командировку за границу, оставив его с бабушкой и дедом. Однажды Саша вместе с приятелем угнал от дома новый автомобиль «ВАЗ 21013», чтобы покататься. На крутом повороте он не справился с управлением и врезался во встречный «Москвич». Жерта, к счастью, не было, но ущерб составил около 3000 рублей. Кто его будет возмещать — бабушка с дедом? Нет, родители Саши... Обязанность возмещения ущерба, кстати, лежит на обоих родителях, в том числе и на тех, которые в данный момент с ребенком по какой-либо причине не проживают. Пленум Верховного Суда РСФСР по этому поводу указал, что под виной родителей, влекущей их ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, следует понимать как неосуществление должного надзора за несовершеннолетними в момент причинения вреда, так и безответственное отношение к их воспитанию или неправомерное использование их прав по отношению к детям, результатом чего явилось неправильное поведение детей, повлекшее вред (попустительство или поощрение озорства, хулиганских действий, безнадзорность детей, отсутствие к ним внимания и т. п.). Родители, проживающие отдельно от детей, несут ответственность за вред на общих основаниях, предусмотренных ст. 450 ГК РСФСР.

Сфера семейного воспитания достаточно сложна. Не всегда право может четко определить меру юридической ответственности родителей. Представим, например, что родители плохо воспитали своего ребенка, и он вырос лживым, ленивым, лицемерным, жестоким и т. п. Моральная ответственность родителей за результаты их воспитания очевидна, но о юридической ответственности пока говорить нельзя. О юридической ответственности родителей можно сказать примерно так: это ответственность не столько за «качество» воспитания, сколько за его результаты, за поступки и поведение детей.

В некоторых случаях поступки детей не только связаны с причинением материального вреда, но и социально опасны (хулиганство, хищения, нанесение телесных повреждений и т. п.). В таких случаях родители могут быть привлечены к административной ответственности за злостное невыполнение своих обязанностей по воспитанию и обучению своих несовершеннолетних детей (ст. 164 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях).

Закон предусматривает не только административную, но и уголовную ответственность родителей за некоторые действия, свидетельствующие о ненадлежащем воспитании детей. Конечно, случаи применения подобных суровых мер к родителям встречаются не так уж часто. Однако оснований для самоуспокоенности быть не должно.

КАК это ни печально, но юристам иногда приходится сталкиваться с самыми отрицательными сторонами отношений между родителями и их детьми. Речь идет о тех случаях, когда один из родите-

лей или оба полностью пренебрегают своими обязанностями, жестоко обращаются с детьми, оказывают на них вредное влияние. Закон в подобных случаях допускает лишение родительских прав по суду.

Вот о чем писала как-то газета «Ленинградская правда». «Установлено, что супруги Тулины не занимаются воспитанием восьмерых детей, квартира находится в антисанитарном состоянии, дети не получают достаточного питания, не имеют необходимой одежды. Почти все дети больны. Отец — Николай Тулин, 32 года, не работает, состоит на учете в наркологическом диспансере — алкоголик. Мать — Любовь Тулина, 28 лет, работает дворником, по работе характеризуется отрицательно. Своих материнских обязанностей не выполняет...». Журналист описал ход судебного заседания. Суд лишил Тулиных родительских прав, и решение суда исполнено. «Утром приехала милицмейская машина забирать пятерых младших детей. Они не плакали: к людям в белых халатах привыкли в больницах. Тулина вела себя спокойно... Зло пресечено: дети находятся в детских учреждениях».

В газетной статье стоит точка, но мы должны сказать несколько слов. Нетерпимое отношение к детям иногда происходит на наших глазах: его не могут не видеть соседи по дому и по квартире, близкие родственники, врачи и другие люди. Видят, но молчат, ничего не предпринимают для защиты детей. А ведь «охрана детства» — это не только обязанность специальных органов, но и долг каждого человека, нашего общества в целом.

Каковы условия применения такой достаточно жесткой кары, как лишение родительских прав?

Закон говорит: «Родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей или злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, оказывают вредное влияние на детей своим аморальным антиобщественным поведением, а также если родители являются хроническими алкоголиками или наркоманами» (ст. 59 КоБС РСФСР).

Решение о лишении родительских прав может принять только суд. Только суд может определить и дальнейшую судьбу детей. Придавая исключительное значение этой категории дел, закон требует, чтобы дело рассматривалось с обязательным участием органа опеки и попечительства, прокурора. Наш суд очень гуманен, он идет на применение тяжелой для родителей меры лишь в бесспорных случаях.

Ну а что же означает лишение родительских прав? Под родительскими правами, которых могут быть лишены мать и отец, понимают: предоставленное законом право на личное воспитание ребенка; право на представительство и защиту интересов ребенка; право на истребование ребенка от других лиц и дачу согласия на его усыновление (удочерение); право на получение алиментов от совершеннолетних детей; право на пенсионное обеспечение в случае смерти совершеннолетних детей; право на наследование имущества детей и т. д. Лицу, лишенному родительских прав, прекращается выплата назначенных детям пенсий, пособий, других платежей, в частности взыскиваемых в пользу детей алиментов. Это не освобождает, однако, «бывших родителей» от обязанности по содержанию детей, они обязаны платить им алименты.

КАК ВИДНО из всего сказанного, лишение родительских прав — суровая юридическая мера. Да и вся область взаимоотношений родителей и их детей отнюдь не исключена из сферы правового воздействия. Что же, право подавляет родительскую любовь, навязывает строгие предписания и действует принудительно там, где речь идет «о тонких родительских чувствах»? Наоборот, право защищает родительскую любовь, защищает ее «до последнего», даже тогда, когда сами родители своим собственным поведением нанесли и своим чувствам, и чувствам своих детей невосполнимые потери. Закон предусмотрел возможность лишения родительских прав, но закон не всемогущ. Он не может «отменить» или «признать недействительными» человеческие чувства. В детях, как правило, развиты чувства привязанности и любви к своим родителям, каким бы ни было отрицательным их поведение, какой бы «непутевой» ни была их судьба. Маленькие дети в подобных ситуациях многого не понимают. Да и родители, пренебрегающие своим долгом или нарушившие его, сохраняют к детям чувство любви. Что же делать?

В нашем законе есть норма, которая прямо направлена на защиту детской и родительской любви в этой очень неблагоприятной для нее обстановке. «По просьбе родителей, лишенных родительских прав, органы опеки и попечительства могут разрешать им свидание с детьми, если общение с родителями не окажет на детей вредного влияния» (ст. 62 КоБС РСФСР). Закон разрешает, наконец, восстанавливать родительские права, если этого требуют интересы детей. Восстановление в родительских правах производится только судом, который должен тщательно проверить, изменилось ли поведение родителей и можно ли им доверить воспитание детей. В одном случае, однако, лишение родительских прав необратимо: если ребенок был усыновлен (удочерен) другими лицами, восстановление в родительских правах не допускается.

И, наконец, последнее, что следует сказать о праве, которое защищает родительскую любовь. До сих пор мы говорили о тяжелых обстоятельствах, при которых суд или органы опеки и попечительства вынуждены вместо родителей решать судьбу их детей. Действительно, острые конфликтные семейные обстоятельства заставляют государство вмешиваться в них и, исходя из интересов детей, твердо определять их судьбу, а иногда и судьбу их родителей. Вот суд вынес решение, по которому ребенок должен воспитываться отцом (или матерью). Это навсегда? Нет, обстоятельства могут измениться. Те мотивы, по которым суд в свое время решил судьбу ребенка, могут отпасть. Родитель, которому суд доверил воспитание ребенка, может оказаться недостойным доверия. В подобных случаях возможно вторичное предъявление иска о передаче ребенка на воспитание с учетом новых оснований. Можно, таким образом, еще раз вступить в борьбу за свою родительскую любовь. Но... не торопитесь делать этого, помните прежде всего о ребенке, его духовном мире и покое. В предыдущей статье мы писали о «вещах и квадратных метрах», о личной собственности супругов. Ребенок, да-да, ваш ребенок, — не ваша личная собственность. Ваш ребенок — личность, и не забывайте об этом.

Д. ЧЕЧОТ,
доктор юридических наук

ВАЖНЫЕ ЗАДАЧИ АДВОКАТУРЫ

В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза подчеркнута необходимость совершенствования деятельности адвокатуры. О стоящих перед ней задачах в свете требований партийного съезда шел конструктивный, откровенный разговор на Всесоюзном совещании адвокатов, состоявшемся летом этого года. В его работе участвовали: министр юстиции СССР Б. В. Кравцов, заместители министров юстиции союзных республик, руководители коллегий адвокатов, ответственные работники ряда министерств и ведомств, ученые.

С докладом на совещании выступил заместитель министра юстиции СССР М. П. Вышинский. Он подчеркнул, что в настоящее время значительно повышено требование к осуществлению правосудия и особая роль в этом отводится адвокатуре. Ее важнейшая задача — содействие охране прав и законных интересов граждан и организаций, укреплению конституционных гарантий и свобод личности, защите ее чести и достоинства. Была подчеркнута важная роль адвокатуры в содействии осуществлению правосудия. Для повышения этой роли необходима решительная перестройка в деятельности адвокатуры. Выступавшие были единодушны во мнении, что при защите прав и законных интересов граждан должно быть расширено участие адвокатов в уголовном процессе. Это увеличит их вклад в предотвращение судебных ошибок.

Участники совещания поднимали вопросы об усовершенствовании системы оплаты труда адвокатов, более широком использовании в их работе достижений научно-технического прогресса, повсеместном улучшении условий труда.

Большое внимание было обращено на необходимость всемерного и более полного расширения юридической помощи гражданам в соответствии с Комплексной программой развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы.

Не везде еще этому уделяется должное внимание. Так, медленно перестраивают работу Азербайджанская, Узбекская республиканские и ряд других коллегий адвокатов. И, напротив, там, где к решению этих вопросов подходят творчески, рассматривают их как одну из важнейших задач, налицо положительные результаты.

Было указано на недостаточный вклад адвокатов в правовое обеспечение народного хозяйства.

Выступавшие признали важность и полезность подобных совещаний в деле обмена передовым опытом и высказались за их регулярное проведение.

ПРИГОВОР ВСТУПИЛ В СИЛУ...

Размышления над несколькими судебными делами

В свое время старший кассир жилищно-коммунального отдела Черногорского производственного камвольно-суконного объединения (Хакасская автономная область) Л. Муркина попросила таксировщицу В. Левеко выписать приходный ордер на 1000 руб. 30 коп. меньше, чем поступило денег в кассу отдела. Так и сделали. Рубли вместе с копейками были взяты из кассы ЖКО и использованы обеими. Главным образом на приобретение спиртных напитков.

Муркиной было тогда 26 лет.

Ровно через три месяца Муркина таким же образом изъала еще 200 рублей. И в дальнейшем они брали деньги из кассы ежемесячно. Помимо Муркиной и Левеко, в хищениях принимали «посильное участие» кассир отдела И. Седова (двадцать лет) и бухгалтер Л. Дынькова (двадцать восемь лет). «Коллеги» за неполных два года укорили из кассы ЖКО более 30 тысяч рублей и истратили их, как говорится в приговоре суда Хакасской автономной области, «на приобретение спиртных напитков и другие ненасущные нужды».

Муркина и Левеко осуждены к 10, а Седова и Дынькова — соответственно к 8 и 4 годам лишения свободы с конфискацией имущества каждая.

...С июня 1979 года по июль 1982 года заведующая винным отделом магазина № 29 Кемеровского горпищеторга И. Ханурова и продавцы того же отдела С. Давыдкина и Р. Щеголева изъали из выручки отдела, как говорится в приговоре, «на свои личные нужды» крупную сумму денег. Только Ханурова и Давыдкина ухитрились похитить за этот период 17 551 рубль 84 копейки.

Они осуждены к девяти, а Щеголева — к шести годам лишения свободы с лишением права занимать должности, связанные с обслуживанием или распоряжением материальными ценностями, а также с конфискацией имущества.

Добавим, что у всех осужденных несовершеннолетние дети.

...Больше четырех лет совершали хищения в особо крупных размерах главный бухгалтер Чаповского рона (Новосибирская область) Л. Исаева и экономист рона Р. Масалова. У каждой из них по двое несовершеннолетних детей. Делали они это, как указывается в приговоре Новосибирского областного суда, «путем систематического поочередного составления фиктивных платежных ведомостей на выплату заработной платы, отпускных и других выплат». Проще говоря, Исаева и Масалова, периодически исполняя обязанности кассира, составляли фиктивные ведомости, указывая в них подставных лиц, и сами же расписывались в получении денег. Всего из кассы рона они похитили более 36 тысяч рублей.

Виновным назначено 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества каждой.

Автору не стоило бы особого труда привести еще несколько подобных примеров, но, учитывая ограниченные возможности объема журнальной публикации, он не стал этого делать.

Специалисты криминологии констатируют возросшую в последнее время долю правонарушений, совершаемых женщинами. В чем же причины «феминизации преступности»?

Конечно, легче всего сказать так: активизировалась роль женщины в общественной деятельности. В любой торговой точке, на базах, где хранятся ценности, в бухгалтериях и т. д. от 90 до 100 процентов «личного состава» — представительницы прекрасного пола. Абсолютное большинство их, безусловно, честные люди. Речь о других, многих из которых, между прочим, менее 30 лет.

Вызывает удивление и недоумение легкость, с которой проделывались преступные операции. Во всех случаях «изъятия» камуфлировались предельно грубой подделкой документов отчетности, «довложением» занятых (одолженных) товаров или денег перед очередной ревизией или вручением взяток ревизорам. Сразу после ревизии «изъятия» удваивались и утраивались. Так что любая внезапная инвентаризация без труда вскрыла бы злоупотребления.

Во всех случаях суд принимал меры для возмещения ущерба, причиненного «изъятиями». Но, как правило, полностью возместить ущерб не удавалось, поскольку изъятые моментально растрачивались будущими подсудимыми.

Очень многие, а если точнее — почти все «субъекты» злоупотребляли спиртными напитками, короче говоря, пьянствовали. Все они — материально ответственные лица или работники, имеющие свободный доступ к деньгам и товарно-материальным ценностям. И во всех торговых и иных организациях, где совершались хищения, оказался до такой степени запущенным учет товарно-материальных ценностей, что часто отсутствовала возможность точно определить общую сумму недостачи. Ревизии и инвентаризации производились здесь вышестоящими органами от случая к случаю и, как правило, особой скрупулезностью не отличались, о чем свидетельствуют, в частности, и длящиеся по несколько лет правонарушения.

Почти ежедневное в течение ряда лет воровство ведет неизбежно к перерождению личности, а о совести и говорить не приходится. У каждой из осужденных доход от воровства в несколько раз превышал заработок.

Автору удалось побеседовать с некоторыми из осужденных.

Всем им я задавал один и тот же далеко не оригинальный вопрос:

— Когда впервые в жизни столкнулись вы с тем, что называется «корыстные проявления», «хищения», «нетрудовые доходы»? Ответ был один: «В детстве». Приведу несколько выдержек из этих «интервью».

Первая:

— Мы жили в совхозе недалеко от Уссурийска. Отец — охотник. Особенно радовался удачам при охоте на хищников. Однажды пристрелил тигра. Потом еще. Но он никогда не приносил шкуру домой. Только усы. Уже потом, когда немного подросла, узнала, что охота на тигров запрещена. А «свежие» усы ценились, оказывается, втрое дороже любой шкуры. Там, где мы жили, высохли многие сотни гектаров кедровника. Дело в том, что кое-кто, чтобы добыть, не утруждая себя, побольше орехов, закладывал в землю запалы в

шурфы и взрывал. Шишки сыпались градом, а деревья, теряя корни, высыхали.

Вторая:

— Отец был большой начальник, и каждый раз перед его уходом в отпуск к нам домой приезжали его подчиненные или люди, которые от него зависели. Они привозили подношения, не знаю за что. Потом, когда отца арестовали, он сказал маме во время свидания: «Что с возу упало, то пропало, а я и воз потерял».

Третья:

— Каждую субботу отец привозил с работы свертки с продуктами. Чего только там не было. Хвастался: «В месяц я имею три собственных зарплаты, и никакого риска».

Четвертая:

— У нас в доме по вечерам говорили только об одном: кто сколько заработал и как. Тем, кто больше, очень завидовали.

Любимая поговорка отца одной из осужденных: «Чтобы быть честным, надо сперва побольше украсть».

Выводы из всего сказанного может самостоятельно сделать любой читатель. Однако для полноты картины приведу высказывание еще одной осужденной:

— Приходишь, к примеру, в мебельный магазин. Перед тобой «стенка», от двух тысяч и выше, кухни — от шестисот и больше рублей. Есть, не знаю, как и назвать, то ли стулья, то ли кресла — 165 рублей штука, и столы — 565 рублей. Сколько споров идет о вещизме, а чего спорить, если вокруг меня, особенно среди молодых людей, постоянная гонка за «престижными» вещами? Мама рассказывала, что раньше стул можно было купить за три-четыре рубля. Когда сидишь на нем, мысли о воровстве, наверное, не приходят, а вот на стуле стоимостью в месячную зарплату могут и появиться...

Что же, кое с чем в этих рассуждениях нельзя не согласиться: действительно, надо, чтобы в продаже были в достатке недорогие изделия повседневного спроса.

Кого и как мы воспитываем, выставляя в магазинах хрустальные люстры ценой в три тысячи рублей, мебельные гарнитуры по 11—20 тысяч? Можно себе представить, с какими мыслями разглядывают все эти «Антики», «Людовики», «Миражи» молодые супруги. Конечно, что бы там ни было, связывать воедино сложности в приобретении тех или иных товаров с возможностью воровства, даже сидя на 150-рублевом стуле, по меньшей мере неразумно.

И все же факт остается фактом: для некоторых украсть или, скажем, приобрести краденое — обыденное дело.

Если такой человек попадет туда, где лежат деньги или товары, в особенности если плохо лежат, то помешать ему призваны в том числе и мероприятия типа внезапных ревизий, инвентаризаций, причем проводимых систематически и в полном соответствии с действующими инструкциями Министерства финансов СССР.

Знают об этих документах расхитители обоих полов, известно им и содержание статьи 93¹ Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей возможность применения к виновному в хищениях государственного или общественного имущества в особо крупных размерах смертной казни с конфискацией имущества. И, однако, ни страх внезапной инвентаризации, ни боязнь сурового наказания, как видим, не останавливают некоторых. Злая корысть, часто отягчен-

ная алкоголизм, берет верх: сначала воруют на водку, а позже она сама как бы крадет у человека его великую сущность.

Какие же пути ведут к тому, дабы со страниц газет и журналов навсегда исчезла или хотя бы стала более редкой рубрика «Суд идет»?

Систематическое проведение внезапных инвентаризаций? Совершенствование правовоспитательной работы со всеми категориями населения любых возрастов? Упорядочение подбора кадров, связанных с распоряжением материальными ценностями? Увеличение выпуска недорогих добротных товаров народного потребления? Расширение практики проведения выездных заседаний судов и освещение их в печати? Углубление анализа и изучение причин преступлений? Да, конечно, и то, и другое, и третье...

Первостепенное значение в искоренении зла призвана сыграть последовательная реализация установок партии об усилении борьбы с нетрудовыми доходами. И вести ее надо активно и бескомпромиссно, добиваясь, чтобы неукоснительно соблюдался социалистический принцип оплаты по труду, были прочно перекрыты все каналы и лазейки незаконного обогащения за счет государства и граждан.

Уверен, читатели журнала подскажут наиболее эффективные пути преодоления негативных явлений, в том числе «женской» преступности, борьбы с нетрудовыми доходами. Но, думается, реализация каждого из них в отдельности должного результата не принесет. Ведь и раньше кое-что и кое-где делалось, но увы... порой кое-как.

«Опираясь на поддержку трудовых коллективов, общественных организаций, всех трудящихся,— указывается в Программе Коммунистической партии Советского Союза,— государственные органы обязаны делать все необходимое для обеспечения сохранности социалистической собственности... вести решительную борьбу с преступностью, пьянством, алкоголизмом, предупреждать любые правонарушения и устранять порождающие их причины».

Да, борьба с правонарушениями должна быть комплексной.

А. ВАКСЯН

Р. С. Материнство и преступность несовместимы— это аксиома. Не женское дело растрачивать жизнь в преступлениях и наказаниях. Через несколько лет Муркина, Левеко и другие выйдут на свободу. Именно поэтому и из-за того, что у каждой из них есть дети, автор изменил фамилии осужденных. Хотелось бы надеяться и верить, что в конфликт с законом они больше не вступят.

СОБЕСЕДНИК

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

**У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ
«ТРЕЗВОСТЬ И КУЛЬТУРА»**

Слово главному редактору С. Шевердину

**УЖЕСТОЧИТЬ ЗАКОН? НЕТ, СВОЕВРЕ-
МЕННО ПРИМЕНЯТЬ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

Очерк Н. Кисляк и А. Скурлатова

РЕШАЕТ ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ

Почту журнала «Человек и закон» ком-
ментирует юрист

**«ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ, СПАСИБО ЗА
ПОМОЩЬ...»**

Строки из писем наших читателей

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Нашему журналу не исполнилось еще и года. Необходимость создания печатного органа Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость продиктована массовым характером трезвеннического движения в стране, сложностью, многогранностью problem, возникающих в ходе преодоления пьянства и алкоголизма.

«Трезвость и культура» занимает бескомпромиссную позицию: мы настойчиво и последовательно вскрываем вред, который наносит обществу употребление спиртных напитков. Особое значение придаем пропаганде действующего законодательства, использованию силы закона для искоренения пьянства, порождаемых им уродливых явлений. На страницах журнала выступают видные советские юристы, руководители правоохранительных органов. Они внесли немало интересных предложений по проблемам, связанным с правильным применением юридических норм, повышению эффективности антиалкогольного законодательства. В обсуждении таких предложений активное участие принимают читатели. Им хорошо известны наши рубрики: «Юридическая служба ТК», «Вопрос — ответ», «По душам», «Я отказался от спиртного», «Следствие ведут читатели» и т. д.

«Трезвость и культура» предоставляет свои страницы крупным деятелям науки и культуры, известным писателям, героям труда, спортсменам, всем, кто по убеждению является поборником трезвого образа жизни, доказывает это своими поступками, борется против пьянства и алкоголизма, не только умеет вникать в проблемы трезвеннического движения, но и пытается их разрешить.

Нам нередко задают вопрос — почему наш журнал называется «Трезвость и культура»?

Трезвость — это не просто антипьянство, а многогранный, духовно богатый образ жизни, достойный советского человека, нашего современника, который настойчиво и целеустремленно претворяет в жизнь решения XXVII съезда КПСС. И его культура — это не просто правила поведения в быту, а тот высокий уровень взаимоотношений, достигнутый нашим обществом, к которому должен стремиться каждый.

Вот обо всем этом мы ведем с читателем откровенный доверительный разговор. Приглашаем вас ознакомиться с журналом «Трезвость и культура».

С. ШЕВЕРДИН,
главный редактор журнала
«Трезвость и культура»

ПЬЯНСТВО — ПОД ЗАПРЕТОМ ЗАКОНА

*Из почты журнала
«Трезвость и культура»*

В редакцию поступает немало писем, авторы которых просят закрыть винные магазины, отделы, пивные бары, работающие с нарушениями установленных правил торговли спиртными напитками, расположенные вблизи жилых домов, детских и учебных заведений, предприятий.

Я считаю, что пивные бары нужно если и не закрыть все разом, то уж по крайней мере резко сократить. Взять хотя бы наш Чернигов. Пивной бар возле торгового центра, пивной бар на улице 50 лет ВЛКСМ, пивной бар в районе Подусовки... А дневных кафе — ни одного! Самого обычного кафе, где можно было бы посидеть с семьей, с детьми... Чтобы было чисто, опрятно, чтобы не слышать пьяных разговоров, не вдыхать винных испарений!

Е. Николаева

г. ЧЕРНИГОВ

Продажа спиртного вблизи предприятий и детских учреждений, как известно, запрещена. У нас же в Кировском районе г. Перми все наоборот. Винный отдел от магазина № 71 по улице Ласьвинской, 38, расположен в жилом доме в 50 метрах от завода АРЗ и автобазы № 1. Во дворе дома детский комбинат, а рядом два детских сада. В подъездах от пьяниц отбоя нет. стыдно вести детей по улице, а тем более невозможно отпустить их погулять во двор. Создается впечатление, что план товарооборота магазинов выполняет в основном за счет водки.

Неподалеку, примерно в ста метрах от магазина № 71, по улице Полтавская, дом 10, расположен специализированный винный магазин. Зачем два винных магазина на таком близком расстоянии? Да еще вблизи двух предприятий, детских садов, столовой... Мы обращались с жалобами и в райисполком, и в горисполком — никаких результатов. Очень надеемся на вашу помощь.

Иванова, Субботина, Журавлева и другие

г. ПЕРМЬ

На нашей улице Баталиевой есть магазин, где продают водку, а рядом — пивной бар. Когда вышел Указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом, магазин закрыли, остался только пивной бар. И мы, женщины, чуть вздохнули. Но радость наша оказалась недолгой. Сейчас в магазине снова торгуют водкой. Опять на нашей улице сквернословие, драки... И все это видят дети.

3. Сенокосова

г. ФРУНЗЕ

Пишу по поручению всех жителей нашей улицы. Дома, в которых мы живем, окружают винную точку магазина № 89 Мурманского горпищеторга. Давно идет разговор о ее ликвидации, однако воз и ныне там. Нас успокаивали, говорили, что на этом самом месте вместо вина будут торговать детским трикотажем. Должен, дескать, открыться специальный магазин для детей. К сожалению, все осталось по-прежнему. Пьяницы, как и раньше, купив бутылки, тянутся в подъезды близлежащих домов, устраивают там гульбища.

Поблизости находятся гараж и база треста «Арктикморнефтегазразведка», склады тралового флота, «Севербпромразведки», другие организации. А винный магазин, вот он, рукой подать. И я часто вижу, как работники этих организаций в рабочее время ходко спешат к винной точке. Назад возвращаются с оттопыренными карманами.

Пьяницы стараются расположиться на природе. Вы бы посмотрели, во что превращены здешние березовые рощицы! Земля сплошь усеяна битым стеклом, консервными банками... Травы тут на квадратный метр меньше, чем осколков от винных бутылок.

По соседству с пресловутым магазином процветает пивной ларек, такой же рассадник пьянства. А в полукилометре — суперсовременный пивной бар. Давно пора прекратить такое безобразие! Закрыть все эти питейные заведения. Кстати сказать, помещение магазина № 89, мне кажется, вполне бы подошло для продажи овощей и фруктов, например. Почему не задумываются об этом в нашем Первомайском райисполкоме, почему не пресекают нарушение закона?

А. Кидаев

г. МУРМАНСК

ОТ РЕДАКЦИИ журнала «Трезвость и культура».

Наши читатели возмущены грубыми нарушениями антиалкогольного законодательства. Их обращения к местным органам власти положительных результатов не дали. Публикуя их письма, мы хотим в первую очередь обратить на них внимание тех организаций и учреждений, в компетенцию которых входит решение вопросов, которые поднимают граждане.

Каждый тревожный сигнал требует ответа на вопрос, что конкретно сделано.

ПРИМЕНИТЬ ЗАКОН — ЗАЩИТИТЬ ДЕТСТВО

Алеше двенадцать лет. Щуплый, маленький, съезжившийся... В глазах мольба: оставить его в покое, ни о чем не спрашивать.

— Ты хотел бы вернуться домой?

— Не хочу! Если б дома только мама была, то ничего еще. Она не дерется, может даже сготовить что-нибудь поесть. Если, конечно, остались у нее деньги... Но ведь там еще будет брат, ему уж шестнадцать, знаете, как дерется больно, когда пьяный. Опять из дома убежать? Мне уж двенадцать лет, а я все во втором классе, ребята смеются. Нет, не хочу. Пить мама все равно не бросит, а брат бить станет. Не могу больше с ними. Теть, не отдадите, а?

Елена Карандышева — возраст до одного года. Минувшей зимой ее нетрезвые родители возвращались со свадьбы на санях. Когда и как они потеряли ребенка, не заметили. В уголовный розыск о пропаже они заявили только через два дня. Девочка замерзла...

Уголовного дела возбуждено не было в связи... «с отсутствием состава преступления».

Другой случай.

Проживает в Белозерском районе Курганской области гражданка Мосалова Галина Ивановна. Собственный дом. Детей — четверо. Самому маленькому не исполнилось еще и полгода.

— Мы успокоить его хотели, — рассказывал Андрей, старший сын, — укачивали, одеяло, что бабушка подарила, из шкафа вынули и закутали. А он все пищит и пищит, верно, есть хотел. А чем кормить? Мамки-то нет, а где искать, не знаем.

Но «мамка» все же появилась. Появилась, чтобы забрать бабушкино одеяло — больше пропивать было нечего. На следующий день ребенок умер. От нервного истощения, от голода, от холода.

Мосалова была привлечена к уголовной ответственности по статье 106 УК РСФСР «Неосторожное убийство». Ее приговорили к трем годам лишения свободы.

Совпадают причины трагедий, одинаковы их последствия. А вот оценка случившегося правоохранительными органами дана разная: отсутствие состава преступления, убийство, совершенное по неосторожности. Но случаи эти схожи в одном: детство вступило в конфликт с пьянством родителей.

В Кодексе о браке и семье РСФСР записано: «Родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей или злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением, а также если родители являются хроническими алкоголиками или наркоманами» (статья 59 КоБС РСФСР и аналогичные статьи КоБС других союзных республик).

Лишение родительских прав — крайняя мера. До какой степени морального падения надо дойти, чтобы отца или мать лишили родительских прав? Вопрос отнюдь не риторический. Народный суд тщательно, скрупулезно взвешивает все «за» и «против», проводит огромную работу, прежде чем принять такое решение. В интересах детей, для того, чтобы сохранить им детство.

...Вот речь идет о таких, с позволения сказать, родителях, как супруги Тишковы. Оба алкоголики. У них трое детей. Старшие, школьного возраста, жили в интернате. Направили их туда по настоянию общественности. Родительских прав Тишковы лишены не были. Однако детей сочли необходимым устроить в интернат, ибо проживание с вечно пьяными родителями было невозможно. Но дома оставался еще третий ребенок... Почему не забили тревогу? Может, проводили с его родителями серьезную профилактическую работу? Нет. А в результате...

Голодная четырехлетняя дочь Тишковых, после того как ее мать и отец свалились пьяные до бесчувствия под стол, стала доедать объедки и... допивать то, что оставалось в стаканах.

С тяжелейшим алкогольным отравлением девочка была доставлена в больницу.

Тишковых лишили родительских прав. Но почему к помощи закона прибегли только после того, как зло уже состоялось и ребенок, отравленный алкоголем, едва не погиб? Ведь есть же у нас возможность своевременно применить закон! И тем самым обезопасить детей от беспробудного пьянства родителей, от пагубного их влияния. Применяем. Но далеко не всегда своевременно, когда речь идет о детях. Другое дело на работе, на производстве.

Пьяница допустил брак? Его накажут немедленно. Проголужал? Грозный приказ издается тотчас же. Сломал станок? Привлекут к материальной ответственности сразу же. Но если он избил собственного ребенка... Если не покормил его... Если пропил детское пальтишко... Разве это зло меньшее, чем прогул? Несравненно большее. Но как часто мы слышим: «Неудобно вмешиваться в чужую семейную жизнь».

И еще. При лишении обоих родителей родительских прав по закону суд должен взыскивать с родителей алименты в пользу опекуна или детского учреждения. Но есть в законе оговорка:

«...Суд может с учетом материального положения родителей освободить их полностью или частично от уплаты этих средств» (статья 69 КоБС РСФСР и аналогичные статьи КоБС других союзных республик).

Маленькая оговорка... Возьмем на выбор один из детских домов Курганской области. Из всех воспитанников Ольховского детдома только на шестерых вносится плата за их содержание. Государство

вынуждено брать на себя расходы за тех, кто всей своей жизнью должен искупать содеянное — искалеченное детство. Почему же мы освобождаем их от ответственности — и моральной, и материальной?! А они, судя по всему, живут спокойно. Без угрызений совести. Не обременяя себя тратами.

Конечно, государство и вырастит, и воспитает их детей. Но все же сила закона, на наш взгляд, должна быть направлена на обязательное участие граждан, лишенных родительских прав, в содержании детей.

Вову Никитина искал весь персонал детприемника. Еще пять минут назад вертелся под ногами, смеялся. И вдруг исчез.

— Мать его пришла, — объяснила Татьяна Филипповна Лукаш, заместитель начальника детприемника. — Она запивает, а мальчика доставляют нам. Как брошенного. Затем мать приходит, плачет, обещает устроиться на работу. Потом меняет место жительства, и все начинается сначала. Раньше Вова ее приходу радовался. Уходя от нас, прощался так, знаете ли, серьезно, по-взрослому — навсегда вроде. Три дня назад доставили его снова. На улице погода холодная, промозглая, а он неделю спал на сеновале. Опять его мать бросила. Сама уехала куда-то, а сын опять остался без крова, без еды, без денег. Привезли его — весь в чирьях, струпьях, обрадовался горячей воде. «Эх, — говорит, — тетя Таня, как я продрог, чуть не подох на этот раз! Все! Больше я к маме не пойду!»

И вот сейчас Вова прятался от нее под кроватью: «Не хочу, не хочу к ней, не отдавайте!»

— А что я могу сделать, ведь она не «лишенная», — словно оправдывается Татьяна Филипповна. — Единственное — проинформировать органы внутренних дел и райисполком, который, как вы знаете, является органом опеки и попечительства.

Татьяна Филипповна снова обращается к мальчику: «Ну давай маме поверим, видишь, плачет, обещает на работу устроиться. Домашнее лучше, а?»

Вова всхлипывает, обреченно кивает головой и берет мать за руку.

...Читатель невольно подумает — может, действующее законодательство нуждается в совершенствовании?

Воздержимся от категоричного утверждения, что в правовых нормах, направленных против пьянства и алкоголизма, есть пробелы. Вопрос этот слишком серьезный, однозначно на него не ответишь. Сегодня в первую очередь следует говорить о несовершенном, в отдельных случаях, применении закона.

Можно не сомневаться, что в делах, о которых шла речь выше, у следователей и у судей было немало аргументов, подтверждающих правильность принятых ими решений. Но всегда ли они были точны в применении действующего законодательства? Всегда ли, при возможных в судебной практике затруднениях, обращались к руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда союзной республики или СССР?

Теперь о лишении родительских прав. Думается, что, не дожидаясь, пока от пьянства родителей пострадают дети, необходимо применять такую исключительную, крайнюю меру воздействия. В тех случаях, когда у суда есть для этого все основания. И это полно-

стью будет соответствовать смыслу статьи 59 Кодекса о браке и семье РСФСР и соответствующих статей КоБС других союзных республик.

Еще один аспект рассматриваемой нами проблемы: бывших родителей, как того требует закон, необходимо отделять от детей. Нередко же бывает так, что дети, отцы и матери которых родительских прав уже лишены, все еще продолжают жить вместе с ними. Напомним статью 60 Кодекса о браке и семье РСФСР: «Если родитель, лишенный родительских прав, систематическим нарушением правил социалистического общежития делает для ребенка невозможным совместное с ним проживание, а меры предупреждения и общественного воздействия оказались безрезультатными, то этот родитель может быть выселен... без предоставления другого жилого помещения». Как часто применяют на практике столь справедливую и порой крайне необходимую меру? Органы опеки и попечительства, зачастую не решая вопроса о назначении опекуна, стараются направить детей в соответствующие учреждения — интернаты, детские дома и т. п. Налицо парадокс — создается режим наибольшего благоприятствования для пьянствующих бывших родителей. Детей от них забирают, но квартиру оставляют. И алименты не присуждают.

Лишение родительских прав гораздо чаще морально травмирует детей, чем изменяет что-либо в поведении их бывших родителей.

В почте журнала «Трезвость и культура» немало писем, авторы которых требуют ужесточить закон. Они считают, что действующее антиалкогольное законодательство нуждается в совершенствовании.

Есть истина: ужесточение закона не делает его сильнее и справедливее. Однако в тех случаях, когда речь идет об интересах детей, о защите их жизни и здоровья от пьянства родителей, такое ужесточение, возможно, было бы уместным. Ситуация, которая обязывает государство и общественность лишить гражданина родительских прав, чаще всего криминальна. В действиях гражданина, поставившего государство перед необходимостью лишения его родительских прав, как правило, имеется состав преступления. А за совершение преступления надо судить и наказывать, применяя санкции, содержащиеся в уголовном законе.

Высказывая такую точку зрения на страницах журнала «Человек и закон», надеемся, что юристы, сотрудники правоохранительных органов, читатели непременно откликнутся. И столь же откровенно выскажутся по проблемам, которые волнуют каждого из нас.

Н. КИСЛЯК,
специальный корреспондент
журнала «Трезвость и культура»,
А. СКУРЛАТОВ,
старший консультант
Министерства юстиции РСФСР

«Дорогая редакция, обращаюсь к вам с просьбой...» Мы получаем немало писем, которые начинаются с таких слов. Эта почта направляется для принятия мер на места, в те организации, обязанностью и компетенцией которых является решение того или иного вопроса.

Законные интересы граждан, их права охраняются законом. Оперативное и справедливое решение проблемы, пусть не самой глобальной, это — радость и благодарность людей. Строки из этих писем мы публикуем сегодня.

ВЫ ПИСАЛИ— МЕРЫ ПРИНЯТЫ

«Благодаря вмешательству редакции справедливость восторжествовала: получила недавно однокомнатную изолированную квартиру, да еще в том же микрорайоне, где проживает дочь. Когда писала письмо в редакцию, была у меня большая обида, а теперь хочу поделиться своей радостью. Так что большое спасибо журналу «Человек и закон».

Л. Черемисина

г. ХАРЬКОВ

«...По вашему совету обратилась в народный суд г. Ургенча, и мне помогли — выявили место проживания моего бывшего мужа, вызвали и объяснили, что за неуплату алиментов предусмотрена уголовная ответственность. Он срочно погасил задолженность и обещал больше закон не нарушать. Спасибо вам, дорогие товарищи!»

А. Лукьянова

Хорезмская область.

«...Спасибо за то, что помогли разрешить вопрос с пенсией. Местные органы наконец во всем разобрались, и теперь я получаю большую сумму, чем раньше. И мое материальное положение, конечно же, значительно улучшилось».

О. Леушина

г. БРЕСТ

«...Не знаю, как выразить свою благодарность редакции журнала «Человек и закон». Примите самый низкий поклон от своего читателя. Мне помогла ваша редакция. Желаю большого счастья и плодотворной работы всем вам, работающим на благо человека».

Н. Скокова

Челябинская область.

Самые широкие полномочия

«Наша партийная Программа нацеливает на самое эффективное использование всех форм НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ, прямого участия народных масс в выработке, принятии и выполнении государственных и других решений. Огромная роль принадлежит здесь ТРУДОВОМУ КОЛЛЕКТИВУ, действующему во всех сферах общественной жизни — и прежде всего в экономике. Расширение прав предприятий, внедрение хозрасчета и усиление социалистической предприимчивости приобретают реальное содержание только в том случае, если растет активность самого человека труда».

Из Политического доклада Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза

В редакцию журнала «Человек и закон» поступают многочисленные письма, в которых содержатся просьбы рассказать о правах трудовых коллективов, их возможностях в разрешении набравших проблем, спорных вопросов... Итак, что же может трудовой коллектив, каковы его права, полномочия?.. Мы отобрали наиболее характерные письма из редакционной почты с такого рода вопросами и попросили прокомментировать их юриста М. Карышева.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» намечено осуществить ряд мер экономического, организационного, правового, воспитательного характера для того, чтобы поставить надежную преграду на пути тех, кто пытается жить за счет общества. Что греха таить, есть и на нашем комбинате «любители» запустить руку в государственный карман, до последнего времени не перевелись так называемые «несуны», приносящие немалый урон — как моральный, так и материальный. Разъясните, что может сделать трудовой коллектив в нашей общей борьбе против любителей нетрудовых доходов.

П. Ильина

Орловская область.

Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» наделяет трудовые коллективы широкими полномочиями в экономической и социальной жизни предприятия и организации, расширяет возможности коллектива в укреплении сознательной дисциплины, инициати-

вы и активности его членов, их заинтересованности в эффективности своего труда как неперемennого условия ускорения научно-технического прогресса, повышения благосостояния народа. Поэтому трудовому коллективу не безразлично, как сохраняются материальные ценности, как развивается чувство бережливости и хозяйского отношения к общественной собственности на производстве.

Полномочиям трудовых коллективов в обеспечении сохранности социалистической собственности и рационального использования материальных ресурсов посвящена статья 8 Закона о трудовых коллективах. В ней, в частности, говорится, что трудовые коллективы вносят предложения и осуществляют меры, направленные на более полное выявление и использование внутренних резервов, научно-обоснованное нормирование расхода сырья, материалов, энергии и топлива; ставят вопросы о привлечении к ответственности работников, виновных в нарушении законодательства об охране социалистической собственности.

Еще больше повышается роль трудовых коллективов в связи с принятыми в мае 1986 года решениями о мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами. В Постановлении ЦК КПСС подчеркивается, что «...необходимо использовать всю силу советских законов и общественного мнения в борьбе с лицами, живущими не по средствам. Не оставлять без применения мер воздействия ни одного факта, связанного с извлечением нетрудовых доходов. Поставить дело так, чтобы взяточники, казнокрады, мздоимцы, несуны... были окружены всеобщим презрением, знали о неотвратимости наказания за свои деяния».

В этом плане трудовым коллективам предоставляются большие возможности. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1986 года «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» установил, что лицо, совершившее хищение (в том числе мелкое), наряду с привлечением к административной или уголовной ответственности либо применением мер общественного воздействия, лишается всех видов премий в течение периода, установленного администрацией по согласованию с трудовым коллективом либо с профсоюзным комитетом (профсоюзным бюро) предприятия, учреждения, организации, его структурного подразделения или советом бригады. Оно также лишается вознаграждения по итогам годовой работы, льготных путевок в дома отдыха или санатории, ему может быть, по предложению трудового коллектива, администрацией по согласованию с профкомом перенесена очередь на получение жилой площади.

Как видим, роль трудового коллектива в борьбе с лицами, совершившими хищение государственного или общественного имущества, в том числе и с несунами, возрастает, и при этом она получила дальнейшую законодательную регламентацию.

В дополнение к перечисленным мерам борьбы с хищением в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 года (аналогичные законодательные акты приняты и в других союзных республиках) лица, совершившие по месту работы хищение (в том числе мелкое) государственного или общественного имущества, установленное вступившим в законную силу приговором суда или постановлением органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания (административные комиссии при исполкомах местных Советов народных депутатов, органы МВД)

или применение мер общественного воздействия, могут быть уволены администрацией с работы по пункту 8 статьи 33 Кодекса законов о труде РСФСР.

Хищение государственного или общественного имущества признается мелким, если стоимость похищенного не превышает пятидесяти рублей. При этом, кроме стоимости похищенного, учитывается также количество похищенных предметов в натуре (вес, объем) и значимость их для народного хозяйства (ст. 49 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях).

Наш завод построил 80-квартирный жилой дом. В его возведении участвовали рабочие и служащие предприятия, на строительство были использованы средства, предназначенные для этой цели. Казалось бы, все в порядке, дом наш. И, конечно же, все остро нуждающиеся с нетерпением ожидали переезда в новые квартиры. Но случилось непредвиденное. Восемь новых квартир неожиданно «уплыли» на сторону и были в спешном порядке заселены какими-то должностными лицами по ордерам исполкома местного Совета народных депутатов. Да и остальные распределены не совсем справедливо, как нам показалось. Естественно, возникли обиды. Остро нуждающиеся в жилье кадровые рабочие, можно сказать, старые «очередники» квартир не получили.

Мы, рабочие, полагали, что вопрос этот заслуживает всестороннего обсуждения на собрании трудового коллектива, с тем чтобы решить все по справедливости. Но так не произошло. Нам разъяснили, что распределение квартир — дело администрации и профсоюзного комитета и что квартиры распределялись по утвержденным ими спискам. Разве это справедливо? Хотелось бы знать права и возможности нашего коллектива в этом непростом деле. Может ли трудовой коллектив повлиять на объективное, подлинно справедливое решение вопроса при распределении жилья, чтобы не оставались обиденными передовые рабочие, новаторы, рационализаторы, те, кто, работая честно и добросовестно, остро нуждается в улучшении жилищных условий.

В. Сериков и другие

Московская область.

Уважаемый тов. Сериков! Ваш трудовой коллектив не только мог, но и обязан был принять самое непосредственное участие в распределении квартир в заводском доме. Статья 16 Закона Союза ССР о трудовых коллективах гласит, что трудовые коллективы рассматривают и одобряют планы социально-культурных мероприятий, жилищного строительства, заслушивают отчеты об их выполнении, участвуют в решении вопросов, связанных с учетом лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, вносят соответствующие рекомендации, обеспечивают контроль и гласность в распределении жилья.

Еще одно важное требование закона, подлежащее безусловному выполнению: жилая площадь в домах, построенных за счет средств фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, не может быть передана другим организациям либо использована на иные цели без согласия трудового коллектива. Если же судить по примеру, который приводится в письме, то в данном случае допущено прямое нарушение требований Закона о трудовых коллективах.

И, наконец, последнее. Вы пишете, что при распределении жилья оказались обойденными передовики, новаторы производства. Это — нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 апреля 1986 года «О расширении прав трудовых коллективов предприятий и организаций в решении вопросов улучшения жилищных условий рабочих и служащих», которым установлено:

«По решению трудовых коллективов предприятий и организаций в коллективных договорах могут предусматриваться для рабочих и служащих, имеющих право на первоочередное получение жилых помещений, а также новаторов и передовиков производства, добившихся высоких показателей в труде и активно участвующих в общественной жизни, льготные основания признания их нуждающимися в улучшении жилищных условий при обеспечении жилой площадью по месту работы, а также и количество жилой площади, выделяемой для этих целей. В коллективных договорах указанным новаторам и передовикам производства может быть предусмотрено предоставление жилых помещений в первоочередном порядке».

ИНФОРМАЦИЯ

«ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»

Под таким названием издаются сборники научных трудов Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства Министерства юстиции СССР.

В сборниках публикуются статьи по актуальным проблемам советского законодательства (уголовного, гражданского, жилищного, трудового, пенсионного, природоохранительного и др.); освещаются вопросы законодательства стран социалистического содружества; разоблачается реакционная сущность законодательства капиталистических стран.

Сборники выходят три раза в год; объем каждого сборника 13—15 п. л. Цена одного экземпляра — 1 р. 10 коп.

Издание высылается наложенным платежом.

Заявки на подписку следует направлять по адресу: 125438, Москва, Михалковская, 65, корп. 1, ВНИИСЗ. Отдел научной информации.

СОБЕСЕДНИК

НАЙДИ ИСТИНУ!

Хроника одной защиты

Но ведь это же несерьезно, за неделю до процесса.— Седа с недоумением посмотрела на собеседника.— Как же так можно?

Ашот Гагикович Епископян, заведующий юридической консультацией, кивнул, соглашаясь с Седой. Конечно, дело непростое, да и сама ситуация сложная: обвиняемый в тяжком преступлении Овсепян, воспользовавшись правом, которое ему предоставляет закон, отказался от защитника — опытного адвоката Карлоса Самсоновича Григоряна и попросил другого. Теперь — сроки-то какие! — он, заведующий, должен передать его дело другому.

Подперев ладонями крупную седовласую голову, Епископян смотрел на Седу. Под густыми бровями в его глазах — Седа видела — пряталась добрая усмешка. Он почти всегда так на нее смотрел: с любовью и легкой иронией. Ашот Гагикович дружил с отцом Седы — известным в городе адвокатом, теперь покойным Гургеном Мушеговичем Масчаном. И ее помнил совсем маленькой девочкой — всегда смешливой, беззаботной и озорной. Выросла у него на глазах: школу закончила, юридический факультет, и вот уже шестой год — член коллегии адвокатов. И счастлив был Ашот Гагикович тем, что Седа — по-девичьи тоненькая, смуглокожая и большеглазая красавица — приобрела репутацию знающего и авторитетного адвоката. Сама приобрела — трудом, вдумчивостью, серьезностью.

— Значит, так, — медленно проговорил Епископян, — придется тебе дело взять. Оно в суде, туда и направишься завтра утром.

Днем, в субботу, 19 января, шестилетняя дочь Сергея Калантаровича Овсепяна, вернувшись домой с прогулки, увидела свою мать лежащей на полу. Заметив кровь, Гаяне закричала и бросилась в соседнюю квартиру: «Мамочка умирает, помогите!»

Прибывшая оперативная группа милиции вызвала «скорую» и, после того как мать Гаяне — Еву Овсепян, на теле которой были множественные, вероятно, ножевые ранения, отправили в больницу, занялась осмотром места происшествия. Выяснилось: замки входной двери в полном порядке, значит, хозяйка сама кого-то впустила в квартиру. Не было следов сопротивления, из чего следовало, что ранения нанесены Еве Овсепян внезапно. Каких-либо следов пребывания посторонних людей, как и орудия преступле-

ния, обнаружить не удалось. В квартире все на своих местах, только на обеденном столе почему-то лежали документы: паспорта Евы и ее мужа, его военный билет, свидетельство о рождении дочери. Что же касается имущества, то, как показал муж Евы, ни одна вещь из дома не пропала, все цело. На месте недорогие женские украшения: золотое колечко и серьги с бирюзой, брошь — они были обнаружены в ящике тумбочки у кровати. О том, что преступник ничего не искал, свидетельствовало то, что остались нетронутыми завернутые в косынку наличные деньги — 1800 рублей.

Но если все на месте, то ограбление исключалось. Что же тогда заставило неизвестных напасть на Еву?

Сотрудники уголовного розыска, следователь прокуратуры опросили соседей. Те никого не видели, ничего не слышали. Кое-какие сведения все же получить удалось. Оказывается, Ева Овсепян была очень осторожной и даже боязливой — несколько раз переспросит, пока соседку в квартиру впустит.

К исходу дня у следствия не было даже намека на какую-нибудь рабочую версию. Ничем не могла помочь и находившаяся в больнице Ева Овсепян: в сознание она не приходила. По мнению врачей, ее состояние было крайне тяжелым, практически безнадежным.

Оставалась неопрошенной шестилетняя Гаяне. И следователь Михаил Иванович Меликов направился к сестре Евы, которая забрала к себе девочку.

— Гаяне,— сказала Лия Геворкян,— этот дядя хочет знать, долго ли ты вчера гуляла во дворе?

— Долго,— глядя исподлобья на незнакомца, ответила девочка.

— А когда вернулась, кто тебе дверь открыл?

— Я не маленькая, у меня свой ключ есть...

— А вчера утром, когда ты проснулась, папа был дома?

— Не было его дома...

— Значит, ты его вчера совсем не видела?

— Видела... Мы во дворе играли, а он домой шел...— Гаяне замолчала, глаза налились слезами. Всклипывая, неожиданно сказала:

— Шел домой, чтобы мамочку убить...

— Зачем ты так, Гаяне? — воскликнул следователь. — Откуда ты можешь это знать?

— Знаю,— мрачно проговорила Гаяне. — И тетя Лия знает. Следователь с Лией Абгаровной прошли в другую комнату.

— Что вам известно? — жестко спросил он.

— Мне ничего не известно,— торопливо ответила сестра Евы.

— Но если незадолго до того, что случилось, там побывал Сергей... По-моему, все ясно...

— Что вам ясно? Объясните!

— Мне ясно, что Сергей безумно ревновал Еву. Вы же видели: она красивая, высокая, статная, а он замухрышка... Вот и тиранил ее всю жизнь...

В тот же день следствию стали известны и некоторые другие факты, позволявшие заподозрить в преступлении Овсепяна. Его задержали и препроводили в следственный изолятор.

Прошел еще один день. Из больницы сообщили: не приходя в сознание, Ева Овсепян скончалась. А два дня спустя, во вторник, 22 января, прокурор утвердил вынесенное следователем прокуратуры М. И. Меликовым постановление о привлечении Овсепяна к уголовной ответственности за умышленное нанесение жене тяжких телесных повреждений, которые повлекли за собой смерть потерпевшей. Михаил Иванович направился в изолятор, где находился задержанный Овсепян: следователю предстояло не только предъявить обвинение, но и сообщить ему о смерти жены.

Узнав о случившемся, Сергей Овсепян сразу поник и ко всему, что потом сказал следователь, остался совершенно безучастным: не интересовали его ни обвинение, ни предстоящая ответственность, ни права, которые предоставляет уголовно-процессуальный закон...

Долго тянулось следствие. И день ото дня вина Сергея Овсепяна становилась все более очевидной. Одна из серьезнейших улик — царапина на пальце правой руки и ссадина на поверхности левой, происхождение которых Овсепян объяснить не мог, зато объяснило следствие: повреждения образовались в результате самообороны жертвы. Вторая улика: на капроновых наголовниках водяного крана на кухне обнаружили два пятна крови. Как установила экспертиза, они соответствовали группам крови потерпевшей и Овсепяна. Вывод: после нападения на жену он тщательно вымыл нож и руки, на которых были кровь Евы и его собственная — царапина на пальце! К тому же работники Дома культуры, директором которого был Овсепян, показали, что днем он куда-то выходил. Из всех собранных сведений можно было сделать вывод, что жестокое преступление совершил именно Сергей Овсепян.

Адвокат же Овсепяна стремился выяснить обстоятельства, оправдывающие подзащитного либо в крайнем случае смягчающие его ответственность. Удавалось ли это Карлосу Самсоновичу Григоряну? Несмотря на его опыт и старания, почти нет. Ни один из пунктов обвинения не был опровергнут. Их даже нельзя было колебать.

— Вот ведь как получается, — обреченно вздыхал Сергей Овсепян, — следователь мне не верит, но вы-то, мой защитник, должны верить, что я ни в чем не виноват?

— Допустим, Сергей Калантарович, что я вам верю, — отвечал Григорян, — но дело в том, что одной моей веры мало, нам нужно, чтобы в вашу невиновность поверил суд. Что у нас с вами есть для этого? К сожалению, лишь ваше голословное утверждение: «Днем меня дома не было». А у обвинения — убедительные факты.

— Не факты это, а подтасовка фактов, — вяло махнул рукой Овсепян. — И вы могли бы их опровергнуть, если бы верили мне!

— Прекратим ненужный спор, я делал и буду делать все, чтобы помочь вам, но, понятно, в пределах того, что мне, защитнику, положено по закону, — предложил Григорян. Он объяснил Овсепяну, что закон не требует от адвоката безоговорочного доверия к утверждениям подзащитного. Закон даже не исключает права защитника на внутреннее убеждение в виновности своего доверителя. И тогда обвиняемый не может настаивать на том, чтобы адвокат строил защиту на отрицании его причастности к преступлению. Более того, в подобном случае долг защитника — убедить обвиняемого в необходимости дать правдивые показания.

По мнению Григоряна, реальность состояла в том, что тяжкое преступление Овсепян все-таки совершил. И вместе с тем по внутреннему своему убеждению, адвокат не мог согласиться с квалификацией преступления, которая была дана следователем, так как все свидетели утверждали, что Сергей любил свою жену и больше всего на свете боялся потерять ее и дочку.

Защитнику Григоряну происшествие виделось примерно так: Овсепян зачем-то зашел днем домой, не имея, конечно, никаких преступных намерений. Потом муж с женой, как бывало частенько, поссорились. Сергей упрекал Еву, что она не любит его, неверна ему — это и переполнило чашу терпения женщины. И она заявила, что жить с ним больше не будет, заберет с собой дочь и уйдет из дома. Дальше все произошло по давно известной схеме: муж набросился на жену с ножом...

Вслушав адвоката, Овсепян вспылил:

— Но это же вздор, ничего подобного не было!

— Но этот, как вы изволили сказать, вздор,— заметил Карлос Самсонович,— может отвести от вас серьезную беду.

— Каким образом?

— Другой срок, понимаете?

— И это все, что вы можете мне посоветовать?

— Все, Сергей Калантарович. Прошу верить: это добрый совет!

...25 мая, когда до начала процесса оставалось немногим более недели, Карлоса Самсоновича уведомили, что Овсепян отказался от его услуг и потребовал нового защитника.

Седа Масчан, как и предполагал заведующий консультацией, сразу же начала действовать. Встретилась с Григоряном. Тот негодовал: «Почти тридцать лет в адвокатуре, но такого клиента не встречал. Упрямство и недоброжелательность — фантастические!»

«Упрямство... В чем же оно могло заключаться?» — думала Седа, но спрашивать не стала, и так ясно: в том, что подзащитный не хотел признать свою вину. А может быть, адвокат дал такой совет, который Овсепян просто не мог принять? Однако оснований для подобного вывода пока не было, как, впрочем, не было уверенности и в правоте Карлоса Самсоновича.

Дело Овсепяна, над которым Масчан просидела весь день, вначале поразило ее серьезностью и аргументированностью обвинения. Но, поразмыслив, поняла: далеко не все неоспоримо. Это вслило надежду. Надо скорее повидаться с подзащитным...

Направляясь в следственный изолятор, Седа очень волновалась: что если Овсепян поведет себя с ней так же, как и с Карлосом Самсоновичем? Тогда ее непростая миссия еще более усложнится. Сумеет ли она найти с подзащитным верный тон?

Когда конвоир прикрыл за собой дверь, Седа подошла к Овсепяну, протянула руку:

— Давайте знакомиться, Сергей Калантарович,— сказала она, улыбаясь.— Я ваш новый защитник...

— Женщина? — изумился Овсепян, не замечая протянутой руки.— Этого еще только не хватало!

— Сейчас, я думаю, вам не хватает вежливости,— медленно произнесла Седа, отходя к столу.

— Еще чего? — вспыхнул Овсепян. Но, спохватившись, извинился, сел и сказал уже более миролюбиво: — До вежливости ли мне сейчас... Простите, как зовут вас, не знаю...

Седа назвала себя. И сразу же перешла к делу.

— Будем говорить откровенно. Если вы хотите, чтобы я помогла вам, а я считаю, что такая возможность есть, мне нужны ваше полное доверие и правда, ничего, кроме правды!

Правда... В общем-то Карлос Самсонович был недалеко от истины, утверждая, что следствие располагает доказательствами вины Овсепяна, а защита — голословными пока заявлениями о его невиновности. Значит, задача защиты — подтвердить эти заявления, сделать их доказательными. Но как?

У обвинения есть неоспоримые факты. Скажем, выводы экспертизы о пятнах крови. Или то, что в квартире все вещи целы. Можно ли поставить эти обстоятельства под сомнение? Пока нельзя: нет даже исходного материала. В принципе же — а тем более при наличии времени — можно! Как же не понял этого Карлос Самсонович, у которого времени было более чем достаточно?

Седа посмотрела на часы: судебное заседание начнется через 15 минут. Она мысленно — в который уже раз! — прошла по своим записям. Там — план защиты, добротный, по мнению Седы, план, который построен на том, чтобы опровергнуть некоторые «легковесные» доказательства вины Овсепяна. Есть у нее кое-что и против «неоспоримых» доказательств, но сработает ли это «кое-что», покажет разбирательство.

...Выслушав обвинительное заключение, подсудимый сказал, что обвинение отвергает и виновным себя не признает.

— Граждане судьи, клянусь памятью матери, — взволнованно произнес он, — я любил свою жену и никогда не поднимал на нее руку!

Во время допроса в суде, как и на предварительном следствии, подсудимый все отрицал и ничего не мог объяснить.

В зал пригласили Лию Геворкян — сестру Евы.

— Скажите, в каких вы были отношениях с подсудимым? — задал первый вопрос судья Сербян.

— Отношения обычные, мы же родственники... Он, правда, меня не очень жаловал, но я прощала: все-таки муж сестры.

Овсепян нервничает: очень уж хочется подняться, чтобы опровергнуть сказанное. Но, помня наставления Седы, сдерживается.

— Расскажите суду, свидетель, — продолжает председательствующий, — что вам известно об отношениях сестры с мужем.

— Когда Ева вышла замуж за Сергея, мы думали, что она будет счастлива. Появился ребенок, все было хорошо. Но потом в отношениях супругов что-то сломалось, начались скандалы...

Подробно, с деталями рассказала Лия Абгаровна, как Овсепян ревновал Еву и даже угрожал ей.

— Если вы разрешите, гражданин председательствующий, — попросил слова Овсепян, — я постараюсь внести ясность в свои отношения со свидетелем...

— Пожалуйста.

— Пусть судьи, защитник и прокурор простят мне эти слова, — произносит Овсепян, — но Лия — склочная женщина. Невзлюбила меня сразу. И знаю почему: считала, что я Еве не пара. Дочь

родилась, а она все унижала меня в глазах жены и девочки... Вот и пришлось поставить перед женой вопрос: или я, или сестра. Ева свой выбор сделала. И знаете, с тех пор мы стали жить дружно. А Лия, сами понимаете, обиду затаила...

Лия Геворкян продолжала утверждать, что Сергей не ладил с женой. И тогда адвокат задала ей вопрос:

— Вы говорите, что сестра жаловалась вам на мужа. На что конкретно?

— Он ее ревновал страшно, угрожая убить, это могут подтвердить Клава Самохина и соседи...

Одна из соседок — Вера Акопян — на следствии и сейчас, в судебном заседании, сообщила, что Овсепян угрожал жене убийством.

— Вы сами слышали такую угрозу? — задал вопрос народный заседатель.

— Если по правде, то сама я угроз не слышала. Но мне об этом говорила тетушка Лаура, соседка Евы.

...На второй день судебное следствие началось допросом «тетушки Лауры».

— Ваша фамилия, имя, отчество? — спросил судья.

— Чего-чего? — приложив ладонь к уху, переспросила старушка.

Судья повторил вопрос громче. Женщина обрадованно закивала, мол, теперь слышу. В общем, была тетушка Лаура Белоян туговата на ухо. С трудом разобрала она, чего от нее хотят. Разобрав, бойко сообщила:

— Подошла как-то к их квартире — хотела нитки попросить, а там — шум, крики. Сергей с женой ругается, убить ее грозит...

Оспаривая показания свидетеля, подсудимый утверждал, что его квартира, и дверь в том числе, имеет хорошую звукоизоляцию. Так что любой человек, даже с нормальным слухом, никаких криков услышать не мог.

Судья огласил протокол осмотра места происшествия в той его части, где записано: «Входная дверь с внешней стороны обита войлоком и покрыта дерматином, с внутренней — обшита 15-миллиметровыми дубовыми пластинами, в которые врезаны дверные замки».

Адвокат подсудимого потребовала провести дополнительную экспертизу, которая должна ответить на вопрос: могла ли свидетель Белоян, стоя за дверью, услышать, что происходит в квартире Овсепяна. Суд отклонил ходатайство защитника, считая, что допрос свидетеля Белоян сам по себе является следственным экспериментом, итоги которого позволяют сомневаться в ее показаниях.

Что же было в активе Седы Масчан после двух дней процесса? В общем, немного: то, что Овсепян грозился убить жену, на чем настаивала Лия Григорян, не нашло подтверждения. Однако по-прежнему у судей была уверенность в отношении других ее показаний и, главное, убедительной оставалась линия обвинения, основанная на сообщении дочери Овсепяна Гаяне: в те часы, когда произошло убийство, отец приходил домой.

Были у следователя основания для сомнения в правдивости рассказа Гаяне? Не было. У судей — тоже нет. А у Седы — есть. И она ходатайствует о допросе девочки в судебном заседании. Посовещавшись на месте, судьи отклоняют ходатайство: такой допрос вряд ли даст что-нибудь новое, но обязательно травмирует девочку.

Седа отметила про себя, что пока никакой активности не проявляет государственный обвинитель. Видимо, он решил подождать, когда суд перейдет к исследованию существенных и неоспоримых, как считает обвинение, доказательств вины подсудимого. Среди них — отсутствие у Овсепяна алиби. Утром и вечером его видели во Дворце культуры, днем же на работе отсутствовал, именно в те часы, когда было совершено преступление. Овсепян утверждал, что ходил в бюро по ремонту квартир. Приемщица заказов подтвердила: Овсепян был у них между двенадцатью и часом дня, спросил, сколько стоит отремонтировать квартиру, в какие сроки, посмотрел образцы обоев и ушел.

— Я начала выдачу зарплаты в три часа, — рассказывала кассир Дома культуры. — Овсепян получил деньги одним из первых.

По мнению следствия, «белое пятно» — отрезок между 13 и 15 часами — подтверждает, что подсудимый был дома. Защитник же полагает, что «белое пятно» ни о чем свидетельствовать не может: задумав расправиться с женой, Овсепян не стал бы осуществлять замысел «на бегу» — между посещением бюро по ремонту квартир и получением зарплаты. Обвинитель согласился, что замысла могло и не быть, но не исключено и другое: Овсепян пришел домой, поругался с женой и накинулся на нее с ножом (как похоже на «модель» Карлоса Самсоновича!).

Далее несокрушимыми бастионами стоят «пятна крови» и то, что «в квартире все цело». У Седы не было ничего, что позволило бы поставить под сомнение эти обстоятельства. Но значит ли, что сделать это совсем невозможно?

...Во второй половине дня судебное заседание не проводилось, и Седа направилась в следственный изолятор.

— Я хотела бы обсудить одно из свидетельствующих против вас обстоятельств, — обратилась она к подсудимому. — Почему преступник ничего не взял в вашей квартире? Мы с вами знаем, что это был посторонний человек. Но мотивы его преступления, к сожалению, неизвестны. Месть? Вы отвергаете это. Тогда корысть? Но ведь вещи-то целы? Хотя зачем я об этом спрашиваю? То, что преступник мог свободно положить в карман — украшения вашей жены и деньги, но не сделал это, вытекает из ваших — только из ваших! — показаний.

— Какое это имеет значение? — удивился Овсепян.

— Весьма существенное. И вот здесь мне, а особенно вам, Сергей Калантарович, нужна правда...

— Вы считаете, что я что-то скрываю?

— Не считаю, но надеюсь...

Овсепян задумался. А Седа уже не сомневалась: он знает то, что ей, защитнику, пока неизвестно. Что?

— Седа Гургеновна, — Овсепян посмотрел ей в глаза, — вы правы... Тогда из квартиры исчезла металлическая индийская шкатулка — она лежала в шкафу, на верхней полке, где головные уборы. В шкатулке было много драгоценностей...

— Но почему? — возмутилась Седа. — Почему вы раньше об этом не сказали?

— Я обещал Еве молчать.

— Но Евы уже нет, — тихо сказала Седа.

Подумав немного, Овсепян начал рассказывать. Однажды Еве позвонила сестра. Сказала, что хочет срочно ее увидеть. Встрети-

лись у кинотеатра «Орбита», и Лия сообщила, что, возможно, скоро расстанется с мужем.

— О причинах не спрашивай, — взволнованно говорила Лия, — я сама ничего толком не знаю, но если Бениамин уйдет, я останусь с детьми у разбитого корыта. Он заберет не мебель, не одежду, а самое ценное, что нажито за долгие годы. И я хочу, чтобы ты кое-что у себя спрятала. Возьми шкатулку с драгоценностями. На них я прекрасно проживу, даже если Бениамин решится на разрыв. Только смотри, Сергей ничего не должен знать.

Как-то, перекладывая зимние вещи, Сергей наткнулся на шкатулку. Увидев содержимое, пришел в ужас: откуда это? Жена все рассказала.

Сможет ли то, о чем рассказал Овсепян, повлиять на исход дела? Судьи и прокурор, скорее всего, посчитают, что появившееся внезапно обстоятельство вовсе не новое, а выдуманное.

— А что находилось в шкатулке, вы помните? — спросила подзащитного Седа.

— Всего перечислить не смогу. Помню золотой перстень с крупным бриллиантом, брошь с рубинами, колечко, по-моему, тоже с бриллиантами, жемчужное ожерелье...

— Откуда у Лии Геворкян эти драгоценности? — продолжала расспросы Седа.

— Вот этого я не знаю.

— А вопрос-то, Сергей Калантарович, не праздный.

— Простите, но какое нам до этого дело?

— Вот какое. Если драгоценности приобретены честным путем — это одно, а если нечестным — совсем другое. И я подозреваю, что последнее более всего соответствует действительности...

— С чего вы взяли?

— Подумайте сами. Лия Геворкян даже не заявила о пропавших драгоценностях. И если в суде ее о них спросят, Лия все будет отрицать...

Действительно, когда председательствующий, по ходатайству защитника, зачитал список драгоценностей и сказал, что, как показывает подсудимый, они были переданы Геворкян на хранение сестре, Лия все отрицала.

Государственный обвинитель в своей речи охарактеризовал заявление о пропаже драгоценностей как попытку Овсепяна уйти от ответственности. Считая, что вину подсудимого в нанесении жене тяжких телесных повреждений, которые привели к смерти, судебное следствие подтвердило полностью, прокурор потребовал приговорить Овсепяна к двенадцати годам лишения свободы. Затем выступила адвокат.

Седа говорила о том, что суд не может и не должен считать свою миссию законченной уже потому, что остались невыясненными многие обстоятельства, которые, свидетельствуя на первый взгляд против ее подзащитного, при тщательном исследовании могли бы подтвердить его непричастность к преступлению. Это, в частности, обнаруженные в квартире Овсепяна документы, которые были разложены на столе. Почему суд не задался вопросами: как они там оказались? Для чего? И не имеет ли данный факт отношения к происшествию? И, наконец, исчезновение драгоценностей. Нельзя отвергать это обстоятельство только потому, что его не подтвердила свидетель Геворкян, у которой для этого, видимо, есть свои,

достаточно веские причины, а кроме того, она весьма враждебно относится к подсудимому.

— В связи с изложенным, — продолжала Седа, — можно утверждать, что в деле Овсепяна мы столкнулись с неполнотой проведенного предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании. Нужны следственные действия, включающие и оперативно-розыскные мероприятия. Поэтому прошу суд, в соответствии с уголовно-процессуальным законом, дело по обвинению Овсепяна направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Не ожидая копии приговора, Седа принялась за кассационную жалобу, адресованную Верховному суду республики.

...Домашний кабинет Седы был раньше кабинетом ее отца. Здесь почти все осталось, как прежде: отцовские книги, документы, досье по наиболее интересным делам, которые он когда-то вел. Седа хорошо знала эти досье: листала, когда проходила практику в прокуратуре и в суде, более внимательно знакомилась с ними после окончания университета.

Было у отца одно дело, которое он вел в 1970 году. Некто Паталов обвинялся в убийстве жены и тещи. У него, как и у Овсепяна, отсутствовало алиби, а на одежде были обнаружены пятна крови, совпадавшие по группам с кровью убитых.

Немало сил и времени потратил отец, прежде чем доказал: Паталов к преступлению отношения не имеет. Как удалось это отцу? Седа начала перелистывать досье: обвинительное заключение, выписки из показаний свидетелей, копии заключений экспертов. А вот и приговор. Оправдательный приговор! Есть в нем строки, подчеркнутые красным карандашом: «Проведенная трасологическая экспертиза ножевых ранений, оказавшихся смертельными для Сильвы Артемовны Паталовой и Мери Акоповны Василян, установила: удары ножом нанесены человеком, рост которого не превышает 160 см. Рост Паталова — 192 см». Вот за какую «ниточку» ухватился отец! Она и привела к оправданию невиновного, помогла найти истинного преступника. Адвокат написал на последнем листке досье: «Паргеф Баграгов (рост — 158 см) совершил убийство с целью ограбления».

Почему же такая экспертиза не проводилась по делу Овсепяна? Это явный просчет не только следствия, но и защиты — прежде всего Карлоса Самсоновича, и ее, Седы, тоже: мужчин такого роста, как Овсепян — 162 сантиметра! — не так уж и много... Седа внимательно перечитала заключения врачей: «ножевые ранения в области... Зафиксированы углы наклона раневых каналов по отношению к горизонтальной плоскости». Значит, надо немедленно выяснять, какого роста был преступник, нанесший ранения Еве Овсепян!

Об этом и многом другом адвокат и написала в кассационной жалобе, настаивая вернуть дело Овсепяна на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

...На заседание Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда республики доводы защитника были признаны заслуживающими внимания. И Судебная коллегия по уголовным делам отменила приговор в отношении Овсепяна, направив дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Однако Сергей Калантарович по-прежнему оставался под стражей.

Дсло к своему производству принял старший следователь прокуратуры Гарян. В установленном законом порядке Седа Масчан участвовала в производстве ряда следственных действий, заявляла ходатайства.

Снова пригласили Лию Геворкян.

— Лия Абгаровна,— доброжелательно улыбнулась Седа,— во время заседания суда вы называли таких Оганесян Елену и Самохину Клавдию, утверждая, что они знают о неладах между вашей сестрой и Овсепяном. Что, эти женщины были знакомы с Евой?

— Видите ли, они знали Еву... Не то чтобы были близко знакомы, но знали...

Когда были вызваны Елена Оганесян и Клавдия Самохина, выяснилось, что первая работает вместе с Лией Геворкян, вторая — ее подруга. О том, что происходило в семье Овсепян, они знали только по рассказам Лии Абгаровны.

Для чего же потребовался защитнику допрос этих женщин? Прежде всего, чтобы стала очевидной лживость показаний Геворкян о том, что Овсепян ревновал и постоянно терроризировал жену.

Ревность Седа не исключала: Овсепян видел, что его красавица жена нравится мужчинам. Мог понимать он и то, что рядом с Евой казался особенно невзрачным и даже недостойным ее. Но никто из соседей, из тех, кто работал с Овсепяном — а они были допрошены следователем Гаряном,— не подтвердил обвинений в ревности, в угрозах. Все это оказалось домыслом Лии Геворкян, которой в немалой степени «помогли» тетушка Лаура, Елена Оганесян и Клавдия Самохина.

Теперь у Гаряна появились все основания для того, чтобы прислушаться к сомнениям адвоката о достоверности показания дочери Овсепяна — Гаяне. Вероятно, Геворкян сумела убедить девочку, что на маму поднял руку ее отец.

Разговор с ребенком, который до глубины души потрясен происшедшим,— процедура мучительная, но, что делать, если без этого не обойтись? Гаяне, которая в начале следствия сказала, что в тот день видела во дворе папу, в этот раз ответила: «А я не помню...» Один из фактов, на котором строилось обвинение против Овсепяна, терял свое доказательное значение из-за своей сомнительности. Всякое же сомнение, как того требует закон, должно толковаться в пользу обвиняемого. Следовательно, первоначальное утверждение Гаяне уже не могло свидетельствовать против Овсепяна.

Теперь предстояло выяснить, почему на столе в квартире Овсепян были разложены документы. Следователь предполагал, что этот вопрос находится в прямой связи с продажей драгоценностей — самым важным для данного дела фактом. Гарян располагал уже сведениями, опровергающими утверждение Лии Геворкян о том, что у нее не было драгоценностей, что им неоткуда было взяться. Было откуда!

Примерно за месяц до того дня, когда, по показаниям Овсепяна, Геворкян передала сестре шкатулку, началось следствие по делу Бениамина Геворкяна — мужа Лии. Он возглавлял снабженческую контору, оказывая определенные услуги заинтересованным клиентам. Те, естественно, на благодарность не скупились. Показаниями привлеченных к ответственности клиентов и многих свиде-

телей Бениамин Геворкян был изобличен. И, понятно, осужден. Правда, как сообщили Леониду Карапетовичу Гаряну его коллеги, занимавшиеся делом Геворкяна, в его доме каких-либо ценностей или крупной суммы денег не оказалось. Не было у него и автомашины. «Тогда,— рассуждал Гарян,— может быть, шкатулка с драгоценностями и вместила все незаконные доходы Геворкяна? Но знал ли он о случившемся с Евой Овсепян?» Отвечая на вопрос следователя, Лия Геворкян сказала:

— Знал. После вынесения приговора мне дали свидание с мужем...

Таким образом, спрашивать Бениамина Геворкяна о драгоценностях смысла не имело. Ясно, что к краже шкатулки он тоже не причастен. Но ведь тот— или те,— кто это сделал, должен был знать, у кого находится драгоценности. От кого могли поступить такие сведения? Только от Лии Геворкян. И по заданию следователя сотрудники уголовного розыска выясняют ее связи, уточняют круг родственников и знакомых. Так в поле зрения оказывается Роза Симонян — товаровед управления торговли, раньше частенько бывавшая и в доме Геворкянов, и там, где работала Лия. И еще: Роза — товаровед по ювелирным изделиям. Не могла ли она «содействовать» в приобретении наиболее редких и ценных вещей? Выяснилась и еще одна любопытная деталь: она брала отпуск за свой счет с 10 по 16 июня для поездки в Мартуни к заболевшей матери. Дали соответствующее поручение сотрудникам Мартунийской милиции. Они ответили: мать Розы на здоровье не жалуется, а дочь свою давненько не видела.

Для следователя эта деталь была любопытной еще и потому, что Роза уехала через сутки после начала суда над Овсепяном. Но куда же она ездила и зачем? Чтобы ответить на этот вопрос, сотрудники уголовного розыска проверили связи Розы и установили ее старого знакомого Гайка Мамяна, работающего приемщиком стеклопосуды. К сожалению, должного порядка в приемном пункте не было: никто — даже завмаг, которому подчинялась «точка», — не знал, когда пункт открыт, а когда — закрыт. Удалось выяснить, однако, что в субботу 11 и в понедельник 13 июня люди безуспешно пытались сдать свои банки и бутылки: приемщика не было. Мамян же утверждал обратное: был, работал, принимал.

Тем временем по постановлению Гаряна провели трасологическую экспертизу, которая должна была, рассчитав траекторию ударов, нанесенных ножом Еве Овсепян, сделать вывод о росте того, кто эти удары нанес. Заключение экспертов: «Рост человека, нанесшего ранения, находится в пределах 185—190 см». Рост Овсепяна, как известно, 162 см. И Гарян сообщает Седе: прокурор города согласился с его постановлением о прекращении уголовного дела в отношении Овсепяна за отсутствием в деянии состава преступления.

— Так что можете, Седа Гургеновна, первой уведомить об этом своего подзащитного.

Но кто же все-таки нанес Еве Овсепян тяжкие телесные повреждения? Гарян установил следующее.

Лия познакомилась с Розой в парикмахерской. Женщины подружились. Через Розу Геворкян несколько раз приобретала драгоценности. А когда над ее мужем стали сгущаться тучи, поделилась с подругой, что спрятала шкатулку у сестры: «Пусть

приходят с обыском, ничего у нас не найдут!» Роза же обо всем рассказала Гайку Мамяну. Сообщила и о том, что Овсепяны стоят на очереди на двухкомнатную квартиру.

И тот решил провести «операцию». В микрорайон, где жила Ева, он приехал с одной из своих знакомых. Когда из-за двери послышалось обычное «кто там?», соучастница Гайка ответила:

— Мы пришли обследовать ваши жилищные условия.

— Входите, пожалуйста,— обрадовалась Ева. Достав документы, стопочкой сложила их перед женщиной, которая непринужденно присела к обеденному столу.— Смотрите,— Ева повернулась к мужчине и увидела блеснувшее лезвие ножа...

Схватив такси, Гайк и Эльвира бросились в другой конец города. Потрясенная тем, что случилось, молодая женщина набросилась на своего спутника с кулаками: «Подлец, ты же обещал не делать этого. Что теперь будет?»

— Молчи, дура,— прошипел Гайк и ударил Эльвиру по лицу.

И сразу же машина сбавила ход. Водитель, о котором они совсем позабыли, возмутился:

— Что это вы себе позволяете, гражданин? Я вас в милицию отправлю!

— Не надо в милицию, не надо! — запротестовала Эльвира.— Это мой муж. Мы сами разберемся...

— Ладно,— согласился шофер — только ведите себя прилично.

...Преступники затаились. Вздохнули с облегчением, когда узнали об аресте Овсепяна, о том, что начался суд. Решив, что опасность миновала, Роза с Гайком отправились в Баку, где у нее есть знакомый, которому без хлопот сбыли «добычу». Вернулись. Спрятали выручку. И стали ждать окончания процесса. Но не дождались. Сначала задержали Розу, за ней — Мамяна. Вскоре в следственном изоляторе оказалась Эльвира, а через некоторое время и бакинский знакомый Розы — Вагиф Рзаев. Изъятые у него ценности приобщили к делу. Дал свои показания следствию и водитель, который вез из микрорайона Эльвиру и Гайка...

Последняя страница в досье по делу Овсепяна — своеобразный эпилог довольно грустной в общем-то истории:

«По делу о нанесении Еве Овсепян тяжких телесных повреждений, повлекших за собой ее смерть, к ответственности привлечены Роза Симонян, Гайк Мамян, Эльвира Габриэлян».

...В кабинете Седы рядом с отцовскими стоят досье по делам, которые вела она. Были среди них дела трудные, сложные, подчас трагичные. И тем не менее о большинстве таких дел адвокат Седя Гургеновна Масчан вспоминает с удовлетворением: она сумела помочь людям, отыскав истину, отвела от них беду...

ИНФОРМАЦИЯ КОНСУЛЬТАЦИИ ОТВЕТЫ

- *Новый Типовой устав садоводческого товарищества*
- *Похитителей энергии — к ответу*
- *Преступил закон — отвечай*
- *На рыбалку... с ружьем?*

В редакцию журнала обратился москвич Лавров Б. В. Он просит рассказать об изменениях в законодательстве о садоводческих товариществах. Многочисленные письма подобного содержания пришли в адрес редакции из ряда других городов Российской Федерации.

Ниже мы публикуем извлечение из нового Типового устава садоводческого товарищества, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1985 года.

ТИПОВОЙ УСТАВ САДОВОДЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА

1. Порядок организации садоводческого товарищества, его цели и задачи

...2. Садоводческое товарищество может быть организовано при предприятии, учреждении, организации при наличии не менее 30 лиц, желающих вступить в члены товарищества. При наличии меньшего количества таких лиц с разрешения исполнительного комитета районного, городского Совета народных депутатов по месту нахождения предприятий, учреждений, организаций допускается кооперирование предприятий, учреждений и организаций для создания садоводческого товарищества при одном из них, имеющем наибольшее число желающих вступить в это товарищество.

Организация садоводческого товарищества и обустройство садовых участков производится главным образом за счет личных средств членов товарищества.

3. Администрация и профсоюзный комитет предприятия, учреждения, организации, при которых организуется садоводческое товарищество, проводят общее собрание рабочих, служащих и других граждан, желающих вступить в товарищество, утверждают решение общего собрания об организации садоводческого товарищества и список вступающих в него лиц. При кооперировании предприятий, учреждений, организаций для создания садоводческого товарищества при одном из них решение общего собрания об организации садоводческого товарищества и список лиц, вступающих в товарищество, утверждаются администрацией и профсоюзным комитетом предприятия, учреждения, организации, при котором организовано товарищество, на основе списков лиц, представленных администрацией и профсоюзными комитетами кооперируемых предприятий, учреждений и организаций.

4. Основной задачей садоводческого товарищества является организация коллективного сада и использование его членами товарищества для производства фруктов, ягод, овощей и другой сельскохозяйственной продукции, а также создание условий для культурно-

го проведения свободного времени трудящимися и их семьями, укрепления здоровья и приобщения к труду подростков.

Членство в садоводческом товариществе не может использоваться в целях наживы и стяжательства, строительства особняков.

5. Устав садоводческого товарищества, принятый в соответствии с настоящим Типовым уставом общим собранием граждан, вступающих в товарищество, утверждается решением администрации и профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации и подлежит регистрации исполнительным комитетом районного, городского Совета народных депутатов, на территории которого находится товарищество. Последующие изменения и дополнения устава товарищества производятся в таком же порядке.

Садоводческое товарищество приобретает права юридического лица с момента регистрации его устава.

Садоводческое товарищество имеет печать и штамп со своим наименованием.

6. Освоение территории коллективного сада может быть начато только после утверждения проекта ее организации и застройки исполнительным комитетом районного, городского Совета народных депутатов, на территории которого находится садоводческое товарищество.

7. Садоводческое товарищество имеет право в соответствии с проектом организации и застройки территории коллективного сада возводить по типовым проектам овоще- и фруктохранилища, коллективные стоянки для личного транспорта, другие постройки и сооружения общего пользования.

8. На земельных участках, выделенных в коллективном саду членам садоводческого товарищества, могут возводиться только одноэтажные летние садовые домики с отапливаемым твердым топливом помещением общей площадью до 25 кв. метров, неотапливаемой террасой (верандой) площадью до 10 кв. метров и неотапливаемой мансардой сверх указанных размеров площадью до 15 кв. метров, погреб площадью до 8 кв. метров, хозяйственные строения общей площадью до 15 кв. метров (для содержания кроликов и домашней птицы, хранения хозяйственного инвентаря), включая душ и туалет, а также неотапливаемая теплица площадью до 15 кв. метров для выращивания овощных и других сельскохозяйственных культур. При этом высота помещений (от пола до потолка) летнего садового домика не должна превышать 2,5 метра, хозяйственных строений — 2,2 метра, погреба — 1,9 метра, а общая высота (от уровня земли до конька крыши) летнего садового домика не должна превышать 6,5 метра и хозяйственных строений — 3 метров.

Строительство летних садовых домиков и других строений должно осуществляться по типовым проектам в соответствии с проектом организации и застройки территории коллективного сада.

Летние садовые домики и другие строения, возведенные или начатые строительством до 1 января 1985 года, должны соответствовать нормам предусмотренным законодательством, действовавшим на начало строительства.

9. Летние садовые домики и хозяйственные строения, возведенные после 1 января 1985 года на земельных участках, принимаются в эксплуатацию комиссиями, образуемыми исполнительным комитетом районного, городского Совета народных депутатов, на территории которого находится товарищество, в составе представителей исполнительного комитета, администрации и профсоюзного комитета пред-

приятия, учреждения, организации, правления товарищества с участием членов товарищества.

Комиссия проверяет соответствие возведенных домиков и строений утвержденному проекту организации и застройки территории коллективного сада и составляет акт приемки в четырех экземплярах, которые хранятся в отделе (управлении) по делам строительства и архитектуры исполнительного комитета районного, городского Совета народных депутатов, бюро технической инвентаризации, правлении товарищества и профсоюзном комитете предприятия, учреждения, организации.

10. Все работы в коллективном саду производятся личным трудом членов садоводческого товарищества либо членов их семей, за исключением работ, выполнение которых требует привлечения специалистов.

Работы по благоустройству территории садоводческого товарищества, по борьбе с вредителями и болезнями плодово-ягодных насаждений выполняются по единому плану.

11. Садоводческое товарищество отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом.

Товарищество не отвечает по обязательствам своих членов, хотя бы и связанным с ведением коллективного садоводства, а его члены — по обязательствам товарищества.

12. Садоводческое товарищество осуществляет овою деятельность под руководством администрации и профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации, при которых организовано товарищество.

Контроль за деятельностью садоводческого товарищества осуществляет исполнительный комитет районного, городского Совета народных депутатов, на территории которого находится товарищество.

В соответствии с Уставом профессиональных союзов СССР профсоюзы осуществляют общественный контроль и принимают меры, обеспечивающие развитие коллективного садоводства.

Садоводческое товарищество передается в ведение исполнительного комитета районного, городского Совета народных депутатов, на территории которого оно находится, в случае ликвидации предприятия, учреждения, организации, при котором оно создано, а также может быть передано в ведение исполнительного комитета, если более 70% членов товарищества не состоят в трудовых отношениях с предприятием, учреждением, организацией.

В случае, когда садоводческое товарищество находится в ведении исполнительного комитета районного, городского Совета народных депутатов, руководство и контроль за его деятельностью осуществляет исполнительный комитет.

II. Членство в садоводческом товариществе, права и обязанности членов товарищества

13. В члены садоводческого товарищества могут быть приняты только работники предприятия, учреждения, организации, при которых организовано садоводческое товарищество, и пенсионеры из числа лиц, ранее работавших на данном предприятии, в учреждении, организации. Другие граждане могут быть приняты в члены садоводческого товарищества в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и РСФСР.

Преимущественное право на вступление в члены садоводческого товарищества имеют добросовестные рабочие и служащие, ветераны труда, инвалиды и участники Великой Отечественной войны, лица, приравненные к ним по льготам в установленном порядке, семьи, имеющие двух и более детей.

В случае смерти члена садоводческого товарищества преимущественное право на вступление в товарищество предоставляется одному из наследников умершего.

В отдельных случаях выбытия из садоводческого товарищества одного из его членов по состоянию здоровья или другим уважительным причинам, препятствующим выполнению требований устава товарищества, один из членов его семьи может вступить в товарищество, если он совместно с ним пользовался садовым участком и принимал участие в его освоении.

При выбытии граждан из товарищества по другим причинам в члены товарищества принимаются лица, указанные в настоящем пункте, а при отсутствии желающих — работники данной отрасли.

14. В садоводческое товарищество, независимо от его ведомственной принадлежности, организуемое в установленном порядке, имеют право вступить по представлениям исполкомов городских (районных) Советов народных депутатов в пределах до 20% от количества членов садоводческого товарищества неработающие участники Великой Отечественной войны и других боевых операций по защите СССР из числа военнослужащих, проходивших службу в воинских частях, штабах и учреждениях, входивших в состав действующей армии, и партизан, а также ветеранов Вооруженных Сил СССР — неработающих пенсионеров из числа лиц офицерского состава, безупречно прослуживших на военной службе не менее 25 календарных лет, уволенных с действительной военной службы по возрасту, болезни, сокращению штатов или ограниченному состоянию здоровья.

15. Членами садоводческого товарищества не могут быть граждане, если они или совместно проживающие и ведущие с ними общее хозяйство члены их семей имеют в пользовании приусадебные земельные участки, земельные участки, выделенные под индивидуальное жилищное строительство, имеют дачи на правах личной собственности или пользуются государственными дачами, служебными земельными наделами, а также являются членами дачно-строительного кооператива или состоят членами в другом садоводческом товариществе.

16. Рабочие, служащие и другие граждане, включенные в утвержденный администрацией и профсоюзным комитетом предприятия, учреждения, организации список лиц, вступающих в организуемое при них садоводческое товарищество, считаются членами товарищества со дня регистрации устава товарищества.

В члены действующего садоводческого товарищества принимают рабочие, служащие и другие граждане по решению администрации и профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации либо по решению исполнительного комитета районного, городского Совета народных депутатов, если товарищество находится в его ведении, с учетом рекомендаций правления товарищества.

17. Членам садоводческого товарищества совместным решением администрации и профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации выделяются земельные участки. По решению общего со-

брания (собрания уполномоченных) членов товарищества эти участки могут отграничиваться в натуре изгородями, отвечающими эстетическим требованиям.

Конкретные размеры земельных участков, выделяемых членам садоводческого товарищества, устанавливаются органами, предоставляющими земельные участки под коллективное садоводство, в пределах от 400 до 600 квадратных метров.

Земельные участки, выделенные до 1 января 1985 г., сохраняются в размере, установленном законодательством, действовавшим при выделении их членам товарищества.

18. Правление садоводческого товарищества выдает каждому члену товарищества в течение месяца со дня приема членскую книжку, в которую вносятся данные о выделенном ему земельном участке, вступительном, членских целевых взносах и другие необходимые сведения.

19. Член садоводческого товарищества имеет право:

а) участвовать в обсуждении вопросов, рассматриваемых на общих собраниях (собраниях уполномоченных) членов товарищества и заседаниях правления товарищества, в том числе связанных с его деятельностью и поведением, а также вносить предложения по улучшению работы товарищества;

б) избирать и быть избранным в правление и ревизионную комиссию товарищества;

в) осуществлять строительство летнего садового домика и других строений с соблюдением норм и правил, указанных в пункте 8 настоящего устава;

г) получать в установленном порядке кредит на приобретение или строительство летнего садового домика и на благоустройство садового участка;

д) содержать на выделенном ему земельном участке птицу в вольерах до 20 голов, кроликов в клетках — до 5 кроликоматок с приплодом, пчел — до 5 пчелосемей, нутрий в клетках — до 5 нутриематок с приплодом при обязательном соблюдении санитарных и ветеринарных правил и без ущерба нормальному отдыху на соседних садовых участках;

е) использовать по своему усмотрению урожай фруктов, ягод, овощей, полученных на выделенном ему земельном участке, а также произведенную другую сельскохозяйственную продукцию;

ж) добровольно по письменному заявлению выйти из садоводческого товарищества;

з) осуществлять другие права, вытекающие из устава товарищества.

За членом садоводческого товарищества сохраняется право пользования выделенным ему садовым участком в случае его отсутствия в связи с направлением на работу за границу, при выезде на работу в районы Крайнего Севера и в приравненные к ним местности и в других случаях временного отсутствия, когда в установленном порядке бронируется или сохраняется за отсутствующим жилое помещение. При этом другое лицо, рекомендованное отсутствующим членом товарищества, может пользоваться садовым участком с разрешения администрации и профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации или исполнительного комитета районного, городского Совета народных депутатов, если товарищество нахо-

дится в его ведении, при условии соблюдения этим лицом требований устава товарищества.

20. Член садоводческого товарищества обязан:

а) выполнять требования законодательства о коллективном садоводстве, устава товарищества, решения районного, городского Совета народных депутатов и его исполнительного комитета, администрации и профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации, при которых создано товарищество, общих собраний (собраний уполномоченных) членов товарищества и правления товарищества;

б) произвести в течение двух лет необходимые посадки на выделенном ему земельном участке, рационально и высокоэффективно использовать его для производства фруктов, ягод, овощей и другой сельскохозяйственной продукции;

в) участвовать личным трудом либо трудом членов своей семьи в работах, выполняемых коллективно по решению общего собрания (собрания уполномоченных) членов товарищества или по решению правления товарищества;

г) выполнять агротехнические мероприятия по обработке земли, закладке сада и по уходу за насаждениями; производить посадку плодовых деревьев на расстоянии не менее 3 метров, кустарников — не менее 1 м от границ садового участка, своевременно проводить мероприятия по борьбе с сорняками, вредителями и болезнями растений;

д) содержать в порядке садовый участок и находящиеся на нем постройки, прилегающие к нему дороги и кюветы, соблюдать санитарные и противопожарные правила;

е) своевременно уплачивать вступительный, членские и целевые взносы в размерах и сроки, устанавливаемые общим собранием членов товарищества;

ж) своевременно вносить в установленных размерах платежи в погашение кредита, полученного им на приобретение или строительство летнего садового домика и на благоустройство земельного участка, а также представлять подтвержденный правлением отчет предприятию, учреждению, организации, при которых организовано товарищество, или учреждению банка, выдавшему кредит, о целевом использовании этого кредита и сообщать им о перемене своего места жительства или работы для переоформления числящейся за ним задолженности по кредиту в порядке, установленном Госбанком СССР;

з) бережно относиться к общественному имуществу товарищества;

и) соблюдать правила внутреннего распорядка садоводческого товарищества, не допускать совершения действий, нарушающих нормальные условия для отдыха на садовых участках;

к) выполнять другие обязанности, вытекающие из устава товарищества.

21. Член садоводческого товарищества может быть исключен из садоводческого товарищества в случаях:

а) возведения летнего садового домика и других строений на садовом участке после 1 января 1985 г. без надлежаще согласованного проекта или с отступлениями от норм, предусмотренных пунктом 8 настоящего Устава, либо от норм, предусмотренных законодатель-

ством Союза ССР и РСФСР, действовавшим на начало строительства;

б) использования в строительстве незаконно приобретенных строительных материалов и незаконного использования рабочей силы;

в) самовольного захвата земель;

г) неосвоения выделенного ему земельного участка в течение двух лет подряд для выращивания сельскохозяйственной продукции;

д) неуплаты установленных общим собранием членов товарищества вступительного, членских и целевых взносов;

е) самовольной передачи другим лицам полностью или частично выделенного ему земельного участка и построек на нем, использования участка не по назначению;

ж) систематического невыполнения агротехнических мероприятий, отказа или уклонения от участия в общих работах садоводческого товарищества, систематического нарушения правил внутреннего распорядка товарищества, если за указанные нарушения к нему применялись меры общественного воздействия;

з) увольнения с работы в связи с совершением преступления или за нарушение трудовой дисциплины;

и) выявления обстоятельств, исключающих возможность быть членом данного садоводческого товарищества.

Исключение из членов садоводческого товарищества производится по решению администрации и профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации либо исполнительного комитета районного, городского Совета народных депутатов, если товарищество находится в его ведении, с учетом рекомендаций правления товарищества.

Решение об исключении может быть обжаловано соответственно в государственный орган, которому подчинено предприятие, учреждение, организация, в областной, краевой совет профсоюзов, в Совет Министров автономной республики, исполнительный комитет краевого, областного Совета народных депутатов. В случае несогласия с решением по жалобе оно может быть обжаловано в установленном порядке.

Правление товарищества принимает меры к обеспечению сохранности строений и насаждений на освободившемся земельном участке до предоставления его другому лицу, принятому в члены товарищества.

22. Лицу, выбывшему (исключенному) из членов садоводческого товарищества, возвращаются целевые взносы, внесенные в кассу садоводческого товарищества на возведение хозяйственных строений и сооружений общего пользования (за вычетом износа), на водоснабжение, электрификацию, строительство дорог, мостов, ограждений территории коллективного сада, проведение мероприятий по освоению земельного участка товарищества (планировка территории, мелиоративные работы, завоз плодородного грунта и другие), а также возмещаются в соответствии с актом оценки стоимость летнего садового домика и других строений, плодово-ягодных насаждений, находящихся на выделенном ему земельном участке, и другие затраты по освоению участка.

Не возвращаются указанному лицу вступительный и членские взносы, взносы, внесенные на содержание рабочих и служащих товарищества, на культурные мероприятия, а также взносы на ремонт

общественных хозяйственных строений и сооружений и платяжи за пользование водой, электроэнергией и автотранспортом.

Лицо, принятое в садоводческое товарищество вместо выбывшего (исключенного) из членов товарищества, обязано внести товариществу вступительный взнос, а также подлежащие выплате лицу, выбывшему (исключенному) из товарищества, суммы целевых взносов (с учетом износа строений и сооружений), стоимости летнего садового домика, других строений, плодово-ягодных насаждений и других затрат по освоению земельного участка.

Принятые в члены садоводческого товарищества вместо выбывшего члена товарищества наследники, члены семьи, разведенный супруг (супруга) от уплаты вступительного взноса освобождаются.

Все расчеты между лицом, выбывшим (исключенным) из членов садоводческого товарищества, и лицом, вступившим вместо него в члены товарищества, производятся через кассу товарищества.

24. Гражданско-правовые споры между садоводческим товариществом и его членами, споры наследников о защите нарушенного или оспариваемого преимущественного права на вступление в товарищество, споры разведенных супругов о праве пользования земельным участком, а также споры имущественного характера разрешаются судом.

III. Средства садоводческого товарищества

25. Средства садоводческого товарищества образуются из вступительных, членских, целевых взносов членов товарищества и других поступлений в соответствии с действующим законодательством.

Вступительные взносы расходуются при решении организационных вопросов товарищества. Членские и целевые взносы расходуются в соответствии с приходно-расходными сметами товарищества.

Денежные средства садоводческого товарищества хранятся в установленном порядке на текущем счете товарищества в учреждении Госбанка СССР или в сберегательной кассе.

Расходование средств производится по документам, подписанным председателем правления и бухгалтером (казначеем), согласно приходно-расходной смете, утвержденной общим собранием (собранием уполномоченных) членов товарищества.

IV. Органы управления и ревизионная комиссия садоводческого товарищества

26. Делами садоводческого товарищества управляет общее собрание членов товарищества, а в период между собраниями — правление товарищества.

Общее собрание правомочно решать вопросы, если на собрании присутствует не менее $\frac{2}{3}$ членов товарищества.

33. Решения общего собрания (собрания уполномоченных) членов садоводческого товарищества и правления товарищества, противоречащие настоящему Уставу и действующему законодательству, подлежат отмене решением администрации и профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации либо решением исполнительного комитета районного, городского Совета народных депутатов, на территории которого находится товарищество.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Рассказ об одной грустной истории начнем, так сказать, с конца, с финала.

Двое ребят: Саенко, ученик 8-го класса, и Грязнов, год назад окончивший восьмой класс и работавший слесарем, осуждены районным народным судом по части 3 статьи 117 УК РСФСР к длительным срокам лишения свободы за надругательство над Валец, ученицей той же школы, в которой учился Саенко, а ранее и Грязнов.

А произошло все вот как. Однажды январским вечером Саенко и Грязнов сидели в пустой квартире (мать Саенко работает буфетчицей в кафе, приходит домой поздно, а в семье больше никого нет), скучали, от скуки выпили бутылку вина. Потом подошли еще четверо ребят, среди них Осинцев и Костин. Выпили все вместе еще бутылку «красненького». Заговорили о девчонках...

— А кто знает Вальку Иванову из 8 «г»? — спросил Саенко.

— Я знаю, — отозвался Осинцев.

— Приведешь ее? — быстро спросил Саенко.

— Запросто, — ответил Осинцев и, прихватив с собой Костина, ушел.

Осинцев действительно хорошо знал Вальку Иванову. В прошлом году он дружил с ней. Ходили в кино, бывал у нее дома. А затем дружба разладилась.

Осинцев и Костин встретили Вальку у магазина. «Пошли?» «Куда?» «С тобой хотят познакомиться». «Не хочу». «Пойдешь». И Валька пошла. Хотя чуть и упиралась, но пошла.

В квартире, куда они пришли, Саенко и Грязнов увели Вальку в отдельную комнату и гнусно надругались над ней. Совершили тяжкое преступление, которое на юридическом языке называется «изнасилование». А в это время Осинцев, Костин и другие ребята сидели на кухне и распивали еще одну бутылку вина...

Вот такое дело... И тут много вопросов — моральных и юридических.

Но сначала опять-таки некоторые общие соображения.

Ряд важных особенностей права, в том числе его общеобязательность, категоричность, строгость, во многом обусловлены тем, что исполнение юридических норм поддерживается принудительной силой государства. В самом деле, если бы неисполнение юридических норм не влекло бы за собой применения государственно-принудительных мер, то они оказались бы и не общими и не рав-

ными для всех, потому что каждый мог бы поступать по-своему, как хочется, и никаких серьезных юридических последствий для него не возникало бы.

А вот при помощи государственного принуждения юридические нормы могут, так сказать, «настоять на своем», то есть можно добиться, чтобы нерадивый человек все же исполнил те обязанности, которые возложены на него юридическими нормами.

При помощи государственного принуждения достигается и другой эффект — нерадивый человек «держит ответ» за неисполнение юридической нормы: он либо совершает действия, которые в той или иной мере обеспечивают интересы потерпевшего, например, возмещает причиненный материальный ущерб, либо к нему применяется карательное воздействие, например, меры уголовного наказания.

В этих случаях применение государственного принуждения обычно называется **юридической ответственностью**.

Слово «ответственность» имеет несколько значений. Она может быть юридической, а может быть и моральной. Но в обоих случаях под словом «ответственность» понимается ответ за нарушение, применение к лицу воздействия — государственного, общественного. Совершил неправильный поступок — и вот «ответ»: для виновного наступают какие-то неблагоприятные последствия (уголовное наказание, моральное осуждение). Так, Саенко и Грязнов понесли суровую юридическую ответственность (ч. 3 ст. 117 УК РСФСР). А какую ответственность понес Осинцев? Тот, который привел своего бывшего друга Валу на квартиру и в общем-то если не знал, то догадывался или должен был догадаться, зачем привел. Следственные органы, тщательно изучив меру его участия в этом деле, не нашли достаточных оснований для привлечения его к уголовной ответственности как соучастника преступления и ограничились устным внушением.

Ну, а с моральной стороны?

С моральной стороны Осинцеву нет прощения. Пусть даже Вала и отвергла его дружбу, но как же не вяжется с рыцарским, по-настоящему мужским отношением к женщине его такая подлая и жестокая месть. Ведь неотъемлемым качеством настоящего мужчины является его умение с достоинством переносить всякого рода неудачи, в том числе и тогда, когда тебя отвергают, не принимают твою дружбу. Увы, замечу кстати, такое мужество и достоинство неведомы многим ребятам. Как, например, во время дискотеки реагируют ребята на отказ девушки пойти танцевать? Ведь некоторые видят в этом чуть ли не оскорбление и повод для расправы.

Поэтому с моральной стороны Осинцев не останется безнаказанным. За исключением нескольких его дружков все другие люди, несомненно, окружают его презрением как ничтожного и подлого человека. И если его соученики и соседи не будут, как говорится, подавать ему руки, тут будет все правильно.

Слово «ответственность» имеет и другое значение. Вот выражение: «Нужно повысить чувство ответственности за порученное дело». Или: «Необходимо подойти к вопросу с полной ответственностью», «Мы все несем ответственность за будущее детей». Что здесь имеется в виду? Конечно, в данном случае речь идет не о применении принуждения. В данном случае под словом «ответ-

ственность» понимается выполнение человеком своего гражданского долга, исполнение им своих обязанностей. Такого рода ответственность — ответственность в высоком гражданском смысле — называется морально-политической.

Строго различая юридическую ответственность и ответственность в морально-политическом смысле, нужно видеть и тесную связь между ними.

Прежде всего юридическая ответственность наступает тогда, когда человек совершает неблагоприятный, противоправный поступок — такой, который нередко можно назвать безответственным поведением, то есть поведением, которое не согласуется с требованиями ответственности в морально-политическом смысле.

Как, например, назвать поведение ребят на лесосеке, оставших в ветреную погоду незатушенный костер, из-за чего произошел лесной пожар? Конечно, безответственным. Чувство ответственности за лесные богатства, за безопасность людей ими было утрачено. В данном случае безответственное поведение представляет собой правонарушение, за совершение которого наступает юридическая ответственность. Но ответственность в морально-политическом смысле — это не просто исполнение обязанностей, а, так сказать, повышенное исполнение, когда человек с высокой требовательностью, с чувством долга активно действует.

Есть такие случаи безответственного поведения, которые прямо соприкасаются с правонарушениями, в какой-то мере являются условием для них, а порой и стимулятором.

Вы, возможно, подумали, что здесь имеется в виду поведение таких людей, как Осинцев? Нет, не он сейчас подразумевается. В отношении Осинцева нужно говорить не о безответственном, а об аморальном поведении, граничащем с преступлением.

Как это ни покажется неожиданным, имеется в виду поведение Вали Ивановой, хорошей, воспитанной девочки... Потерпевшей. Той, над которой грубо надругались.

Но сначала небольшое отступление — о любви, браке, интимных отношениях.

В пору возмужания — ну и, конечно, в более старшем возрасте — к людям приходит любовь — неодолимое, трепетное, нежное человеческое чувство, окрашивающее жизнь юноши и девушки, мужчины и женщины необыкновенным светом ожидания, тревоги, муки и счастья. Конечно же, любовь между мужчиной и женщиной имеет и биологические предпосылки, затрагивающие все то, что предшествует рождению нового человека. И здесь в общем-то нет ничего противоестественного, хотя касается это глубоко личных, не выставляемых напоказ, интимных человеческих взаимоотношений. Биологическая сторона — в каком-то смысле исходное, но не главное в этом высоком богатом чувстве.

Любовь — подлинно человеческое чувство, и потому главной в нем должна быть духовная сторона. В этой духовной стороне многое является важным: понимание и бережное отношение друг к другу, непреходящее уважение и, пожалуй, преклонение перед любимым или любимой. Но есть в отношениях двух любящих людей и самое-самое важное. Таким «самым-самым» является ответственность, и прежде всего ответственность каждого за собственное поведение. Это объясняется тем, что в любви действия и поступки, казалось бы, основанные на одном только чувстве и ка-

сающиеся одного человека, приобретают невиданное по последствиям значение: они могут дать жизнь новому человеку, а могут опустошить, поломать жизнь другого.

И вот какой момент тут нужно выделить особо. В этой области абсолютно нетерпимо насилие — действия, совершаемые вопреки воле другого. Особенно это касается в первую очередь девушки, женщины. И закон с предельной строгостью — в этом смысле статья 117 УК РСФСР — охраняет их неприкосновенность.

Здесь мы и подходим к непростому вопросу о поведении потерпевших. Сначала вот о чем. Закон именно потому с предельной строгостью охраняет неприкосновенность девушки, женщины, что самой природой, логикой человеческих взаимоотношений именно на женщину выпала нелегкая доля быть матерью, хранительницей очага, всего светлого и доброго в семье («берегиней», как говорили в старину). Но в силу этих же причин она несет высокую ответственность за свое собственное поведение: за его строгость, чистоту. Девичья честь — это не дань древним обычаям, а властное требование, продиктованное высоким предназначением женщины.

И надо думать, именно поэтому с девушки, например, спрос чуть больше, чем с юноши в соблюдении нужных рамок в любви. С тем чтобы не разгулялась стихия и не наступили последствия, которые делают влюбленных матерью и отцом. И с тем еще — и это главное! — чтобы торжествовали простые человеческие законы и личные, интимные взаимоотношения связывались с браком и семьей. Отсюда же строгость в поведении девушки, женщины в любых взаимоотношениях, которые так или иначе могут затронуть ее честь, тем более в ситуациях, которые связаны с личными, интимными отношениями.

Давайте начистоту. Задумаемся, почему Валя Иванова, чуть посопровтивлявшись, все же пошла на квартиру, где были одни ребята? Почему она не оказала активного сопротивления ни на улице, ни потом, в квартире, когда ее повели в отдельную комнату? Боялась? Наверное, да. Рассчитывала, что все обойдется? Видимо, тоже да. И все же будь у Вали обостренное чувство ответственности — за себя, за свое будущее, за судьбу будущего материнства и любви, — она должна была преодолеть и свою боязнь и расчет на благополучный исход всего происходящего и не была бы столь пассивной, безвольной, безропотной жертвой. Пусть краешком сознания, но все же понимала она, не могла не понимать, чем может обернуться для нее настойчивое предложение от неизвестного лица «познакомиться»?

Но для того чтобы с необходимой четкостью расставить все по своим местам в этом рассказе, прервемся и вкратце рассмотрим один юридический вопрос.

Личность, ее права, ее неприкосновенность охраняет и защищает в нашей стране целый ряд юридических (правоохранительных) органов — народный суд, прокуратура, милиция и др. Но человек вправе — и обязан — защищать себя, защищать других, общественные интересы. Да, именно обязан. В статье 65 Конституции СССР говорится, что гражданин СССР обязан «быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка».

Эти права и обязанности находят свое выражение в особом юридическом порядке, который называется «необходимая оборона».

Вот что сказано в Уголовном кодексе РСФСР:

Статья 13. Необходимая оборона.

Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства.

Действия обороняющегося должны быть решительными и смелыми, способными реально пресечь преступное посягательство. В то же время необходимая оборона потому и называется «необходимой», что она должна совершаться в пределах, соответствующих характеру и опасности посягательства. Преступные, антиобщественные поступки со стороны других лиц не должны стать поводом к встречным произвольным, бесчинным действиям, к расправе над «обидчиком», к самосуду. Поэтому-то законодатель и вводит в статье 13 УК РСФСР понятие «превышение пределов необходимой обороны».

Обычно, когда говорят о необходимой обороне (а о ней в общем знают все), то имеют в виду решительные и смелые действия, дающие отпор хулиганам, лицам, совершающим грабеж, разбойное нападение, затевающим драку и т. д.

Но ведь необходимая оборона крайне нужна и в случаях, когда совершается надругательство над девушкой, женщиной. Конечно, здесь ситуация для самозащиты непростая. Насильник — мужчина, порой — это группа (в случае, который мы рассматривали, — двое). Сопровождается насилие угрозами. Происходит все это, как правило, в безлюдном месте, и женщина может полагаться только на собственные силы.

И все же при всех сложностях и трудностях девушкам надо быть готовым к решительной самозащите, бескомпромиссной самообороне, активному сопротивлению.

В случае, о котором рассказывалось, поражает, что Валя так безропотно поддалась насильникам. Ведь она знала, что в квартире еще есть ребята. И пусть Осинцев предал ее, но хочется верить — услышав он шум борьбы, призывы о помощи, дрогнуло бы его сердце, и поспешил бы он на помощь своему бывшему другу. Да и вообще в этом случае ситуация бы резко изменилась, вряд ли смогли остальные ребята беззаботно распивать очередную бутылку на кухне. А соседи? Разве не повлияло бы все это на решимость Саенко и Грязнова? Аналогичные случаи в жизни подтверждают, что нередко в такой обстановке насильники отрезвляются, начинают понимать ужас последствий (безропотность жертвы порождает расчет на то, что она останется безропотной и молчаливой и после случившегося).

А угрозы, которые обычно сопровождают насилие? Практика свидетельствует, что по большей части они не осуществляются, остаются словами, рассчитанными на слабых духом. Ведь при осуществлении угрозы в ее самом крайнем виде («убью») само насилие теряет смысл. Чаще бывает другое — после свершившегося преступления насильники, почувствовав возможность кары за совершенное,

не жалеют жертву, идут на крайние меры.

Не следует создавать условия для преступления, доводить дело до такой ситуации, когда потом надо защищаться, обороняться, звать на помощь (или, увы, безропотно подчиняться насилию).

Поведение Вали Ивановой может быть оценено по-разному. Кто знает, не сказались ли в ее поведении, когда она пошла с ребятами, беззаботность и наивность, слепая вера в то, что ничего плохого не может быть? А может быть, это были все-таки страх и расчет на авось? И все же опрометчивость Вали можно как-то объяснить.

Но вот как объяснить действия девочки-старшеклассницы, которая спускается с малознакомым парнем в подвал, выпивает с ним стаканчик вина (или даже пусть и не выпивает), а потом там появляется группа ребят, и происходит страшное, когда уже бороться и сопротивляться и воли, и силы нет? Как объяснить поведение девушки, допоздна засидевшейся в кафе, а затем принявшей приглашение взрослого мужчины пойти к нему на холостяцкую квартиру послушать диски? Да, порой поведение потерпевших оказывается настолько безответственным, что они чуть ли не сами бросятся в омут преступного насилия.

Конечно, все это ничуть не оправдывает насилие. Все ссылки на то, что «она сама пошла», «думал, что сопротивляется для вида», и им подобные не снимают вины с насильника. Сколь бы ни было безответственным поведение потерпевшей, ему все равно придется отвечать по всей строгости закона.

И тем не менее с фактической стороны (и с моральной тоже) потерпевший в указанных ситуациях сам во многом подвел себя к границе, за которой началось преступление. Не случайно в последнее время в советской юридической науке сложилась и получает все большее развитие особая дисциплина — *в и к т и м о л о г и я* — наука о потерпевших, роли их поведения в тех случаях, когда совершаются антиобщественные поступки.

Итак, мы с вами выяснили, что есть юридическая ответственность и ответственность морально-политическая. Эти два понятия тесно связаны друг с другом, порой переплетаются. Безответственное (с морально-политической стороны) поведение порой приводит к такому положению, что вступает в действие юридическая ответственность.

А что же это такое — юридическая ответственность? Обратим сначала внимание на то, что мы обычно говорим: «Вот тот человек несет юридическую ответственность». Значит, на человека возлагаются какие-то обременения, неблагоприятные для него последствия, — словом, новые обязанности, которые к тому же имеют принудительный характер. Вот это несение (в науке нередко говорят — «претерпевание») новых принудительных обязанностей и выражает главное в юридической ответственности.

Но какие же еще черты характерны для юридической ответственности?

В о п р е в ы х, юридическая ответственность всегда предусмотрена в законе, в других юридических актах (Указах Президиума Верховного Совета СССР, Президиумов Верховных Советов союзных республик, постановлениях правительства). Это, так сказать, законная ответственность.

В о в т о р ы х, юридическая ответственность выражается в государственно-принудительных мерах. Это те самые обременения, не-

благоприятные для нарушителя последствия, которые носят название «санкций». К санкциям относятся лишение свободы, исправительные работы, лишение права заниматься определенной деятельностью (право водить автомашину) и другие. В области имущественных отношений санкциями являются меры, призванные не только воздействовать на нарушителя, но и возместить потерпевшему, истцу причиненный имущественный вред.

В-третьих, юридическая ответственность, как правило, осуществляется специальными правоохранительными органами — главным образом судебными органами. Они решают вопрос о назначении санкций, да так, чтобы оно было обоснованным и законным. Поэтому при назначении наказания учитывают специфику обстановки, при которой совершено правонарушение, особенности личности правонарушителя и другие обстоятельства.

За что устанавливается юридическая ответственность?

Юридическая ответственность устанавливается за нарушение, точнее — за правонарушение. Совершил нарушение закона (избил человека, допустил пожар в лесу, потерял палатку, взятую напрокат). И вот последствие — нужно отвечать за свое неправомерное поведение.

Однако ответственность может наступить лишь при наличии ряда предусмотренных законом моментов, например, прежде всего требуется, чтобы лицо, совершившее правонарушение, могло нести юридическую ответственность. Для этого необходимо, чтобы наступил установленный законом возраст — 14, 16 или 18 лет и чтобы человек по состоянию психического здоровья мог отвечать за свой поступок.

Для наступления юридической ответственности также очень важно, чтобы поведение правонарушителя было **виновным**.

Смысл юридической ответственности в том и состоит, что человек (или организация) отвечает за виновное правонарушение. То есть к лицу применяются государственно-принудительные меры не только потому, что он нарушил закон и результатом его поведения явились какие-то вредные последствия, хотя и это необходимое условие для ответственности, но и, главное, потому, что он виновен в своем неправомерном поведении.

Давайте более подробно поговорим о вине. Но сначала еще один случай из судебной практики.

Произошло это в одном небольшом городке. Любимыми играми Пети Симонова и его друзей-семиклассников были военные игры. Ребята играли с самодельными деревянными шпагами, ружьями, автоматами. Но однажды Коля Петров принес найденный им на чердаке дома самодельный пистолет («поджиг»). И ребята сделали несколько таких же, достали порох, отлили из свинца пули. Решили пострелять. Вспомнили фильм про индейцев, который недавно смотрели. Азартные погони. Стрельба на ходу.

— А ну-ка, у кого с нервами в порядке? — спросил Петя, вспомнив один из эпизодов фильма. — У тебя, Коля? Становись тогда к стене. И чтобы ни один мускул не дрогнул!

Коля Петров встал к стене лицом. Петя сразу же выстрелил. Сквозь дымное облако стало видно, что Коля начал оседать, затем тяжело рухнул на спину.

— Убил! Ма-ама! — закричал Петя...

Да, Петя убил своего товарища. Виновен ли он в убийстве? Конечно, да. Более того, по мнению родственников Коли, убийство совершено умышленно. Между ребятами были какие-то мальчишеские столкновения. Но потом, при рассмотрении дела, это мнение не подтвердилось. И действительно, в описанном случае не было умысла, здесь оказалась перейдена грань между тем, что всего лишь опасная игра, рискованное озорство, и тем, что является преступлением, за которое наступает ответственность по Уголовному кодексу.

Почему это случается? Да потому, что в представлении многих ребят такая грань строго не зафиксирована. Парню уже пятнадцать, а то и семнадцать лет, а он все еще полагает, что в его поступках может быть только детская вина, и за всякого рода прегрешения его будут по-прежнему лишь журить, воспитывать нотациями, влиять через родителей и тому подобное. А между тем в неблагоприятных поступках человека с довольно раннего возраста (во многих случаях с 14 лет) уже есть юридическая вина. И понимание этого является одним из важнейших условий высокоответственного поведения человека в обществе.

...Вот группа ребят-старшеклассников в туристском походе. Они подошли к поляне, вблизи которой высохшее болотце и на нем свечки трухлявых берез. Разбили стоянку. После ужина, отдохнув, стали бегать по болотцу и, подпрыгивая, ударами ладоней валить трухлявые стволы деревьев. «Ура! Бей белых!..» Через полчаса разгоряченные, раскрасневшиеся ребята собрались у костра. «Ух, повоевали!»

Что это? Озорство. Допустимое? На мой взгляд, допустимое, если при этом не наносится ущерб лесу.

А вот другие случаи, казалось бы, внешне похожие, но все же другие. Первый из них такой.

...Группа ребят (всем 16—17 лет, а одному 18) решила отметить призыв старшего из них в армию. Как отметить? Купили несколько бутылок красного вина — увы, у многих это стало дурным обыкновением, — сели на мотоциклы и мопеды и помчались по Московскому тракту. Остановились в леске у строящейся насосной станции. Развели костер, выпили. Затем кто-то перелез через забор, сбежал на станцию. «Ребята, да там никого нет!» Открыли дверь, вошли в здание. Ничего, в общем, интересного. Какие-то приборы, машины... Один из ребят оказался в дальнем углу станции, до двери идти было далеко и он — раз! — палкой выбил окно и сразу оказался на улице. И тут вдруг раздался крик: «Бей!» И началось. Били оконные стекла, фонари, приборы — все, что билось и ломалось. Что это, озорство? Один из ребят, когда слушалось уголовное дело в суде, так и ответил на вопрос, зачем все это они сделали: «Из озорства».

И еще один случай. В рабочем поселке, вблизи Свердловска, трое ребят, двое старшеклассников, третий — ученик слесаря, вечером «от скуки» купили бутылку — и тут бутылка! — сели на мотоцикл с коляской и — на кладбище. Таинственно и романтично. А там после того, как выпили, кому-то пришла в голову озорная мысль: «Давайте, ребята, старух попугаем! Пусть утречком повизжат!» Предложение вызвало восторг. Вырыли несколько крестов и, когда стемнело, на мотоцикле привезли их в поселок, установили напротив дверей домов, где жили старушки. Что ж, действи-

тельно старых людей этими крестами удалось испугать. И опять на суде — ребята были привлечены к уголовной ответственности за злостное хулиганство по части 2 статьи 206 УК РСФСР — подсудимые оправдывались: шалили, хотели потехи ради попугать. Что это, тоже озорство?

Ранее говорилось: у многих молодых людей отсутствуют четкие представления о границе шалостей и правонарушений.

Но если призадуматься (нужно только призадуматься!), каждый уже с ранних лет способен отдавать отчет, где шалость и озорство, а где преступление, иное правонарушение.

Какие здесь критерии? Прежде всего это запрещенность того или иного поведения в законе.

Но можно доподлинно и не знать закон и все же иметь четкие представления о юридически запрещенном. Почему? Дело в том, что законодатель объявляет запрещенным, в том числе и преступным, поведение, которое опасно, вредно для общества. А человек с малых лет вместе с элементарными правилами общежития усваивает, что опасно для общества, что угрожает его идеалам, принципам и ценностям.

Ведь ясно же, что в описанных ранее случаях «игра» с самодельными пистолетами прямо угрожает самой большой человеческой ценности — жизни, а «озорство» на насосной станции касается больших материальных ценностей, и оно не только обернулось громадными материальными потерями (родители потом возмещали убыток и вместе со своими детьми работали на восстановлении разрушенного), но и привело к задержке пуска всей водонасосной системы, и весь город в этой связи испытывал дополнительные трудности в водоснабжении. Да и «шутка» с крестами — не что иное, как надругательство над памятью об умерших, над чувствами пожилых людей.

И вот, если человек, с малых лет понимая, какие большие общественные, человеческие ценности защищает закон, все же своим поведением нарушает защищающие эти ценности юридические нормы, тогда и признают, что поведение такого человека было виновным.

Вина же и означает, что человек мог не допускать нарушения, мог, как и все другие люди, действовать в соответствии с требованиями морали и закона и все же допустил антиобщественное поведение.

Давайте рассмотрим еще такой вопрос. Почему юридическая ответственность такая различная: в одних случаях — наказание, подчас довольно жесткое, например лишение свободы, в других — только штраф или возмещение убытков? Прежде всего это зависит от того, какое правонарушение совершено. Ведь, наверное, все знают, что правонарушения бывают разные: есть преступления и есть просто нарушения тех или иных правил — проступки. Преступления — это такие нарушения, в которых проявляются опасные для общества черты самой личности, когда человек считает возможным пойти на грубые, антиобщественные действия, угрожающие нашему строю, жизни и здоровью других людей и иным важным ценностям в нашей жизни. Проступки представляют собой менее опасное, но тоже вредное для общества поведение — такое, например, как утрата полученной напрокат вещи, несоблюдение противопожарных правил в лесу, прогул или опоздание на работу,

переход улицы в запрещенных местах и т. д. И вполне понятно, что юридическая ответственность за совершение преступления будет строже, чем за совершение проступка.

Но и сами преступления (так же как и проступки) не одинаковы. В зависимости от того, на какие защищаемые законом ценности посягает то или иное преступление (на общественный строй нашей страны, социалистическую собственность или жизнь человека), различают преступления тяжкие, менее тяжкие, незначительные. В статье 7¹ УК РСФСР специально выделены тяжкие преступления. К ним, в частности, относятся особо опасные государственные преступления, такие, например, как измена Родине, антисоветская агитация и пропаганда. К тяжким преступлениям относятся нарушение правил о валютных операциях, умышленное убийство, злостное и особо злостное хулиганство, взяточничество, спекуляция при отягчающих обстоятельствах и ряд других. Одновременно в Уголовном кодексе предусмотрены отягчающие обстоятельства, то есть такие, при наличии которых назначается более строгое наказание (ст. 39 УК РСФСР). Так, более строго наказывается преступление, если оно совершено организованной группой, из корыстных или иных низменных побуждений, с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим. (Возьмем на заметку: закон рассматривает совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, как отягчающее обстоятельство — п. 10 ст. 39 УК РСФСР.)

И еще один момент хочется отметить. Величина и характер юридической ответственности зависит еще и от вины, от того, какая она — умышленная или неосторожная. Вспомним ребят, которые решили испугать старушек. Их вина была умышленной, они понимали, что, увидев утром возле своих дверей кресты, старушки испугаются, а ребята этого и хотели. Или случай на строящейся насосной станции. Наверное, когда ребята били там стекла, фонари и приборы, хоть краешком сознания, но понимали, что причиняют своими действиями государству материальный ущерб, но они безразлично отнеслись к этому: «Подумаешь, ну и пусть!» Поэтому здесь ребята тоже действовали умышленно. А вот в случае, когда девятиклассники оставили на лесосеке незатушенный костер, была неосторожная вина. Они не хотели возникновения пожара, но все же виноваты, так как должны были предвидеть, что незатушенный костер в лесу в сухую погоду может привести к пожару. Такая же ситуация была и в случае, когда ребята оставили в электричке взятую напрокат туристскую палатку. И, наверное, не нужно объяснять, что за умышленные действия закон предусматривает более строгую ответственность, чем за неосторожное правонарушение.

С. АЛЕКСЕЕВ,
доктор юридических наук, профессор

ПРОТИВ РАСХИТИТЕЛЕЙ ЭНЕРГИИ

Иван Куличиков слыл в деревне «знатным огородником». На грядках его сада-огорода раньше, чем у всех остальных односельчан, появлялись и клубника, и огурцы, и помидоры. Но не любили односельчане Ивана Кузьмича. За прилавком городского рынка его чаще видели, чем работающим в колхозе.

Однажды к нему пришла комиссия из сельского Совета. Стали интересоваться, чем обогреваются у Куличикова теплицы, как он поливает свой огород. Оказалось, что в теплицах, где Иван Кузьмич выращивал ранние овощи, стояли электрические отопительные установки, а для полива своего большого огорода он использовал электронасос. А вот за электроэнергию, которую потребляли все эти приборы, Куличиков не платил, так как самовольно подключился к линии электропередачи, проходящей недалеко от его огорода.

— Ну что же, Иван Кузьмич, придется наказать вас за самовольное использование в корыстных целях электрической энергии,— подвел итог один из членов комиссии.

— Вы не имеете права наказывать трудящегося человека за какую-то там энергию, да и закона такого нет...— начал возмущаться Куличиков.

— И право у нас есть, и закон такой существует,— спокойно возразили члены комиссии.

До недавнего времени действительно случалось такое, когда некоторые граждане, применяя в своем хозяйстве различные энергопотребляющие устройства, самовольно подключались к источникам электрической и тепловой энергии, газа либо с помощью технических приспособлений искажали в сторону уменьшения показания счетчиков. Таким образом у государства похищались тысячи, десятки тысяч рублей. Наказать же любителей поживиться за счет государства не могли из-за несовершенства законодательства.

С 1 июля 1986 года введен в действие Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 года, который дополнил Кодекс РСФСР об административных правонарушениях новой статьей — 95¹, в которой говорится:

«Самовольное использование в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа, а равно нарушение правил пользования электрической либо тепловой энергией или газом в быту, не причинившее существенного вреда,— влечет предупреждение или наложение штрафа на граждан в размере до 50 рублей».

Этим же Указом в Уголовный кодекс РСФСР введена новая статья — 94². Она устанавливает ответственность за нарушение правил пользования энергией или газом в быту. В статье указано:

«Самовольное использование в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа, а равно нарушение правил пользования электрической либо тепловой энергией или газом в быту, совершенные после наложения административного взыскания за такие же нарушения, либо причинившие существенный вред,— наказываются лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом от трехсот до одной тысячи рублей».

Применение мер административной и уголовной ответственности не освобождает виновных от полного возмещения ущерба.

Л. ПЕТУХОВА

С

САМОГОНОВАРЕНИЕ

Несмотря на все «старания» Пелагеи Ивановны, участковый инспектор милиции Васильев невозмутимо дописывал протокол. Его помощники вытащили откуда-то те самые «приборы», с помощью которых Спиридониха, как звали ее на селе, варила самогон...

Разоблачение было полным. А ведь вначале Пелагея Ивановна возмущалась и требовала справедливости. Со стороны казалось, что гнев ее благороден и наказывать ее просто не за что.

— Купила в субботу на базаре,— кричала она, чтобы слышали и на улице,— в дом мастеров пригласила. Отблагодарить их надо. Ну, чем я виновата?

И правда, в чем вина Спиридоновой? Что об этом гласит закон?

Даже если верить ее словам, за приобретение самогона и других крепких спиртных напитков домашней выработки наступает ответственность по Кодексу РСФСР об административных правонарушениях в виде штрафа от 30 до 100 рублей (ст. 160).

Еще строже предусмотрена ответственность за изготовление или хранение без цели сбыта самогона, чачи, араки, тутовой водки, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки, изготовление или хранение без цели сбыта аппаратов для их выработки. За такие правонарушения следует уголовное наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет или штрафа до 300 рублей (ч. 1 ст. 158 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик).

Если бы Спиридонова уже была судима ранее за такие же преступления, то была бы наказана лишением свободы на срок до 2 лет или исправительными работами от 1 года до 2 лет (ч. 2 ст. 158 УК РСФСР).

Кстати, следствием было установлено, что Спиридонова в тот раз сама изготовила с целью сбыта и хранила дома самогон. В этом случае ответственность виновного лица, безусловно, увеличивается. Суд может назначить наказание в виде лишения свободы на срок от 1 года до 3 лет с конфискацией имущества либо без таковой, или исправительных работ на срок до 2 лет с конфискацией имущества либо без таковой, или штрафа от 500 до 1000 рублей (ч. 3 ст. 158 УК РСФСР).

Но дальнейшее расследование подтвердило «славу» Спиридоновой как постоянной изготовительницы крепких спиртных напитков домашней выработки. Именно поэтому ей было предъявлено обвинение по части 4 ст. 158 УК РСФСР, которая указывает на **повторность** таких действий. Следует отметить, что признак повторности не требует наличия судимости за аналогичное преступление. И наказание в этом случае может быть определено судом только в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет с конфискацией имущества.

СЛУЖЕБНОЕ ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Инженер Чуркин приехал в город, поступил на должность наладчика оборудования местной фабрики и вскоре получил двухкомнатную квартиру, в которой поселился с женой и ребенком.

Через два года он уволился с фабрики, найдя себе работу по специальности в проектно-институте. Администрация фабрики предъявила в народный суд иск о выселении Чуркина из служебной квартиры. Однако суд отказал в иске, так как эта квартира решением исполкома районного Совета народных депутатов не была включена в число служебных жилых помещений.

Что же такое служебное жилое помещение, кому оно предоставляется и в каком порядке может происходить выселение?

Служебные жилые помещения — это помещения, предоставляемые тем работникам, характер трудовых отношений которых требует, чтобы они проживали по месту работы или вблизи от него, например слесарь, сантехник, дворник, почтальон и т. д. Перечень категорий работников, которым могут быть предоставлены служебные жилые помещения, а также порядок предоставления их устанавливаются законодательством Союза ССР и союзных республик.

Жилое помещение включается в число служебных решением исполкома районного, городского Совета народных депутатов (ст. 39 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик). Под служебные жилые помещения выделяются, как правило, отдельные квартиры.

Жилое помещение в доме жилищно-строительного кооператива может быть включено в число служебных только с согласия общего собрания членов кооператива.

Служебные жилые помещения предоставляются по решению администрации предприятия, учреждения, организации, правления колхоза, в ведении которых находятся эти помещения. На основании принятого решения исполком местного Совета народных депутатов выдает гражданину ордер на служебное жилое помещение (ст. 105 Жилищного кодекса РСФСР, аналогичные статьи жилищных кодексов других союзных республик).

С гражданином, на имя которого выдан ордер на служебное жилое помещение, заключается письменный договор найма помещения на все время его работы, в связи с которой ему предоставлено это помещение.

В домах, принадлежащих колхозам, включение жилых помещений в число служебных осуществляется решением общего собрания членов колхоза или собрания уполномоченных, которое утверждается затем исполкомом районного Совета народных депутатов. В таком же порядке устанавливается и перечень работников, которым могут предоставляться такие помещения.

Жилые помещения в домах совхозов предназначаются для заселения работниками совхозов и другими лицами, которым в соответствии с действующим порядком предоставляется жилая площадь в домах хозяйств, включаемая в число служебных помещений.

В случаях, определяемых Советом Министров СССР, служебные жилые помещения могут предоставляться отдельным категориям военнослужащих.

Право пользования служебным помещением прекращается одновременно с прекращением трудовых отношений с предприятием либо исключением из членов колхоза или выходом из членов колхоза по собственному желанию.

Статья 40 Основ жилищного законодательства гласит, что рабочие и служащие, прекратившие трудовые отношения с предприятием, учреждением, организацией, а также граждане, которые исключены из членов колхоза или вышли из него по собственному желанию, подлежат выселению из служебного жилого помещения со всеми проживающими с ними лицами без предоставления другого жилого помещения. Выселение возможно лишь в судебном порядке.

Законодатель предусматривает, однако, случаи, когда выселение граждан из служебных жилых помещений не допускается без предоставления им другого жилого помещения. В частности, это относится к инвалидам войны и другим инвалидам из числа военнослужащих, которые стали инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, участникам Великой Отечественной войны, семьям военнослужащих и партизан, погибших или пропавших без вести, семьям военнослужащих.

Не подлежат выселению из служебного жилого помещения без предоставления другой жилплощади лица из числа рядового и начальствующего состава органов Министерства внутренних дел СССР, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении служебных обязанностей; лица, проработавшие не менее десяти лет на предприятии, в учреждении, организации, предоставившим им служебное жилое помещение; лица, освобожденные от должности, в связи с которой им было предоставлено жилое помещение, но не прекратившие трудовых отношений с предприятием, учреждением, организацией, предоставившими это помещение; пенсионеры по старости, персональные пенсионеры; члены семьи умершего работника, которому было предоставлено служебное помещение; инвалиды труда I и II группы; инвалиды I и II группы из числа военнослужащих и приравненных к ним лиц; одинокие лица с проживающими вместе с ними несовершеннолетними детьми.

Граждане, проживающие в служебных жилых помещениях, не имеют права на обмен жилой площади и на ее бронирование.

СОУЧАСТИЕ

Тракторист Роман Ведерников возил картофель с колхозного поля в хранилище. В полдень он заехал домой, где его ждал гость — брат Виктор.

— Слышал, ты сегодня картошку возишь. Привез бы мне одну тележку.

После обеда Роман отвез тележку картофеля Виктору.

А потом в клубе колхоза состоялось выездное судебное заседание. Судили братьев Ведерниковых: Романа — за хищение колхозного картофеля, а Виктора — за соучастие в этом преступлении.

В советском уголовном праве **соучастием** признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления (ст. 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Рассмотрим такой случай. Два соседа, предварительно договорившись между собой, воровали огурцы с колхозного поля. Кто они? Соучастники? Да. Но не только соучастники, но еще и соисполнители, так как оба непосредственно совершали преступление.

Но тогда возникает вопрос, за что же в приведенном выше примере судили Виктора, ведь он сам не крал картошку, а только попросил об этом брата.

Статья 17 Основ уголовного законодательства устанавливает, что соучастниками являются не только исполнители, но также лица, которые сами непосредственно преступления не совершали, но создали необходимые условия для действий исполнителя. Такими лицами считаются: организатор, подстрекатель и пособник.

Организатор подбирает и вербует соучастников, подыскивает конкретный объект преступного посягательства, распределяет функции, инструктирует участников преступления. Таким образом, организатор — это тот, кто организует совершение преступления или руководит его совершением. А так как он объединяет и направляет усилия соучастников, то его и считают самым опасным участником совместного преступления.

Другим соучастником является подстрекатель. Он самыми разнообразными способами: уговорами, подзадориванием или подкупом, лестью, просьбой либо угрозой склоняет исполнителя к совершению конкретного преступления. (В нашем примере Виктор — подстрекатель, так как он **уговорил** брата украсть картошку.)

И последний соучастник — это пособник. Он содействует совершению преступления советами, указаниями (о месте, времени, способе совершения преступления), предоставляет средства (оружие, отмычки, транспорт) или устраняет препятствия, заранее обещает скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем.

Наверное, каждому понятно, что преступление, совершенное в соучастии, более опасно, чем преступление, совершенное в одиночку. Ведь при соучастии в конфликт с обществом вступают сразу несколько человек.

Поэтому ряд статей уголовного кодекса рассматривает совершение преступления в соучастии как обстоятельство, отягчающее ответственность, и устанавливает за такие действия более строгое наказание. И еще один момент: при назначении наказания судом учитывается степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления.

СЛУЧАЙ НА АРКАДСКИХ ОЗЕРАХ

Оба они, Константин Поликтеев и Сергей Осин, работали на фарфоровом заводе «Пролетарий» в г. Новгороде. И тому и другому не исполнилось еще тридцати лет. Возраст, позволяющий отнести их к молодежи. Однако, судя по их внешнему виду, этого не скажешь.

Судебный процесс, основными действующими лицами которого стали Поликтеев и Осин, привлек к себе внимание многих жителей Новгорода. Ведь речь шла об убийстве ни в чем не повинного человека.

А началось все с пьянки. Поликтеев и Осин пили водку с утра. Когда хмельной угар затуманил сознание, дружки решили ехать за рыбой. Не на рынок и не в магазин, а на озеро. Но не с удочками, а с ружьем. Дело в том, что в эти дни лов рыбы разрешался только рыбакам, заключившим договор с колхозом. Вот приятели и решили прихватить охотничью пятизарядку, на хранение которой у Осина, кстати сказать, разрешения не было. Итак, вместо удочки — ружье, вместо наживки — все та же водка. Гоняя моторку по озеру, приставали то к одному рыбаку, то к другому. Но, видно, в тот день плохо клевало — рыбы ни у кого не было. Наконец попался удачливый рыбачок. В лодке у него было несколько щук. Поликтеев и Осин даже не пытались попросить у него рыбы. Они просто стали преследовать изумленного рыбака, угрожая ему ружьем. Во время погони не забывали прикладываться к водке, даже рыбаку предлагали «глотнуть из горла». Сначала Поликтеев и Осин разбили рыбаку мотор лодки. Потом, когда тот не захотел отдать им рыбу, выстрелили в него из ружья, прихватили трех щук и отправились допивать водку.

Во время судебного следствия зал гудел от негодования. Из-за трех рыбин убит человек. А виной всему — спиртное. Надо сказать, что все это произошло не случайно. И Осин, и Поликтеев рано пристрастились к спиртному. Ради вина готовы были на все: отнимали у детей деньги, а если кто оказывал сопротивление — жестоко избивали. Поликтеев даже был судим за свои «художества».

Наверное, нет нужды еще и еще раз говорить о том горе, тех несчастьях, которые приносит алкоголь. Не говорить надо, не уговаривать «пить разумно и в меру», а действовать — искоренять это зло. Искоренять как первопричину подавляющего большинства преступлений, в том числе и таких тяжких, как разбой и убийство. Вряд ли трезвые Поликтеев и Осин стали бы под угрозой оружия отбирать у рыбаков рыбу. Вряд ли прозвучал бы роковой выстрел.

Судебная коллегия одним из отягчающих ответственность обстоятельств признала то, что оба подсудимых в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения.

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда приговорила Поликтеева к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией имущества. Осина — к 10 годам лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, с конфискацией имущества.

С. ВЛАДИМИРОВ

г. НОВГОРОД

Неоднократно судимый житель г. Орска Оренбургской области Васильев Г. В. устроился работать сторожем в садоводческое общество «Химик». К своим обязанностям относился спустя рукава, пьянствовал с собутыльниками в домах садоводов в их отсутствие. Однажды он пригласил двух друзей, во время пьянки поссорился с ними и, когда они уснули, поджег дачный домик. За поджог и покушение на убийство Васильев приговорен Ленинским районным народным судом г. Орска к 7 годам лишения свободы.

Егерь Спировского районного общества охотников и рыболовов Калининской области Раздайбеда Я. Д. нес охрану выдропушного хозяйства. Для выполнения плана мясозаготовок ему разрешено было отстрелять одного лося. Лицензия была именной, ее нельзя никому передавать. Однако Раздайбеда вручил ее своему знакомому жителю г. Вышнего Волочка Сорокину А. А. Тот убил лосенка и предложил Раздайбеде не сдавать мясо государству, а по использованной лицензии убить еще одного лося. Егерь согласился, сообщники разделили добычу и стали по частям перетаскивать ее к себе домой. За этим делом их застали работники милиции. Спировским районным народным судом приговорены: Раздайбеда — за злоупотребление служебным положением и незаконную охоту к полутора годам исправительных работ с вычетом 20% зарплаты в доход государства, Сорокин — к одному году исправительных работ. С виновных взыскан ущерб и конфискованы охотничьи ружья.

КОНЕЦ АВТОСАВРАСКИ

Это мы у нас в городе зовем «автосаврасками» машины частных, промышляющих извозом. Да вы и сами не раз видели их на вокзалах, у рынков, возле мебельных и электромагазинов. Ходят между людей, ключи от машины в руках крутят. Приглашают негромко: «Подвезти, хозяин?» И чем-то похожи они на городского извозчика Пантелея, который давным-давно так же людей по городу развозил. А коляску его кобылка старая таскала. Савраской звали. В память о ней и «автоизвозчиков» так же стали называть.

Так вот после истории, когда шофера государственной «Волги» на сто рублей оштрафовали за то, что на ней посторонних людей за плату развозил, заинтересовался я: а если автомашина собственная и владелец превратил ее в «автосавраску»? Как тогда? Предусматривает ли закон такие случаи? И обратился я к нашему юрисконсульту на заводе.

— Такое дело запрещено, — ответил он. — Во-первых, Конституция СССР, провозглашая право граждан нашего государства на личную собственность, делает существенное предупреждение: имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества. Во-вторых, это такая индивидуальная трудовая деятельность, которая запрещена законом.

Юрисконсульт показал Положение о кустарно-ремесленных промыслах граждан, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 3 мая 1976 года.

«На всей территории СССР гражданам запрещается занятие следующими видами кустарно-ремесленных промыслов... 3) перевозом пассажиров и грузов любыми транспортными средствами (кроме перевоза на лодках, лошадях и других животных при наличии разрешения исполкома местного Совета народных депутатов)», — прочитал я.

— Так вот, — продолжал юрисконсульт, — в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов», который введен в действие с 1 июля 1986 года, установлено, что на виновного в занятии кустарно-ремесленным промыслом или другой индивидуальной трудовой деятельностью, относительно которой имеется специальное запрещение, может быть наложено административное взыскание — штраф в размере от пятидесяти до ста рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья.

— А если владелец автомобиля говорит, что промыслом не занимается, а хочет оправдать затраченные на покупку машины деньги? — спросил я.

— А какая разница? — пожал он плечами. — Возит пассажиров за деньги — и все тут. Уже отвечает по закону. Но это еще не все. Если запрещенной трудовой деятельностью человек будет продолжать заниматься и после того, как его наказали в административном порядке за такое же нарушение, он привлекается к уголовной ответственности. Наказание — исправительные работы на срок до двух лет или штраф от двухсот до одной тысячи рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья. А если занятие запрещенной трудовой деятельностью совершается в значительных размерах или с использованием наемного труда, а равно лицом, ранее судимым за такую же деятельность, то виновный наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией уже всего принадлежащего ему имущества. Конечно, и автомашины.

— Наверное, это специально в законе подчеркивается: индивидуальная трудовая деятельность, относительно которой есть специальное запрещение, — задумался я. — Понятно. А то ведь закон говорит о борьбе с извлечением нетрудовых доходов, а многие мои знакомые искренне думают: раз нетрудовые — значит это такие доходы, которые получены без труда. А если вложен свой личный труд, это в любом случае доходы трудовые и, следовательно, законные...

— Не правы ваши знакомые, — покачал он головой. — Вот и разъясните им сущность нового закона.

Послушался я его совета. Разъяснил все своим знакомым. А что касается «автосаврасок», то они постепенно у нас в городе пропали. Теперь уже «калымщика» не встретишь ни у вокзала, ни на рынке. Ведь кому охота из-за «трешек» и «пятерок» своей машины лишаться? Не говоря уже о крупном штрафе.

Ну, а к тому, кто бабуся какую или просто гражданина подвезет — бесплатно, конечно, у милиции претензий нет. Поскольку дело это хорошее. На пользу людям.

Николай БЫВАЛЫЙ

СОЛДАТЫ БЕДНОСТИ

Многие, наверное, смотрели американский фильм «Генералы песчаных карьеров», поставленный по книге известного бразильского писателя Жоржи Амаду «Капитаны песка». Картина рассказала о бездомных бразильских детях, которые занимаются воровством и грабежами, добывая тем самым себе средства к существованию. Фильм набрасывал некий романтический флер на полную страданий и жестокости жизнь бездомных детей, которая, скорее, напоминает фильмы ужасов, чем сентиментальную мелодраму.

Бразилия — страна контрастов. Она является десятой промышленной державой мира и одновременно самым крупным должником в Южной Америке, страной, достигшей в прошлом году наивысших темпов экономического роста и в то же время трагически неспособной накормить половину своего населения. Особенно тяжело живется в Бразилии детям. Согласно статистическим данным ООН, 32 миллиона детей брошены родителями на произвол судьбы, и по крайней мере 10 миллионов детей живут или пытаются выжить на улице, бросая вызов закону.

Малолетние преступники грабят и убивают туристов совсем рядом с пляжами Копакабаны и Ипалемы. Водители автомобилей плотно закрывают стекла своих машин, чтобы на них не напал какой-ни-

будь ребенок, готовый отрезать палец, чтобы завладеть кольцом, или выстрелить в человека ради часов. Бразилия занимает второе место в мире по «числу случаев насилия», и за последние пять лет третья часть ее населения подверглась вооруженному нападению, краже или ограблению.

В одном лишь городе Сан-Паулу совершаются 2 тысячи убийств в год, сообщает журнал «Панорама». В Белу-Оризонти уровень преступности растет более чем на 400 процентов в год. «Но это известные данные,— констатирует социолог Луиш Пайшан, изучающий городскую преступность,— а вот никто даже не пытается выяснить, что стоит за всем этим. А за всем этим почти всегда стоят подростки. Разве в газетах когда-либо писали о том, что в Белене, административном центре штата Пара, насчитывается 30 тысяч девочек в возрасте 11—15 лет, которые официально числятся проститутками? Разве кто-нибудь рассказал о судьбе детей, которых нанимают для убийств взрослые уголовные преступники и которыми никто не занимается? Или о подростках, которых сначала жестоко эксплуатировали, в том числе сама полиция, а затем убили? В 1985 году в Сан-Паулу полицейские убили 580 человек, более 50 процентов из них не было 18 лет. Причем полиция никогда не оставляет раненых, которые могут заговорить».

Самая большая исправительная тюрьма для малолетних преступников в Сан-Паулу называется «Куадрилатеро ди Татуапэ». Это мрачное учреждение именуют также «Фебем», «филиалом ада», «фабрикой моральных монстров» и «центром истребления подростков». Сотни подростков содержатся в бывшей казарме, где происходит все что угодно — от бунтов до побегов, от убийств до торговли оружием и наркотиками. Несколько лет назад директор этой тюрьмы Э. Гуацелли подала в отставку, так как выяснилось, что тюремщики «нанимали» заключенных девочек-подростков для домов терпимости, а насилие и пытки были здесь неотъемлемой частью «невероятной обстановки ужасов».

«К сожалению, насилие — это единственная «культура», которую знают эти подростки, — заявил выполняющий обязанности консультанта в этой тюрьме социолог Э. Садир, — потому что они выросли здесь, она вошла в их кровь и плоть, и за свою короткую жизнь они испытали на себе все возможные формы насилия. Здесь, в тюрьме, даже если мы этого не желаем, они воссоздают свою среду, свою модель жизни, свою банду. И действуют соответственно, потому что за стенами этой тюрьмы, если они не будут прибегать к насилию, им не удастся выжить».

Вот некоторые из «постояльцев» тюрьмы «Фебем». Пятнадцатилетний Рейналду Моренья по прозвищу Налдинью. Его еще называют «ночным палачом». Он убивает, как правило, выстрелом в затылок. По данным полиции, он уже убил по крайней мере 10 человек, включая полицейского по фамилии Домингос. Налдинью арестовали в центре

Сан-Паулу за рулем только что купленной им автомашины. После ареста, находясь в тюрьме, он, вооруженный автоматом и пистолетом, возглавил массовый бунт заключенных, который завершился бегством 170 подростков и гибелью двух из них. Налдинью говорит о себе: «Я хочу жить на улице. Я люблю стрелять, убивать, чтобы иметь деньги. Рано или поздно меня убьют, но пока я так живу».

Деборе 7 лет. Ее доставили в коматозном состоянии в больницу. В ее медицинской карте написано: проститутка; находилась в угрожающем для жизни состоянии из-за недоедания; наркоманка. Придя в себя, она рассказала: «Мы нюхали клей в пластиковых пакетах, когда прибыла полиция. В полицейском участке меня подвергли пыткам и заставили съесть клей. Я потеряла сознание». Кстати, испарения обувного клея, который подростки используют в качестве наркотика из-за его дешевизны, наносит необратимый ущерб клеткам головного мозга.

Александру 12 лет. На правой руке выше локтя у него татуировка — шесть стрел. Он утверждает, что это память о банках, в нападении на которые подросток участвовал. Инспектор полиции считает, что это память о людях, которых убил подросток. Александру родился в этой же тюрьме, в которой сейчас сидит. Его матери было 16 лет, и она сразу же его бросила. В 6 лет он уже был беспризорным: продавал лимоны, чистил обувь прохожим, рылся в мусорных ящиках, чтобы как-то прокормиться. Он с самого рождения уже принадлежал к поколению обездоленных, которое производит такое тягостное впечатление на тех, чье представле-

ние о Бразилии сводится к карнавалу и футболу. «А потом,— рассказывает Алезандрю,— я присоединился к другим. Мы начали воровать в автобусах, вырывать сумочки у женщин. Иногда мы обворовывали нищих или торговцев, которые заставляют нас платить им за право «работать» перед их лавками. Но из-за наркотиков денег никогда не хватало, и мы стали совершать налеты на банки, на универсамы, из-за нас в некоторых кварталах полицейские боятся даже появляться. Убивать? Это необходимо, чтобы защитить себя, чтобы существовать. Где мы достаем оружие? Это не проблема».

Однажды Алезандрю появился вооруженным у ворот тюрьмы «Фебем». Он хотел освободить своего товарища по банде. Потом выяснилось, что пистолет ему дал напрокат один полицейский. Тот самый, который вынуждал платить ему «дань» с той суммы, какую Алезандрю «зарабатывал» воровством или торговлей наркотиками. В последние месяцы в одном только Сан-Паулу были уволены 600 полицейских за коррупцию или соучастие в преступной деятельности, главным образом малолетних. А один из офицеров военной полиции, арестованный в конце прошлого года, признал, что он убил несколько десятков детей-бандитов. Не исключено, что среди них были и те подростки-заключенные, которые осмелились пожаловаться на пытки и произвол полицейских.

Однако высшие полицейские чины пребывают в полном «неведении» о том, какой произвол насаждается полицейскими. Секретарь по вопросам

безопасности штата Сан-Паулу К. Фортиш заявил: «Пытки? Избиения? Я, подобно мужу, которому изменила жена, узнаю о случившемся последним». И, очевидно, никто из них тем более не знает о том, что в тюрьме для малолетних преступников «Флориста» уже несколько месяцев играют в «рулетку смерти». По жребии выбирают среди товарищей по заключению подростка, которого убивают «в знак протеста» против бесчеловечного обращения тюремщиков.

В тюрьмах Бразилии, по официальным данным, отбывают наказание 400 тысяч подростков. Из них 14 тысяч считаются преступниками, а это значит, что если бы их можно было судить, то они были бы приговорены по меньшей мере к 10 годам заключения, ибо это минимальное наказание за убийство.

Беспризорные дети — великие мастера выживания. Чезаре де Флориу, который представляет в Бразилии Детский фонд ООН, называет их «героями, способными существовать, вопреки всему и всем».

Беспризорники — это те дети, которым удается преодолеть невероятный барьер: 300 тысяч бразильских детей ежегодно умирает от голода, не дожив до года.

«Стать беспризорным, мы это хорошо знаем, значит стать участником войны,— сказал один из малолетних заключенных,— где один закон: если ты не убьешь, то убьют тебя».

Аналогичную мысль высказал и представитель суда по делам малолетних преступников Мас-сир Родригеш: «Это солдаты бедности, чья судьба решена уже в момент их рождения».

В. ОСТОЖЕНСКИЙ

С КЕМ АМЕРИКА ШАГАЕТ В НОГУ*

ЗАКОНЫ НА ВЫБОР

Белый дом старается найти особые слова для каждого из своих «друзей». «Соединенные Штаты и Корея поддерживают особенно теплые отношения», — произнес Р. Рейган на приеме в честь Чон Ду Хвана. «США являются подлинным другом Пакистана», — клянется президенту Зия-уль-Хаку американский посол в Исламабаде Дин Хинтон.

Опыт пакистанского диктатора интересен прежде всего тем, как он придавал «законность» своим действиям, начиная с военного переворота в июле 1977 года. В этом ему немало помогли запуганные и послушные пакистанские органы правосудия. Уже в конце 1977 года Верховный суд, приняв во внимание «весь комплекс условий», в которых были осуществлены «перемены», утвердил введение военного положения на основе «доктрины необходимости». Более того, главный военный администратор, т. е. генерал Зия-уль-Хак, получил полномочия издавать любые законодательные акты, которые он сочтет нужными. Генерал не преминул этим воспользоваться. Он внес многочисленные поправки к конституции, а в 1981 году издал Временное конституционное распоряжение, которое запрещало судам привлекать его к ответу...

Зато, как отмечалось в докладе Международной федерации прав человека (1984 год), простые граждане Пакистана могут быть арестованы в любом месте и в любое время, предстать перед военным судом и быть осужденными сроком до 3 лет, так и не узнав, в чем их вина... Сейчас в стране не менее 450 политзаключенных, многих из которых ожидает казнь через повешение. Всего же более ста тысяч противников режима прошли через тюрьмы, где они подвергались пыткам. «Публичные порки и другие бесчеловечные наказания стали нормой при режиме Зия-уль-Хака», — говорится в книге «Пакистанцы тоже люди», вышедшей в Дели. — Порке подвергались даже журналисты, участвовавшие в кампании за восстановление демократии.

В декабре 1984 года Зия-уль-Хак провел референдум. Вопрос был сформулирован хитро: поддерживаете ли вы политику исламизации, проводимую правительством? Зия-уль-Хак объявил, что в случае положительного исхода референдума сам он «одновременно» получит мандат еще на 5 лет президентства. Таким образом, чтобы голосовать против Зия-уль-Хака, надо было голосовать фак-

* Окончание. Начало см. № 9 за 1986 г.

тически против ислама. И это в стране, где 95 процентов населения — мусульмане. Расчет был безошибочным...

Затем в феврале 1985 года состоялись выборы в парламент — Национальную ассамблею. По данным оппозиции, не менее 5 миллионов человек насильно доставили в армейских грузовиках к избирательным урнам. Так же поступили и с заключенными. «Неудобных» кандидатов отстраняли всеми способами. И вот — национальная ассамблея создана. В октябре того же 1985 года она вынесла постановление о помиловании Зия-уль-Хака за совершенный им переворот и утвердила законы, принятые при военном положении. В последних числах года президент объявил об отмене военного положения. Но при этом сохранил за собой диктаторские полномочия, право распускать парламент и смещать премьер-министра.

«Хорошо известно, что США оказывают поддержку многим реакционным режимам, несущим лишь террор, бедность и страдания собственным народам. Военные правительства Пакистана стали «особыми любимцами» в этом списке», — пишет в книге «Пакистан: режим террора» английский общественный деятель и журналист Антони Гилберт. «Любимцев» порой — для проформы — ругают за «нарушение прав человека». Но когда такая критика невыгодна Белому дому (например, в тот момент, когда обсуждаются новые поставки оружия Исламабаду), ее обрывают. И сам Белый дом становится адвокатом Исламабада...

Эта полуанекдотическая история произошла летом 1984 года. В Пакистане арестовали известного юриста Резу Казима, не раз выступавшего против военного правления. Об аресте стало известно на Западе, где коллеги Казима организовали кампанию в его защиту, подключили прессу. В общем, исламабадские власти оказались в довольно-таки невыгодном положении. И тогда Белый дом решил вступить за своего «коллегу», но по привычке быстро превратился из адвоката в прокурора и стал обвинять Резу Казима. В чем? В том, что тот — матерый уголовник, которому только за решеткой и место. И посему говорить о «правах человека» в данном случае просто нелепо...

В Исламабаде даже растерялись. Дело в том, что американский прокурор плохо подготовился к ведению дела и спутал одного человека с другим. Одного, который действительно принадлежит к преступному миру и за которым действительно числится немало грехов. И другого, который, хоть и сидит в тюрьме, ничего криминального не совершал. А с первым если и встречался, то только в зале суда. Первого, известного уголовника, зовут Рена Казми. Второго, известного юриста, — Реза Казим. При желании, конечно, перепутать можно. А желание было.

Впрочем, американцы в данном случае лишь последовали примеру юристов, служащих пакистанскому правительству. У них путаница носит вполне узаконенный характер. Местная газета «Стар» писала: «Политические лидеры, адвокаты, журналисты, поэты, преподаватели и студенты, профсоюзные деятели подвергаются арестам по совершенно неправдоподобным обвинениям, таким, как угон скота, воровство, грабеж, убийство...»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДРУЗЬЯ

«Я не могу не восхищаться удивительной инфраструктурой этой страны», — заявил в начале марта постоянный представитель США

при ООН Вернон Уолтерс. Какой страной восхищался генерал — давний сотрудник ЦРУ, организатор многочисленных удобных Америке переворотов? Оказывается, ЮАР. Расистским государством, где с сентября 1984 года не стихают антирасистские выступления.

В соответствии с законом о регистрации населения каждый житель ЮАР относится к одной из четырех групп: белые, цветные (представители смешанной расы), индийцы и черные. Раса определяется в соответствии с зарегистрированной расовой принадлежностью, отца, а в «сомнительных» случаях — с учетом наружности и «общего мнения» местной общины.

Не так давно лондонская газета «Трибюн» поместила фотографию чернокожей африканки, лицо которой обезображено белыми пятнами. Оказывается, некая английская фирма открыла в ЮАР торговлю «кремом для отбеливания кожи», обещая «волшебный эффект». И женщина решила попробовать. Но вместо белоснежной кожи получились только пятна и волдыри... Страшный анекдот... Он лучше любых цифр и данных говорит о том, что значит в расистской ЮАР цвет кожи.

Белые, цветные и индийцы — граждане ЮАР, хоть последние две группы — граждане второго сорта. Черные, составляющие три четверти населения страны, лишены гражданских прав. Они имеют право жить лишь на 13 процентах земли — в «хоумлендах».туда насильно выселили около 3,5 миллиона человек. Новой «демократической» конституцией, которая вступила в силу осенью 1984 года, предусмотрен сегрегированный трехпалатный парламент для белых, цветных и индийцев. Но не для черных. Лишь представители соответствующей группы населения могут быть избраны в каждую палату, и лишь представители той же группы могут за них голосовать. Законодательная система устроена таким образом, что воля партии, располагающей большинством в палате белых, всегда преобладает, даже если против выступают две другие палаты, а также другие партии в палате для белых. Короче говоря, парламент лишь отражает, а никак не меняет главный принцип жизни ЮАР: власть белого меньшинства.

Не будем перечислять все области, в которых ущемляются права черных: для этого не хватило бы и нескольких томов. Но вот события последнего времени. Осенью 1984 года, после принятия расистской конституции, страну охватили волнения. Черные африканцы поднялись на борьбу за свои права. Власти ответили чудовищными репрессиями. В тюрьмах побывало около 10 тысяч человек. Четверть из них — дети. Белая женщина — врач Венди Орт, работавшая в полицейском участке Порт-Элизабета, рассказала о многочисленных случаях избиений и пыток. О том, как одного заключенного заставляли пить бензин, другого — есть свои волосы. А еще расисты изобрели «вертолет» — пытку, при которой человеку связывают кисти рук под коленями, подвешивают его и, вращая, избивают... Власти незамедлительно приняли меры — уволили Венди Орт, разрешив ей медицинскую практику только в домах для престарелых. И сразу после этого разрешили подвергать заключенных порке!

Облака слезоточивого газа стали столь же привычны в ЮАР, как туманы в Лондоне. Руководство «Англо-американ корпорейшн оф саус Африка» додумалось до того, чтобы провести слезоточивый газ, как проводят воду, — прямо в общежития работающих на

корпорацию шахтеров. В африканском поселке Мамелоди скончалась двухмесячная Кэтрин Севелла: агенты охраны обрабатывали слезоточивым газом дом, где она жила со своими родителями.

Детей не щадят. В конце февраля, например, полицейские совершили налет на школу африканцев в городке Бонтехеувена. Учителя рассказали потом, как все это было: «У некоторых из них были в руках хлысты, и полицейские гонялись за детьми, которые начали кричать и истерически плакать. Одного из мальчиков втащили в полицейский фургон».

Бесчинства творятся на «законном» основании. Действующий в ЮАР закон о внутренней безопасности наделяет министра юстиции исключительным правом отправлять людей в изгнание. Тот же закон позволяет задерживать граждан ЮАР на 180 дней без судебного постановления, предусматривает наказание от пяти лет лишения свободы до высшей меры за участие в актах «терроризма». Причем в понятие «терроризм» включено даже «создание помехи управлению государственными делами». Кроме того, Закон о внутренней безопасности вводит в законодательство ЮАР любопытный принцип: обвиняемый сам должен представить доказательства своей невиновности...

С тех пор, как в ЮАР начались массовые волнения, власти Претории расширили юридический арсенал репрессий. В конце 1985 года президент Бота постановил, что силы безопасности по всей стране освобождаются от судебной ответственности за их методы подавления выступлений. Это было ответом на многочисленные обвинения в том, что солдаты и полиция провоцируют столкновения, открывают бессмысленный огонь и пытаются арестованных. Президент «разъяснил», что если кто-нибудь захочет поставить под сомнение действия солдата и полицейского, «надо исходить из того, что эти действия были предприняты... из самых благих побуждений».

Рональд Рейган с первых дней президентства называл ЮАР «историческим другом и союзником». И теперь Белый дом не устает повторять, что-де правительство ЮАР постепенно «демократизирует» страну.

Но белые расисты не собираются «демократизировать» общество. Телекомпания Си-би-эс сообщает: ширится движение стоящих на правых позициях белых граждан ЮАР. Они хотят вернуть страну к «традициям белой Южной Африки», то есть к временам начала века. Они готовы «драться до последнего» во имя будущего, которое очень похоже на прошлое.

«Африканское движение сопротивления» — крайне правая организация, выступающая за превосходство и власть белых, — создает собственные «отряды бдительности». Вооруженные силы по типу ку-клукс-клана.

Говорят, что в «отрядах бдительности» видели и полицейских, которым, видно, не хватает дневного кровопролития... Нападают на каждого черного, который попадется им на дороге. Забивают насмерть.

А на пресс-конференциях в Вашингтоне помощник госсекретаря Честер Крокер — автор политики «конструктивного сотрудничества» с ЮАР — называет «глупостью» какие-либо новые серьезные санкции против Претории.

ПАЛАЧИ., ЗАТО СВОИ

Это словечко — «свои» — равносильно индульгенции за любые злодеяния, самые изощренные издевательства не только над отдельными людьми, но и над целыми народами. В Белом доме, правда, изобрели термин — «дружественные режимы». Но по-прежнему помогают диктатурам — деньгами и оружием, защищают от критики. Предоставляют, как Южной Корее, суперсовременные дубинки с электрошоком — «для поддержания стабильности». И даже — орудия пыток. В экспортном реестре министерства торговли США есть раздел «Программа контроля за правами человека». А в нем параграф 5999 В, который предусматривает поставки инструментов пыток и запасных частей к ним странам, обозначенным таинственными буквами QS-TVWVZ. Но особых тайн тут нет.

Пакистанские, чилийские, южноафриканские, сальвадорские, гаитянские головорезы тайком и в открытую учатся у американских военных советников — как в собственной стране, так и на американской земле. Учатся друг у друга. Гаитянские военные, например, проходят стажировку в Чили. Чилийские — в ЮАР. «Южноафриканский метод» — говорят чилийцы, когда находят трупы своих соотечественников с перерезанной сонной артерией. Полезный опыт... Чили закупает у ЮАР пушки, ракеты. А теперь ЮАР собирается приобрести у Пиночета каскетные бомбы... В общем, мир да любовь. С американского благословения.

«В то время, как администрация Рейгана активно критикует те страны, которые входят в число ее «противников», она вновь и вновь публично выступает с защитой «дружественных» ей правительств, которые попирают права человека», — говорится в докладе общественных организаций США «Америкэнс уотч», «Хельсинки уотч» и Комитета юристов за международные права человека.

В худшем случае — если дружественные режимы оказываются на грани краха — их стараются заменить, как в Гаити. На других, тоже «своих», диктаторов. Так сказать, «сменные дружественные режимы». Положение с правами человека от этого, впрочем, не меняется, не становится благообразнее и политика самой Америки.

Скажи мне, кто твой друг... Старая, но не стареющая мудрость.

РОМАН

Кабинет у Валеры Данилевского был небольшой, но все-таки это был кабинет со всеми присущими ему аксессуарами: сейфом, телевизором, столом для совещаний, оперативной картой города, закрытой шторами, и, конечно, кофеваркой. Городское управление внутренних дел уже несколько лет жило в новом удобном доме, построенном специально для него.

— Ты что, не выспался? — внимательно посмотрел на Олега Данилевский.

— С чего ты взял?

— Я все же сварю кофе.

— Это, конечно, хорошо, но как с моим делом?

Валера взглянул на часы и ответил:

— Через десять минут.

Зазвонел телефон.

— Данилевский. Так... Интересно... Спасибо, я позвоню.

Валера положил трубку и хитро посмотрел на Наумова.

— У нас, Олежечка, город маленький, все новости становятся известны стремительно.

— Ты о чем? — не понял Наумов.

— О твоих ночных прогулках с Леной Анохиной.

Олег растерянно посмотрел на него.

— Не делай такого непонимающего лица. Нам все известно. Не буду мучить, звонила жена, о тебе навели справки.

— То есть?

— Ну не справки, а говорили, какой ты прекрасный. Учти, Леночка — барышня серьезная. Ей уже двадцать восемь. Танцует в ансамбле и заочно учится в ГИТИСе. Она тверда, и этот человек отведет тебя к алтарю. Да не красней ты, одобряю от души.

* Окончание первой части. Начало см. №№ 7, 8, 9, 1986 г.

— Разрешите, Валерий Григорьевич? — в комнату вошел незнакомый Олегу сотрудник.

— Это ему. Знакомьтесь, наш гость из Москвы майор Наумов, а это старший лейтенант Леус.

— Товарищ майор, наш бывший сотрудник работает в отделе кадров горсовета ДОСААФ, он вызвал Александра, и тот написал объяснительную. Действительно, он в интересующий вас день летал в Москву. Корешки билетов я приложил. Рейс 2107 отбывает из Таллина в 8.20.

— А когда убили Бурмина? — спросил Данилевский.

— Между шестью и семью.

— Мимо, — вздохнул Валера.

— А зачем он летал, известно? — спросил Наумов.

Последняя зыбкая ниточка лопнула.

— Жена с ним развелась. Запрещает видеть дочь. Его мать возила дочку в аэропорт на свидание с отцом. Я говорил по телефону с матерью, подтверждает. Кроме того, в аэропорт его подвозил шофер Карл Гаспл, показания его у меня.

— Ну, что ж, слава богу, что Александров оказался непричастным, — сказал Олег.

— Ты рад этому? — усмехнулся Данилевский.

— Да, — твердо ответил Олег.

— Что теперь?

— Хочу увидеть Александра.

— Он будет на работе после шестнадцати, — доложил Леус.

— Ты пока иди поспи, — засмеялся Валера, — а в шестнадцать у тира встретимся.

— А где тир?

— Да у вокзала, помнишь, мы там стреляли?

— Ты можешь меня разбудить в тринадцать?

— Могу. Свидание?

Наумов радостно кивнул головой.

Уже в дверях Олег спросил Леуса:

— Как себя ведет Александров?

— Хорошо. Заведует тиром. Неделю назад начал тренироваться, будет выступать за сборную города.

— Ничего за ним не замечали?

— В конце мая, а точнее 29 мая, избил в тире гражданина Захарко, прилетевшего из Москвы.

— Наказали?

— Нет. Пострадавший скрылся с места происшествия.

— Понятно. Как говорят наши клиенты — нет вещей, нет кражи. Валера, закажи мне билет на вечерний рейс.

— Быстро ты.

— Дела.

А потом были два часа, не связанные со службой. Они с Леной пили кофе и обедали в «Монди баре». Сидели в душноватой темноте. Горели на столиках крохотные светильники. Шкуры на стенах ассоциировались с охотничьими забавами, неслышно сновал официант. И им казалось, что они плывут через время. Не было вчера, есть только сегодня, и должно быть завтра.

Потом Лена проводила его к тиру.

— Приедешь в аэропорт? — спросил Олег.

— Конечно. А ты?

Через три дня она возвращалась в Москву.

— А я там ждать буду.

— Ну иди.

— Пошел.

В тире слышались негромкие хлопки пневматического ружья. Стреляли Леус и Валера.

— А вот и наш друг, — сказал Данилевский, — знакомьтесь — Юрий Гаврилович.

Олег осмотрелся. Обычный тир, каких много. На стенах плакаты добровольного общества, мишени с облупленной краской, вытертый локтями прилавок.

Только хозяин был здесь необычный. Высокий, лицо словно из камня вырублено, на кожаной куртке знак «Заслуженный мастер спорта».

— Я майор милиции Наумов. Юрий Гаврилович, зачем у вас был Захарко?

Александров повертел в руках духовое ружье, положил на прилавок.

— Мне скрывать нечего.

Говорил он как-то странно, словно зубов не разжимал.

— Он пришел, издевался надо мной, предлагал всякие мерзости.

— Какие именно?

— Цех здесь какой-то организовать. Ну я и ударил. А что, он подал на меня в суд?

— Нет. Вы знали Бурмина?

— Нет. Фамилию где-то встречал. Кажется, в газете.

— Захарко ее вам не называл?

Александров посмотрел на Наумова, потом переложил ружье на край прилавка.

— Нет. Он вообще здесь разговаривал мало.

Олег поверил, принимая во внимание руку Александра. Видимо, ладонь, сжатая в кулак, была ничуть не меньше боксерской перчатки.

— Значит, вы не согласились с предложениями Захарко?

— Вопрос чисто риторический. Последствия встречи являются ответом на него. Я вам так скажу, майор. Я где-то даже рад, что все так случилось. Прежний Александров остался в зале суда. А в Таллин приехал иной. Конечно, смешно говорить, но все происшедшее провело четкую грань. По ту сторону осталось все ненужное, наносное, а здесь я начинаю жить по-новой. Только дочку жалко.

Олег не успел ответить, в тир вошел человек лет шестидесяти, седой, поджарый, с сухим, аскетическим лицом.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он и положил на стойку два рубля.

Александров отсчитал пули.

Человек раскрыл портфель, вынул пневматический пистолет из тех, что когда-то давно продавались в спортивных магазинах. Зарядил.

Стрелял он не целясь. Просто быстро вскидывал руку и нажимал на спуск. Тукали выстрелы, с жестяным звоном падали мишени. Потом он сбил шарик, пляшущий в струе воды, потом разбил висящие спички.

Олег с интересом смотрел на этого человека. Как только он поднял оружие, лицо его помолодело, а глаза стали острыми, как кинжал, но вместе с тем в них жило странное ощущение отрешенности

от сегодняшнего дня. Словно они видели что-то доступное только им. Странное лицо было у этого человека, очень странное.

Наумов повернулся к Данилевскому, ему хотелось высказать восхищение умением стрелка, и увидел, как у Валеры сжались губы, глаза словно для стрельбы прищурились, резко обозначились скулы.

— А вы все стреляете, гражданин Хинт? — резко сказал он.

— Да, гражданин милиционер. Тем более что я член стрелкового общества имею право хранить дома пневматический пистолет.

— Я знаю. Не надоело стрелять-то?

— Нет.

— Вам уже за шестьдесят, а вы все тренируетесь.

— У меня был большой перерыв.

— Может быть, вы считаете, что суд был не прав?

— Во-первых, не суд, а трибунал. Во-вторых, я с вами не намерен обсуждать это.

— Я уж обещаю, что вам до смерти придется стрелять только в этом тире.

— Жизнь покажет.

Хинт вежливо поклонился и вышел.

— Гад, — зло посмотрел ему вслед Данилевский.

— Кто это? — удивленно спросил Наумов. Ему давно не пришлось слушать такой злой, недобрый разговор.

— Юулло Хинт. Бывший лесной брат. Отсидел свой четвертак, вернулся и тренируется.

— Националист?

— Да, бывший. Лесной бандит. К нему закон почему-то был весьма гуманным.

— А ты отсиди двадцать пять лет.

— По мне, они вообще жить не должны.

— Но это, Валера, не нам решать.

— А зря. Кстати, рейс твой через час.

Известие это ошеломило Наумова. Он же договорился с Леной.

— Не бледней. Она ждет у тира. Все условлено заранее.

Лицо Данилевского опять стало добрым и веселым.

— Пошли, — сказал он.

Валера довез их в аэропорт и уехал, сказав на прощание:

— Тебя встретит Сытин.

Они остались вдвоем. Таяло время. Вот и посадку объявили. Лена поцеловала его и сказала:

— Жди.

И Олег пошел к самолету. Потом, уже в воздухе, он вспоминал ее слова: «Я не знаю, как это случилось, но я не мыслю больше своей жизни без тебя». Вспоминая ее слова, лицо, губы, Наумов все же чувствовал, что нечто злое и тревожное мешает ему, накачивается, заслоняя воспоминания о Лене. И опять он вспомнил лицо Хинта, и его твердую руку с пистолетом, и падающие мишени.

Да, так стрелять может только человек жестокий и хладнокровный. Человек, привыкший убивать.

И странная догадка начала зреть в нем. На даче он не нашел ни одного листочка, связанного с работой Бурмина о войне. И в повести не было конца, то есть главного. Он не знал и не видел войны. Он читал о ней, слушал рассказы людей воевавших, смотрел фильмы. Но она все равно постоянно была с ним. Потому что он отчетливо понимал, как беспощадно в памяти ломается время. А он жил в стране, где память о войне не просто история, она пронизана болью многих. А следовательно, и его болью. И, думая об этом, он вспоминал лицо единственного врага, которого видел близко. Хинт живет в Эстонии. Но, может быть, в Москве есть свой Хинт, пока не разоблаченный и боящийся людского суда. Суда памяти. Теперь Олег был точно уверен, что Бурмин, с его железной хваткой, с его блестящим умом и талантом, вышел именно на такого человека. Отсюда и точный, хладнокровный выстрел. И профессиональное наблюдение за домом. Четкое знание распорядка и привычек жертвы.

Значит, он пока шел по ложному следу. Давая врагу собраться, подготовиться, уничтожить улики и свидетелей. Олег даже застонал от этих черных мыслей.

— Что? Зубы? — заинтересованно спросил сосед.

— Нет, приснилось что-то.

— Бывает.

Но ничего, он пока потерял только пять дней. Только пять или уже пять. Это покажет время. Полный еще не сформировавшихся догадок и путаных версий, он спустился по трапу, автоматически пожал руку Лене, кивнул шоферу. Сел в машину и сразу же поднял телефонную трубку, набрал номер Горелова.

— Виктор, это Олег.

— Привет, старина. Ты уезжал, мне сказали. Есть новости?

— Виктор, дома в Москве у Бурмина хранились бумаги.

— Наверняка. А что случилось?

— Жди моего звонка.

Олег достал записную книжку, набрал номер Аллы. Телефон долго не отвечал, потом послышалось:

— Алло?

— Добрый день, это майор Наумов, — Олег старался по возможности обращаться к ней безличнно.

— Слушаю, — голос женщины был недоволен, в нем проскальзывали нервные нотки.

— У вас дома были какие-либо бумаги покойного мужа?

— Да. Но сразу после моего приезда мне позвонили из Союза писателей и я их отдала.

— Кому?

— Не знаю. Сергей вынес их на лестницу, а кто-то взял.

Ну до чего же равнодушная ко всему, кроме собственного благополучия баба? Прямо ископаемое какое-то.

— Как представился этот человек?

— Из комиссии по наследству.

— Сергей Митрофанович видел его?

— А вы у него спросите.

Через несколько минут в трубке послышалось короткое:

— Да.

— Это майор Наумов.

— Я понял. Дело в том, что тогда я был не одет, приоткрыл дверь, выставил на площадку сумки с бумагами. Правда, хотел в глазок посмотреть, кто возьмет. Любопытство, знаете ли. А он глазок ладонью закрыл.

— Все? В какое время приезжал этот человек?

— Да где-то около трех.

— Спасибо.

И снова он набрал номер Горелова.

— Виктор, как мне найти людей из комиссии по литнаследству Бурмина?

— Комиссии еще нет. Но в секретариате сказали, что председателем буду я.

Олег пересказал Горелову разговор с Аллой.

— Этого не может быть!

— Точно?

— Точно.

— Спускайся к подъезду, я сейчас буду.

— В чем дело, товарищ майор, ну скажите же мне,— взмолился Леня Сытин.

— Ты сейчас поедешь к вдове Бурмина, облазишь весь район. Выяснишь, кто видел человека с двумя сумками выходящим из подъезда около пятнадцати часов.

— Одному трудно.

— Я позвоню Никитину, тебе дадут людей.

Горелов встретил его под аркой. Он посмотрел на взволнованное лицо Олега и спросил:

— Что случилось-то?

— Виктор, ты знаешь, куда ездил Игорь в последнее время?

— Ты имеешь в виду его статьи?

— Нет, работу над повестью.

Горелов с интересом посмотрел на Олега.

— В Гродно, Петропавловск.

— На Камчатке?

— Нет, Северо-Казахстанский.

— Зачем?

— Он не говорил. Игорь прислал мне короткое письмо, в котором писал...

— Где оно?

— Дома. Принести?

— Да.

— А подняться ты не хочешь?

— Не знаю.

— Ты чего, Олег, бледный какой-то, трясешься? Пошли.

И снова Наумов сидел в той же гостиной, смотрел на картины и не видел их.

— Вот письмо,— вошел Горелов.— Оно очень короткое.

Олег взял конверт. Почтовый штемпель Петропавловска.

«Витя, дружище! Решил черкнуть тебе пару слов. Работу над повестью, считай, закончил. Правда, переписать ее, видимо, придется полностью. Вернее, написать второй слой. Само расследование. Мне ужасно думать, что есть люди, чья подлость безгранична, а духовное падение страшно. Особенно страшно, что они живут среди нас. Вот написал тебе немного о работе, теперь о твоей новой книге...»

Дальше шел разбор последней книги Горелова.

— Мы, когда еще начали писать, договорились,— сказал он,— что каждую статью и книгу будем разбирать. Вот так много лет и переписываемся.

И вдруг странная по простоте догадка пришла в голову Наумову. Как же раньше-то он не догадался?

— Виктор, а кто печатал Игорю?

— Вера Федоровна, чуждая машинистка.

— Мне ее надо срочно увидеть.

— Сейчас позвоню,— с некоторым недоумением сказал Горелов.

И, набирая номер, он искоса поглядывал на Олега, словно стараясь убедиться, что с ним все в порядке.

Сколько секунд набирается семизначный телефонный номер? Шесть, семь, десять. А они Наумову показались вечностью, потому что стояло перед глазами лицо Хинта. Его глаза, живущие в прошлом. Наумов не знал, кто его враг, и он пытался отогнать от себя это навязчивое воспоминание. Не Хинт же убил Бурмина. Но именно этот человек, которого Олег всего полчаса видел в таллинском тире, олицетворял собой врага. И прошлое, знакомое по книгам, стало уже живой реальностью. Многие для него стало понятнее и острее.

И в этот день он, родившийся в послевоенные годы, понял, что война не кусок истории, а реально существующая угроза. И принимает она разные облики и формы, эта угроза. Заново за эти несколько часов многое понял Олег Наумов. И снова он стал пограничником. Только не было на его границе контрольно-следовой полосы, а проходила она через сердца людей, которых он обязан был охранять.

— Вера Федоровна! — сказал Горелов.— Добрый вечер. Да... Я... Привез вам эту мазилку белую... Да что вы... Вера Федоровна, с вами мой друг поговорить хочет... Нет, ему печатать не надо. Он майор милиции и занимается поисками убийцы Игоря... Да... Да... Нет, немедленно... Спасибо... Спасибо... Мы скоро будем.

Горелов положил трубку, внимательно посмотрел на Олега. Что-то уж сильно изменился этот весьма симпатичный ему парень.

— Слушай,— ахнул Горелов,— ты влюбился.

— А разве видно? — смущенно спросил Олег.

— И еще как.

— Вот что значит инженер человеческих душ.

— Это ты хватил. Инженеры Горький, Шолохов, Леонов, а я так, сантехник. Но тем не менее кто она?

— Я тебе потом расскажу, ладно?

— Ладно. Поехали.

Когда они садились в машину Горелова, Олег вдруг остановился.

- Ты чего? — спросил Горелов.
- Давай заедем на минутку в управление.
- Очень нужно?
- Очень.

Олег поднимался по ступенькам коридора, больше всего боясь, что его кто-нибудь задержит. И точно. В глубине коридора он увидел заместителя начальника главка, он шел в его сторону.

Муторно стало на душе у Наумова. Он уже представил себе предстоящий разговор, который ничего приятного ему не сулил.

Но генерал прошел мимо, глядя прямо перед собой, не замечая никого. Впрочем, так он ходил всегда, но сегодня что-то не то было в его походке. Какая-то неуверенность, несвойственная ему раньше.

Он прошел мимо Наумова, не повернув головы в его сторону. Но Олег, не зная, что видит этого человека в коридорах управления последний раз, подумал, что ему здорово повезло.

Он открыл комнату. Все сияло необыкновенной чистотой. Даже старый бронзовый чернильный прибор, переходящий из поколения в поколение, сиял отдраенной медью.

Наумов сразу почувствовал твердую руку Бориса Прохорова. Когда-то, до МГУ, он окончил мореходное училище, с тех пор у него на всю жизнь укоренилась привычка к флотскому порядку.

Олег открыл сейф, вынул папку с рукописью Бурмина. Взял из нее свои заметки, начал запираить сейф и замер. За его спиной внезапно забили часы. Тонко и радостно. Комнату наполнил серебристый звон, напоминающий какую-то музыкальную фразу.

Это действительно было чудом. Ожили напольные часы, исполненные в виде замковой башни. Ни один из старожилов уголовного розыска не помнил, когда это чудо работало. Часы, как и чернильный прибор, были также наследством героического прошлого. Действительно дивные дела творились во время его отсутствия, подумал Наумов. И у него сразу же улучшилось настроение.

Это заметил и Горелов, когда Олег сел в машину.

— Ты, некий милицейский Антей, тебе нельзя отрываться от родной почвы.

Наумов весело подмигнул ему, положил папку на заднее сиденье.

- Рукопись Игоря? — голос Горелова стал серьезным.
- Да.
- Дашь посмотреть?
- Чуть позже.

Машина выбралась на улицу Герцена, у магазина «Фрукты» Виктор лихо развернулся, и они очутились на бульварах. Промелькнул, похожий на генерала, в шинели, наброшенной на плечи, жизнеутверждающий Гоголь.

- Ты Андреевский памятник видел? — спросил Горелов.
- Не только видел, но и люблю его очень.

— Как точно скульптор передал духовный мир Гоголя. Я, когда иду гулять, обязательно захожу во дворик и смотрю на него, и у меня на душе спокойно становится, работать сразу хочется. Хорошо, что еще Пушкина не заменили.

— Мне нынешний Гоголь напоминает генерала.

— Еще бы, его же автор тем и прославился, что ваял бесконечные портреты военных. А там главное — ордена не перепутать.

Машина свернула на Метростроевскую и остановилась у большого старого здания.

— Присхали. — Горелов выключил зажигание. — Чудная женщина Вера Федоровна. Труженица. Она на своей машинке институт дочке выстукала, замуж ее выдала, теперь внука тянет.

У Веры Федоровны была какая-то странная квартира. Громадная прихожая, огромный коридор и две маленькие комнаты. И сама она, высокая, сухая, гладко причесанная, с папиросой во рту, была из далекого вчера. Ей только пенсне не хватало. Хозяйка пригласила их в комнату. На столе стояла пишущая машинка, огромное сооружение двадцатых годов.

Вера Федоровна поймала изумленный взгляд Наумова.

— Привыкла я к этому чудовищу. Конечно, грохот сильный, но работает прекрасно.

Все стены комнаты были увешаны фотографиями писателей с теплыми надписями.

Олег узнал многих. На некоторых рамках черные ленты. На портрете Бурмина ее не было.

— Никак не могу поверить, что Игоря нет. — Вера Федоровна внимательно посмотрела на фотографию. Потом она села, зажгла новую папиросу, затаилась глубоко.

— Я вас видела на похоронах, но не подумала, что вы из милиции.

— Почему?

— Непохожи. Чем я вам могу помочь?

Олег положил на стол папку.

— Вера Федоровна, вам знакома эта рукопись?

Женщина подвинула папку, раскрыла, взглянула мельком.

— Еще бы, — она выпустила плотный клуб дыма, — это повесть «Место встречи Гродно», я печатала ее.

— Посмотрите, пожалуйста, чего не хватает?

Вера Федоровна начала перелистывать страницы. В комнате повисло молчание, только шелестели листы. И Наумов ощутил тягучую замедленность времени.

Тикали часы, шумела за окном Метростроевская, шелестели страницы.

Наконец Вера Федоровна закрыла папку.

- Здесь нет последней главы.
- Вы печатали ее?
- Конечно.
- Припомните пожалуйста, что в ней было.

Вера Федоровна задумалась.

— Знаете,— сказала она, словно извиняясь возраста,— работа постоянно новая. Трудно вспомнить точно. Но одно могу сказать твердо. Игорь пришел ко мне очень возбужденный, принес то, что напечатал сам. Сказал, знаете, мол, Вера Федоровна, по-моему, я сделал главное дело своей жизни, нашел негодяя, предавшего разведчиков. Я очень удивилась. Игорь ничего не сказал. Он забрал у меня уже готовый конец повести, страниц сто. Дал пятнадцать страниц и сказал, что быстро напишет остальное.

— Вера Федоровна, вспомните, ради бога, что было в этих пятнадцати страницах.— Олег даже вскочил от волнения.— От этого зависит очень многое.

— Что было... Он приехал в Гродно, с каким-то стариком разговаривал... Нет, не припомню... Если бы знала... Впрочем...

Вера Федоровна встала, вышла в другую комнату. Вернулась очень быстро. Положила на стол вытертую кожаную папку.

— У меня глупая привычка, я откладываю бракованные страницы. Знаете, лента изнашивается, отпечаток не четкий.— Она копалась в папке. И снова потянулись минуты, похожие на вечность.

— Вот,— она протянула Наумову лист бумаги,— это из повести.

Наумов взял. На листе был напечатан всего один абзац. Буквы были словно смазаны:

«...и я опять посмотрел в окно. Вернее, какое это окно. Комната его — громадный круглый фонарь под самой крышей. Видимо, здесь когда-то находился зимний сад. И мне даже почувствовался неуловимо нежный запах цветов. Какой отсюда был когда-то обзор! Сейчас, правда, с двух сторон его прикрыли новые десятиэтажные дома, но все же я вижу зеленую деревню, сквозь них кусок улицы и угол дома, на котором горит буква «М», начало неоновой рекламы. Сейчас он войдет. И многое станет ясным. То есть практически все.

Неужели в этой комнате-фонаре я найду ответ?»

Дальше строчки обрывались.

— Этот дом в Гродно? — спросил Наумов, не веря в удачу.

— Конечно, это я помню четко. Хотите чаю или кофе? — Вера Федоровна встала.

— Нет, спасибо, мне пора.

Горелов тоже отказался.

Когда они подошли к машине, был десятый час.

Впервые Леня Сытин руководил группой. Ему дали в помощь двух оперативников, и они поехали на улицу Чаплыгина. Было решено опросить всех жильцов соседнего дома, чьи окна выходили на подъезд, в котором находилась квартира Бурмина, и всех его соседей.

Но сначала Леня зашел в квартиру. Алла открыла дверь, на лице ее было выражение полного смирения с неизбежным злом, которое, по ее разумению, представляли работники милиции.

— Теперь вы? — спросила она. — Но я уже говорила вашему майору, что не видела этого человека.

— А голос его запомнили?

— Мне только и дел, что голоса запоминать. Голос как голос. Мужской.

Они стояли в прихожей, Алла даже не предложила Сытину пройти в комнату.

— Опшите сумки, в которые были сложены бумаги.

И тут Леня, имевший уже кое-какой опыт в общении со свидетелями, был просто поражен точностью описания и обилием деталей.

Сумки оказались крупными, одна из синего материала «болонья», с красными витыми ручками, с буквами ОН. Правая сторона сумки была чуть надорвана и из нее торчали бумаги. Вторая сумка темно-коричневая, простеганная, из кожзаменителя финского производства. Одна из ручек лопнула и скреплена белым проводом.

Когда Леня пошел к двери, Алла спросила:

— Это все или можно ожидать нового визита?

— Ждите, — зло ответил Сытин, — нам понравилось ваше гостеприимство.

И началось. Дверь. Звонок. Здравствуйте, я из милиции. Спасибо. Извините. И снова дверь...

Он обошел все квартиры, везде получал однозначный ответ:

Нет. Не видели.

Когда он вышел на улицу, из окна третьего этажа его позвал женский голос.

— Товарищ из милиции!

Он поднял голову. Женщина махала ему рукой. Леня поднялся на третий этаж, толкнул открытую дверь. В коридоре стоял молодой мужчина с заспанным лицом, но в форме прапорщика. Судя по кантам, служил он во внутренних войсках.

— Документ пожалуйста.

Леня раскрыл удостоверение.

— Моя фамилия Аникеев, служу в пожарном подразделении. Мама меня не хотела будить, отдыхая после дежурства. Я видел человека с сумками.

— Товарищ Аникеев, вы можете описать его?

— Конечно. Он спускался по лестнице, а я у лифта стоял. Я еще удивился, в нашем доме спускался и всегда поднимался без лифта только Игорь Александрович Бурмин. Он мне говорил, что это необходимо при сидячей работе.

Леня не перебивал собеседника. Когда-то Наумов объяснил ему методы общения со свидетелем.

— Пусть выговорится, — говорил майор, — пусть говорит много и долго. Только умей слушать. Ищи в каждом слове, в каждой фразе нужное тебе.

И Леня слушал. Молча, внимательно, заинтересованно.

— А человека я этого видел. Удивился, что он с двумя сумками пешком идет. Тем более что кто-то вниз отправил пустой лифт. Я входил в кабину, а он еще спускался, точно рост определить не могу, смотрел на него снизу. Кепка светлая, пижонская, маленькая, на лоб надвинута, очки темные в пол-лица, усики.

— А в чем он был одет?

— Брюки песочные, желтые ботинки, пиджак чуть темнее брюк,

гладкий темно-коричневый галстук. А на руках, что меня и поразило, перчатки автомобильные в дырочку.

— Товарищ Аникеев,— Леня написал телефон,— позвоните мне завтра, с вашим начальством мы согласуем.

— На фотороботе работать? — догадался прапорщик внутренних войск.

— Да. Спасибо.

Леня спустился вниз. Оба оперативника стояли у машины.

— Как у вас, ребята?

— Есть один свидетель,— ответил Петя Грунин.— Он видел человека в чем-то светлом, в темных очках, нес сумки.

— Куда делся?

— В проходной двор вошел. Я маршрут отработал. Глухо.

— Свидетеля пригласил в управление?

А дома Олега Наумова ждали. Он понял это, когда, попрощавшись с Виктором, вышел из машины и увидел свет в окнах квартиры. Давно этого не было. И стало ему тепло и радостно.

Ах, как его встретил Кузя! Он прыгал, повизгивал, а палочка-хвостик крутился, словно пропеллер.

Борис Прохоров стоял и улыбался радостно, добро. Нет, хорошо, конечно, когда тебя ждут.

Борис приготовил ужин. И, только посмотрев на стол, Олег понял, как проголодался. Чего только не было на этом столе. Помидоры, нарезанные пополам и усыпанные луком, баночная ветчина, розовая, со слезой, картошка печеная, еще теплая, желтый брусок масла, зеленые в пупырышках огурцы, красная редиска.

Они сели за стол, и Олег начал есть и остановился, только нанеся значительный урон этому необыкновенному гастрономическому счастью.

Потом они пили крепкий, ароматный чай. Даже пирожные Прохоров купил. Не забыл ничего.

А потом они закурили.

— Конечно, глядя на ночь, о делах не говорят,— Борис ткнул сигарету в пепельницу,— но, если хочешь, послушай одну любопытную запись.

Прохоров достал кассету.

— Что это, Боря?

— Моя беседа с гражданином Плужниковым-Захарко.

Прохоров вставил кассету в магнитофон, нажал клавишу. Комнату наполнил резкий злой голос.

«Нет... Вы мне это не примеряйте. Ишь ты, хотите убийство повесить или соучастие... У меня своей головной боли хватает... Да, я пытался дать ему деньги... Много... Тридцать тысяч... Послал он меня... Ну, я думаю, раз ты такой бескорыстный, то я тебя на другом поймаю. В Сухуми ему ребята сунули в чемодан деньги. А он битый оказался. Он чемодан-то опечатывал. Своим методом. Чуть клея и нитка. Эти идиоты не заметили. А Бурмин усек и в милицию... Потом мы его с Низичем в «Софии» застукали, наняли ханыг, проучить. А он крепкий мужик был. Не вышло... Да что вы мне говорите, знал я, что он под меня копает... Как откуда?... От его жены... Мы с ней в одной компании крутились... В какой?... В хорошей, веселой, денежной... Я по-другому с ним рассчитался. Его

Аллочку с Сережей Прониным свел. Вот тут он закрутился... Все дела забросил... Переживал... Что же, я не злопамятный... Рассчитался с ним... А убивать!.. Не мой это жанр... Я его иначе убил бы... Он за мной, а я за ним. Ничего, нашел бы на чем взять... В таком деле мужику баба нужна красивая и добрая. Я ему такую бы и подставил... Но не судьба. Кто-то его грохнул... Не судьба...»

Прохоров нажал кнопку. Магнитофон замолк. А в ушах Олега еще звучал злой голос Плужникова. Казалось, что он доносится с улицы из открытого окна.

— Сволочь, — Олег, не сдержавшись, выругался.

— Да, редкий негодяй, — согласился Борис.

— Ты даже не можешь представить, что он сделал. За это нет статьи, но он не только разрушил личную жизнь Бурмина, не только лишил его покоя, он не дал ему довести до конца важное дело. Возможно, если бы Бурмин успел закончить последнюю работу, он бы остался жить.

— Не понял? — удивился Борис.

— Боря, это выстрел из прошлого.

— Ты что несешь?

— Да, это выстрел из сорок третьего.

— Не верю. Это слишком напоминает литературу.

— Не забывай, что литература пишется с жизни. Знаешь, я прочел у Стендаля: роман — это зеркало, лежащее у дороги.

— Олег, я очень ценю тебя как оперативника, но мне кажется, ты слишком ударился в филологию.

— Нет, Боря, — устало ответил Наумов, — к сожалению, это факт. К сожалению.

— Тогда рассказывай.

— Можно одно лирическое отступление?

— Можно.

И Олег рассказал о Хинте, о его глазах и лице, о пистолете в его руке, о падающих мишенях.

Борис слушал, не перебивая, курил сигарету. Олег говорил, стараясь, чтобы исчезло ироническое недоверие Прохорова. Но чем больше, чем убедительнее, как ему казалось, строил он свой рассказ, тем меньше, а Олег это видел, вызывал он доверие Прохорова.

— Подожди, Олег. Чтение рукописи Бурмина несколько изменило твоё отношение к делу, — Борис встал, зашагал по комнате.

— Пойми, — продолжал он, — то, что ты рассказал мне сейчас, предмет литературы, а мы работаем в уголовном розыске. Давай факты.

— Черт с тобой, сухарь, получай факты. Первое: некто убивает Бурмина из пистолета Намбу с глушителем. Пистолет выпущен в период с 1968 по 1985 год.

— Не на все запросы получены ответы, — сказал как обрубил Прохоров. — Потом, ты же знаешь, это оружие может быть сборным. Ствол от Намбу, а остальное самоделка.

— Возможно, — Олег начал злиться. — Возможно. Второе. Преступник не взял ценностей, а копался в архиве. Более того, исчезли материалы, связанные с войной, а конкретно — с последней повестью о загадочной гибели разведгруппы.

— Ты что же думаешь, этим не занимались после освобождения Гродно?

— Конечно, занимались. Но была война. В тылу вражеская агентура, бандитизм. Возможно, не хватило времени.

— Ты ставишь под сомнение первоначальное следствие?

— Нет, я просто не знаком с ним. Но я знаю другое. Некто убил, забрал документы, потом позвонил вдове Бурмина и забрал бумаги, хранящиеся на квартире.

— Я этого не знал.

— Что с тобой случилось, Боря? Ты же был прекрасным работником. А теперь ты четко выполняешь порученное тебе задание, и все. Само дело, весь его объем тебя не интересуют. Боря, очнись. Нельзя же всю жизнь жить обидой. Нянить ее в себе. Милый Боря, память — удивительное устройство, она стирает все, что хочешь забыть. Помни это.

Прохоров молча взял сигарету, закурил.

— Слушай меня дальше, Боря. Сегодня я нашел у машинистки вот этот кусок рукописи. Читай.

Олег протянул Прохорову отрывок.

Борис читал долго, медленно. Заканчивал и вновь перечитывал.

— Ты кого-нибудь конкретно подозреваешь?

— Пока нет. Поездка в Гродно должна все решить.

Борис сел к столу и сказал задумчиво:

— Видишь, и мы прикоснулись к настоящей войне. Однажды я был под Белгородом в колонии для несовершеннолетних, там, в маленьком городе, чекисты через много лет нашли карателя. Я видел его. Такой тихий, благодатный старичок. А мне казалось, что у него руки в крови. Как низко может упасть человек. Помнишь книгу «Бездна»?

— Помню.

— Я сначала, откровенно скажу, не понял, почему писатель так ее назвал. А посмотрел на этого гада, и до меня дошел смысл заголовка. Бездна бездонна. Поэтому падение бесконечно.

— Боря, если мы поднимем это дело, то я, как и Бурмин, смогу сказать, что сделал главное в жизни.

— Почему только ты? А я, Леня Сытин?

— Извини, я не точен в формулировке.

— Олег, возьми меня в Гродно. Я очень тебя прошу. Во-первых, я помогу тебе, а во-вторых, мне это нужно. Просто необходимо.

Наумов внимательно посмотрел на Бориса и понял, что ему действительно необходимо лететь в Гродно. Возможно, эта поездка позволит ему сбросить скорлупу обиды.

— Ой, Боря, нелегко это будет, но я старика уломаю.

— Кого ты имеешь в виду? — хитро усмехнулся Прохоров.

— Никитина.

— Я говорю не о человеке, а о должности.

— Ты совсем чокнулся за эти дни. Начальника уголовного розыска.

— Вот что значит отрываться от родного коллектива. Нет больше начальника Управления уголовного розыска полковника Никитина. Есть заместитель начальника Главка полковник Никитин.

— А генерал...

Прохоров не дал договорить.

— Его сняли.

И тогда Олег опять вспомнил встречу с генералом в коридоре управления.

— А ты, Боря, обижаешься. Видишь, все стало на место. Зазвонил телефон.

— Да.— Олег поднял трубку.

— Это я, товарищ майор,— услышал он голос Сытина.

— Ты где?

— Рядом с вашим домом.

— Поднимайся.

Видимо, Леня звонил из автомата на углу улицы Остужева. Появился он через пять минут. Кузя бросился к дверям и затаивал.

— Я же говорил вам, Олег Сергеевич, возьмите собачку. Не жалуете?

— Нет, Леня. Проходи.

Леня вошел в комнату, увидел стол и спросил смущенно:

— Можно?

— Давай.

Когда Прохоров налил ему чай, Сытин, облегченно вздохнув, сказал:

— Нашли мы свидетелей, которые этого человека видели.

— Что говорят?

— Приметы те же. Кепка, очки в пол-лица, усики.

— Завтра вызывай эту женщину...

— Которая молоко разносит?

— Да, и двоих с улицы Чаплыгина. Попробуйте сделать фоторобот.

— А вы?

— Я, наверное, улечу в Гродно. Рапорт готов?

— Будет утром.

— Смотри, мне он нужен, чтобы к приходу руководства написать все по делу.

Леня ушел. Борис Прохоров вывел Кузю на вечернюю прогулку. Олег остался один. Привычные вещи окружали его, из окна он видел гаснущие глаза окон. Город уходил в ночь. Она плыла по улицам, раскачивая тени, недовольно отступая от света фонарей. Несколько часов ночь будет хозяйкой в Москве. Кофе и крепкий чай на некоторое время обманули усталость. И Олегу не хотелось спать. Он вспомнил пожилого человека, гуляющего ночью по скверу, стараясь обмануть бессонницу. Неужели и он когда-нибудь станет таким? Но молодая сила гнала мысли о старости. Жизнь еще казалась бесконечно длинной. Не обмануло же его ожидание счастья. Пришло оно, кстати, тоже ночью. И он опять увидел деревянные дома окраинной улочки Таллина, представил лицо Лены.

Через три дня она будет с ним. И жизнь станет наполненной теплом и счастьем.

Олег не стал ждать Бориса. Все-таки усталость, несмотря ни на что, взяла свое.

Плыла над городом ночь. И ни он, ни Прохоров, ни Леня Сытин еще не понимали, что нынешний день сместил временные пласты. Перемешал их, словно карты. И к порогу их дома придвинулась история. Обнаженный кусок войны. Вступив в поединки с прошлым, они стали в один ряд с теми, кто дрался и умирал в ту войну. И мир, пришедший сорок лет назад, теперь охраняли те, кто родился в пятидесятых. Напрасно кое-кто пытается провести искусственную линию, разделяющую поколения. Все правильно, молодые живут иначе, по-своему каждое поколение осмысливает жизнь. Но есть

главное, в чем схожи все люди, живущие в этом ночном городе, — чувство своего долга перед настоящим и будущим. А оно не мыслимо без опыта прошлого.

Спал Олег Наумов, спали его друзья, еще не зная, что они стали в ряды солдат войны, потому что завершали то, что начали их отцы. Теперь они носили оружие, защищая и молодых, и старых.

Рапорт Олег написал ровно к девяти. Потом переоделся в милицескую форму. Ему, как, впрочем, и большинству мужчин, она была к лицу. Вообще Олег считал, что именно эта одежда, как никакая другая, подчеркивает служебный рост человека. На его кителе пять колодок. Пять медалей: «За отличие в охране Государственной границы», «За отличную службу по охране общественного порядка», «За отвагу на пожаре», «50 лет Советской милиции», «За безупречную службу» III степени — были словно вехами его биографии и жизни. Первая медаль на красно-зеленой ленте получена еще на действительной службе, остальные за работу в милиции.

И знак «Отличник милиции», привинченный с правой стороны, рядом с институтским. Не простой белый, а желтый. Или как его называют в милиции — золотой. Им награждаются только за особые заслуги приказом министра внутренних дел.

Подтянуто-парадный поднялся Олег в приемную руководства. За столом секретаря сидела все та же Нина. Она посмотрела на Олега заинтересованно. Молодые женщины всегда смотрят так на холостых мужчин.

— Хорошо, что пришли. Владимир Петрович еще вчера просил вас найти.

— А чего меня искать? Я всегда с вами.

Нина нажала на кнопку селектора.

— Владимир Петрович, Наумов в приемной.

Искаженный динамиком голос Никитина был начальственно строг.

— Пусть войдет.

И Олег вошел. Ему приходилось бывать в этом кабинете и раньше. Не первый раз заходил он сюда. Наумов помнил, как здесь сидел человек, писавший... песни. По сей день поют его песни. А вот о работе в милиции воспоминания стерлись. В уголовном розыске, как и во всякой службе, связанной с постоянным риском, живут свои предания. Изустно, от поколения к поколению оперативников передаются легенды о начальнике МУРа комиссаре Парфентьеве, о его преемнике Волкове, о таких сыщиках, как Тыльнер и Осипов, о полковнике Скорине... Много людей оставили память в истории уголовного розыска. Но были и такие, которые просто служили. Честно, преданно.

Никитин пока не очень уверенно чувствовал себя в этом громадном кабинете. В углу на столе была сложена куча книг, выпелов и каких-то коробок и моделей, сувениров, полученных его предшественником.

Есть такой милый обычай — дарить на официальных встречах сувениры. Так появляются в кабинетах никелированные шахтерские лампы, специально исполненные каски строителей, пухлые цветные альбомы с видами городов и заводов. Эти ненужные вещи выливаются в большую копейку, а потом человек, получивший трехкилограммо-

вую никелированную шестерню из дорогого металла, не знает, куда ее деть. Выкинуть жалко, подарок, тем более с гравировкой, с именем, фамилией, должностью. Так и стоят эти знаки гостеприимства за стеклами шкафов в кабинетах.

Один только сувенир всегда стоял в кабинете полковника Никитина. Модель СУ-76, самоходно-артиллерийской установки, на которой младший лейтенант Никитин начал в сорок четвертом войну и закончил ее в сорок пятом. В Берлине после Победы сделал ему на память умелец точную копию самоходки, и увез ее домой Никитин вместе с подарком от командования — перламутровым аккордеоном.

Наумов очень удивился однажды, когда они с полковником раскрывали запутанное дело и ночевали в деревенском клубе, услышав, как его суровый шеф мастерски играет на аккордеоне. Инструмент стоял на столе в комнате, отведенной им для ночлега. Никитин взял его и заиграл мелодии, знакомые по радио и телепередачам. Но в его интерпретации они звучали душевнее и мягче.

— Товарищ полковник, майор Наумов...

— Вижу,— сказал Никитин,— вижу, что майор, и знаю, что Наумов. Садись. Строевой смотр в октябре, побереги силы для него. Докладывай.

Олег положил на стол рапорт.

Никитин взял бумагу, начал читать. Он не пользовался очками. Гордился этим, считая признаком молодости.

Он читал долго и внимательно. Некоторые места просматривал заново и подчеркивал красным карандашом. Потом он положил рапорт, достал сигарету, закурил.

— Уверен? — спросил полковник.

— Да.

— Тогда пошли к руководству.

Никитин поднял трубку одного из телефонов. Подождал ответа и по-военному четко доложил:

— Товарищ генерал, по вновь открывшимся обстоятельствам в деле убийства Бурмина прошу принять меня и майора Наумова... Есть... Идем.

Начальник Главного управления в генеральской рубашке, отутюженных брюках, в начищенных до зеркального блеска ботинках встретил их у входа в кабинет. Генерал умел носить форму и требовал от подчиненных такой же аккуратности.

— Когда вы в штатском, никто не знает, где вы работаете. Но неопрятность в форменной одежде позорит всю милицию сразу,— любил говорить он.

Поэтому начальник придирчиво оглядел Никитина и Наумова и остался, видимо, доволен.

— Чем порадуете? — спросил он.

— Товарищ генерал, я прошу вас ознакомиться с рапортом по делу.

Начальник взял рапорт, достал из кармана рубашки очки, начал читать.

Олег в памяти восстанавливал рапорт, стараясь найти слабо аргументированные места, но не мог. Видимо, это было авторское чувство.

— Вы, Наумов,— начальник снял очки,— никогда не пробовали писать?

— Никак нет, товарищ генерал.

— А жаль, у вас слог хороший, да и написано с некоторой долей публицистичности. Но тем не менее все ясно и аргументированно. Со дня убийства Бурмина прошло, кажется, пять дней?

— Так точно.

— Поработали вы неплохо. Значит, на версии своей настаиваете?

— Да, товарищ генерал.

— Хорошо. Летите в Гродно.

— Прошу разрешения взять с собой капитана Прохорова.

— Если считаете необходимым, берите.

Начальник нажал кнопку селектора.

— Сергеев, немедленно, слышите, немедленно оформить командировочное предписание и проездные документы майору Наумову и капитану Прохорову. Что?.. Да, я недоволен. Некоторые наши сопровождающие службы долго раскачиваются. Запомните, товарищ полковник, не уголовный розыск для хозу, а хозу для уголовного розыска. У меня все. Летите, Наумов. Не простое дело вы подняли. Слушайте, как интересно обозначена квартира в Гродно! Город небольшой, найдете. И помните, что приезд такого человека, как писатель Бурмин, не остался незамеченным. Он там наверняка и в обкоме партии был, и с ветеранами встречался, и с коллегами. Заразил меня, Наумов, этим делом. Прямо сейчас позвоню начальнику Гродненского УВД, благо знаю его лично. Все свободны. А вы, товарищ полковник, оставайтесь.

Наумов вышел из кабинета, несколько минут постоял в приемной, потом достал платок, вытер лицо. Секретарь начальника сочувственно посмотрела на него. Она искренне жалела всех, особенно молодых, кого генерал вызывал для не совсем приятной беседы.

В коридоре Наумова окликнул начальник политотдела.

— Майор Наумов!

— Слушаю, товарищ полковник.

Олег очень уважал этого невысокого, подвижного человека. Все управление ценило его за энергию, удивительное умение помочь в трудную минуту, за оперативные знания. Прежде чем стать политработником, полковник Шишканов много лет работал следователем в районе.

— Мне тут из Союза писателей звонили по делу Бурмина. Тебе не нужна помощь?

— Товарищ полковник, пока все идет по плану.

— Хорошо, если что, заходи, не стесняйся.

А Наумов и не постеснялся бы зайти. Для него начальник политотдела был не просто полковником, а старшим товарищем.

Они попрощались, и Олег понял, что дело теперь взято на особый контроль.

Прохоров ждал его в комнате. Он тоже был в форме, на стуле лежал кейс.

— Тут, знаешь, просто парад,— сказал он,— финансисты прямо сюда все документы принесли. Пошли деньги получать.

И началось то, что именуется обычно предотъездной суматохой. За час, сделав все дела, выяснили, что прямой самолет на Гродно ходит через день. Сегодня рейса не было. Решили лететь с пересадкой через Минск. Но тут вошел Леня Сытин и со свойственным молодости рационализмом подсчитал, что лучше ехать поездом, все равно приедешь раньше.

Предложение было принято с восторгом. Позвонили на Белорусский вокзал коллегам, те твердо обещали помочь. Только сели, закурили, как позвонил дежурный по управлению и потребовал Наумова к телефону. Олег взял трубку. Прислушался к далекому шороху.

— Наумов.

— Олег Сергеевич, это подполковник Масельский из Гродно. Мне поручили оказать вам помощь.

— Спасибо.

— У меня к вам вот какой вопрос: пока придет сообщение, не могли бы вы мне продиктовать приметы квартиры?

Олег по памяти пересказал абзац из повести Бурмина.

— Я думаю, к вашему приезду мы все уточним. Наши ребята отрабатывают контакты Бурмина. Жду, буду встречать. Вы, наверно, поездом?

— Да.

— Вот и хорошо. Встречу с новостями.

Вот что значит звонок начальника ГУВД. В Гродно сразу поняли — дело непростое, если генерал позвонил. А дело-то действительно непростое.

Леша подвез их к вокзалу, вынул из портфеля большой промасленный сверток.

— Это вам.

Судя по запаху, в бумагу было завернуто что-то очень вкусное.

— Берите, жена вам в дорогу пирожков напекла. Небось не догадались харч-то взять?.

Прохоров и Олег честно признались, что даже не подумали об этом.

— Я же говорю, жениться надо. За собаку свою, Олег Сергеевич, не беспокойтесь. Я к вечеру заеду покормлю, погуляю с ней. Потом утром.

— Ты мой добрый гений,— сказал Олег,— спасибо, дружище.

На перроне их ждал Олег Сальников, заместитель начальника отделения уголовного розыска.

— Ребята,— он протянул билеты,— купейных не было. Пришлось брать СВ, гоните по девять рублей, зато поедете с комфортом.

А они даже обрадовались этому. Действительно, СВ очень удобно, и никто мешать не будет.

И тронулся поезд. Удивительное это ощущение, когда мимо окон начинается плыть перрон. В дороге совсем новая жизнь, совершенно непохожая на ту, которую ты вел до отъезда. Некое отдохновение от дел и забот. До завтрашнего утра им некуда было спешить, не звенел телефон, и была полная гарантия, что никто из знакомых не потревожит тебя. Хорошо ездить поездом. Самолет стремителен. Ты выпиваешь чашку кофе в буфете аэропорта Внуково, а следующую — через час с небольшим в Таллине. В поезде же ты обращаешься привычками и бытом.

Они пили чай с пирожками — спасибо Лешиней жене. И говорили о вещах приятных и необязательных.

Ах ты, дорога, дорога. Тряска колесная. Плывут мимо окон одевающиеся темнотой деревья, дома одинокие проскакивают. Стемнело, и уютная лампа зажглась в купе.

И тут Олега словно прорвало: он рассказал Прохорову о той ночи в Таллине, о Лене, о своей тоске по ней, об ожидании встречи.

Борис слушал, не перебивая. Слушал и поражался искренности друга и радовался за него. Радовался и завидовал немного. Он был женат уже давно. Отношения в семье установились стабильные. Он любил свою жену, но, слушая Олега, вспоминал первые дни их знакомства, пытался пробудить в себе то всеобъемлющее и радостное чувство, которое владело сегодня Наумовым.

— Чайку еще не желаете? — кокетливо спросила молодая проводница.

— Давайте, — сказал Борис, — только покрепче.

Проводница принесла два стакана.

— Хорошо, когда милиция едет, не страшно.

— А кого вам бояться? — удивился Олег. — Только поклонников.

— Скажете тоже! До Указа, знаете, что творилось? Напьются и шастают по вагонам. Хулиганят, ругаются.

— Значит, помог Указ?

— Еще как!

— А помнишь, — Олег отхлебнул чай, — как у нас спорили по поводу Указа?

— Помню.

— По-моему, ты не верил?

— Ну, предположим, ошибался, но не в полную меру. Да, на улицах, в ресторанах и кафе стало меньше пьяных. Но пьянство ушло в квартиры. Нужен целый комплекс мер.

— Будет и комплекс. Люди станут больше читать, если будут такие писатели, как Горелов и Бурмин, в кино чаще станут ходить, в театр. А телевидение? Вспомни «Семнадцать мгновений весны» или «Рожденная революцией».

— Да, улицы вымирали.

— Вот это и есть ответ на твои сомнения. Все будет, Боря, только перестраиваться трудно. Инерция сильна.

— Слушай, Олег, скажи честно, ты думал, что убийца пришел за архивами Бурмина?

— Конечно.

— Я неправильно сформулировал вопрос.

— Ты имеешь в виду его последнюю работу?

— Да.

— Даже в мыслях этого не было.

— Когда же ты понял?

— Я уже говорил.

— Эстонский стрелок?

— Да.

— Знаешь, тебе надо самому писать начинать, уж очень у тебя ассоциативное мышление развито.

— Ты второй человек, который мне об этом говорит, — засмеялся Наумов.

— Вот видишь.

— Нет, Боря, я со всякой сволочью драться буду. А другие пусть пишут. Как хорошо-то, что мы поездом поехали.

Олег повернулся, припал к темному окну.

Потом они уснули. Сразу же. Крепко, без сновидений. А поезд уносил их к далекому утру.

Они попрощались с проводницей, пообещав отныне ездить только в Гродно и только с ней, и спрыгнули на перрон. Жарковато было в Гродно. Особенно когда на голове фуражка, да и китель тяжело-ват для такой погоды. Их встречали. Подполковник Масельский оказался их ровесником и попросил его называть просто Толя. Второй сотрудник был совсем молодым младшим лейтенантом, полным значительности порученного ему дела. Звали его Бронислав.

— Давайте, мужики, поедем позавтракаем,— сказал Толя,— а то я эти дороги знаю. Наголодались небось.

— Нет,— Наумов улыбнулся, вспомнив Лешин сверток,— у нас с собой было.

— Все равно позавтракать надо.

Они подъехали к новому зданию гостиницы в самом центре. Она была весьма удачно встроена в окружавшие ее старые, почти закрытые зеленью дома. Прошли через вестибюль, сели за стол в огромном пустом зале ресторана.

Стол был сервирован для стандартного завтрака.

— Толя,— Олег намазал хлеб маслом,— не тяни, ради бога. Видимо, Масельский понял, что творится в душе у гостя, и, улынувшись, сказал:

— Нашли.

Олег положил хлеб и на секунду закрыл глаза.

— Ты чего? Чего? — забеспокоился Масельский,— плохо тебе?

— Да нет, хорошо. Едем.

— Поешь сначала, а я расскажу о деле. После нашего разговора я в краеведческий музей позвонил, описал комнату. Мне сказали, что таких в городе три осталось. В детском саду номер четыре, в филиале краеведческого музея, а в третьей Стахурский живет, Казимир Францевич, наш местный историк-любитель. А Бронек,— подполковник кивнул в сторону молодого коллеги,— пошел прямо к нашему писателю Олеся Журбе. Оказывается, Бурмин у него был, он его тоже к Стахурскому водил. Вот и все.

— Стахурский в городе? — спросил Наумов тревожно.

— Ждет. Доедай, поедем.

И вот они в этой комнате. Круглой, словно фонарный отсек на башне маяка. Стен не было. Только стекло и, конечно, дома и деревья, которые шагнули прямо в комнату.

Наверное, здесь очень радостно жить, особенно в солнечный день. Мысли должны в этом стеклянном фонарике приходить добрые и веселые.

Ввиду того, что углов здесь не было, письменный стол стоял прямо посередине комнаты. Стол, диван да три кресла, старые, кожаные, уютные.

И хозяин был под стать комнате. Высокий, сухой, с кнрасирскими усами.

Он внимательно посмотрел на офицеров милиции, поздоровался, пригласил сесть.

— Я к вашей форме с послевоенных лет настороженно отношусь.

— Почему? — удивился Масельский.

— Вы человек молодой, не помните разгул бандитизма сразу после освобождения. Тогда ваша форма поневоле становилась сим-

Рисунки
Олега Вуколова

волом беды. Милиция приходила, когда случалось нечто непоправимое.

— Нет, Казимир Францевич,— возразил Наумов,— мы не символ беды. Мы просто идем за ней. Вот и сейчас случилось несчастье, и мы пришли.

— Несчастье,— задумался Стахурский.— Несчастье,— повторил он и начал разгребать на столе кучу бумаг, достал газету, согнул ее и протянул Наумову.

Олег посмотрел и увидел некролог Бурмина.

Мудрый был старик Казимир Стахурский, мудрый.

— Вы поэтому пришли?

— Вообще, да.

— А что значит трагически погиб? Формулировка-то весьма обтекаемая.

— Погиб, Казимир Францевич, это значит ушел из жизни. Вот мы по мере сил и пытаемся восстановить его последние дни.

— Понимаю.— Старик провел ладонью по усам.— Что мне вам сказать? Я врач. При немцах был в городе. Лечил людей, прятал в больнице раненых партизан, отправлял в отряд медикаменты. Горжусь, что Родина оценила мой малый вклад в войну. Наградили меня медалью «Партизану Великой Отечественной войны» I степени. Уйдя на покой, я начал писать летопись города. Я родился здесь, прожил всю жизнь. На моих глазах сменились три политические формации. Не подумайте, я пишу все это для себя. Игорь Александрович приходил ко мне узнать реалии времен оккупации.

— Что его интересовало? — Наумов начал нервничать. Пока в рассказе Стахурского не было ничего конкретного.

— Быт его интересовал. Как город жил, как работали магазины, больницы, что шло в кинотеатрах. Ну и, конечно, люди. Особенно те, кто к немцам пошел служить.

Молодец старик. Молодец! Это уже горячее.

— А он рассказывал о конкретной цели своего визита?

— Конечно. Его интересовала трагедия на Буковой улице.

— Вы что-нибудь знали о ней?

— Очень мало. Практически то же, что и остальные старожилы. Но я рассказал Игорю Александровичу о странной встрече, которая произошла за день до его приезда.

— Вы не могли бы повторить этот рассказ?

Стахурский оглядел комнату. Четыре офицера милиции расположились в ней. Видимо, не зря они пришли к нему. И ему очень захотелось помочь. Только он пока не знал, как. Ту встречу он не принял всерьез. Просто не обратил внимания на пьяный бред человека, в сердце которого, кроме злобы, не было никаких других чувств. Эту злобу, вернее злую зависть, не сгладило время. Оно оказалось бессильным, не стало лекарем.

Он не вызывал в Стахурском даже профессионального, врачебного сочувствия. Этот человек полной мерой заплатил за трусость, за способность подлаживаться к любым обстоятельствам. Пустой это был человек, с подлинкой.

Стахурский достал короткую трубку, набил ее крупно нарезанным табаком.

— Впервые вижу такой,— сказал Прохоров.

— Я выращиваю три сорта табака, перемешиваю их и курю. Если у вас есть трубка, могу предложить, но предупреждаю, смесь крепкая.

Он прикурил, выпустил тугой шар дыма.

— Человека того зовут Викентий Сичкарь. Он при поляках соседом моим был. Вернее, его отец. Мастерская по ремонту авто и мото. Варшавский патент.

— Почему варшавский? — спросил Олег.

— Так надежнее. Гродно было окраиной панской Польши. Поэтому магазины были краковские, пиво лодзинское, а у Сичкаря мастерская варшавская. Так и жили при тех порядках. Нищий

край, копеечная коммерция да жандармы польские. Так вот, у того Сичкаря сын Викентий был. Большой, знаете, оболтус. Из гимназии его выгнали за неуспеваемость, и он целыми днями на мотоциклах и машинах из папашиной мастерской гонял. А когда произошло воссоединение, он первым шофером такси в городе стал. Отец умер, мастерскую национализировали, а он работал. Перед самой войной попал ко мне в больницу с воспалением легких. Тяжелый случай оказался, но я его выходил. Так что война его на больничной койке застала, а там и фашисты пришли. Я его из виду потерял. Только в сорок втором является ко мне в больницу в форме вспомогательной полиции. Я не выдержал и сказал, что зря его вылечил. Он смутился и говорит: пан доктор, я в строительной фирме «Гильген» служу, а там порядок такой, все шоферы через полицию оформлены.

— Зачем он приходил?

— Смешно сказать, лекарства мне немецкие продавал. Тогда всякая сволочь спекулировала, воровала... Страшное время было.

— А потом?

— Потом,— Стахурский вновь разжег погасшую трубку,— потерял я его из виду. Говорили, что с немцами ушел, будто осудили его. Сгинул. А тут является. Пьяный, старый, раздрыганный какой-то.

— Зачем он приходил?

— Будете смеяться, просил у меня справку, будто он партизанам лекарства доставал. Представляет, решил примазаться к светлому делу. Я, конечно, отказал. Вот тут-то он и начал кричать, что, мол, одни по лагерям сидели, а другие чистенькие. Исповедовался спьяну. Но я ему сказал — иди к ксендзу, он грехи отпустит.

— Так что же он все-таки сказал, Казимир Францевич?

Уходил старик от точного ответа, не по умыслу, просто не на том сосредоточивал свое внимание. Олег понял, что пора вмешаться.

— Вспомните как можно точнее эту часть разговора.

— Вы знаете, и Игорь Александрович меня об этом просил. Прекрасный человек, интересный писатель...

Опять разговор начал плутать, как слепой в лесу.

— Что вам сказал Сичкарь? — резко, словно выстрелил, спросил Прохоров.

Масельский укоризненно посмотрел на него.

— Что? — напрягся Стахурский.— Он сказал, что знает человека, который работал на немцев, и будто у него есть знакомая женщина, отбывшая ссылку за пособничество. Она о нем говорила.

— Он, Сичкарь, назвал фамилию этого человека?

— Нет. Да я ему и не поверил бы. Пьяный он был, злой. В таком состоянии чего не наплетешь.

— Где сейчас живет Сичкарь?

— В Петропавловске, в Северном Казахстане. Работает там таксистом.

— Вы сказали об этом Бурмину?

— Да. Он прямо из Гродно полетел туда.

Вот и сложилась цепь. Славный старик Стахурский, врач-подпольщик.

— Спасибо вам, Казимир Францевич, мой коллега оформит сейчас некоторые формальности, что поделаешь, слово к делу не пришьешь.— Олег улыбнулся.

Он успокоился. Была цепь. Сложилась она. Прочно скрепились звенья. Первое — Стахурский, второе — Сичкарь, третье — женщина, четвертое — убийца.

Он закурил, отошел от стола. Сквозь деревья на углу дома просматривалась крупная буква «М».

— Толя, а что это за буква?

— Магазин «Мясо». Точно Бурмин написал. Наблюдательный был человек.

Эх, Бурмин, Бурмин! Ну, старику простительно. Восемьдесят человеку все-таки. Внимание рассеянное. Да и не поверил пьянице. А ты? Зачем полез один? Зачем? И вдруг он вспомнил еще один абзац из повести. «Нельзя оскорблять человека недоверием. Еще хуже оскорблять подозрением. Поэтому и приходится говорить с десятками людей, собирать по крупицам Истину».

Значит, Истина. Ей честно служил Бурмин. Ради ее торжества он не делился ни с кем своими подозрениями. Истина — единственная религия, которую он исповедовал, садясь за письменный стол. Только она могла вершить суд. И он нашел ее. Только кто-то узнал об этом. Но как? Значит, убийца из окружения Бурмина.

Потом они ушли. Попрошались со славным стариком, покинув эту странную комнату.

— Жаль, что уезжаете, — вздохнул Масельский, — поехали бы за город. Поговорили бы кое о чем.

Они ехали к аэропорту по дивно зеленым улицам Гродно. Тенистым и тихим. И жалели искренно, что так мало побыли здесь.

Но в Москве, возможно, жил убийца. Он пока еще ходил по улицам, возможно, работал, здоровался с соседями. А возможно, он готовил новое убийство, чтобы прервать цепь, с таким трудом сложенную Наумовым. И мысль эта не давала ему покоя.

Прощаясь у трапа, Олег сказал Масельскому:

— Толя, вы бы старика поберегли.

— Думаешь?..

— Да. В архиве Бурмина были адреса.

— Мы его сегодня же в Луно увезем.

— А что это?

— Районный центр.

— Прекрасно. Кстати, свяжись с Казахстаном и позвони нам, как там Сичкарь.

— Что-то ты, брат, разволновался?

— Нет, Толя, просто противник у нас опасный.

— Сделаю.

Они крепко пожали руки друг другу. Еще одна встреча, еще одна разлука. Но было нечто большее, чего не могли разрушить ни время, ни расстояния. Профессиональная солидарность людей. Даже незнакомых между собой.

И снова аэропорт. Машина. Дежурный старшина при входе в управление. Знакомый кабинет.

Олег только успел повесить китель в шкаф, как появился довольный Ленья Сытин и положил на стол фоторобот.

С глянцевого бумажки на Наумова глядело лицо в кепке, больших темных очках, с прямым носом, поджатыми губами, усами, чуть опущенными книзу, массивным подбородком. Нет. Никаких ассоциаций не вызывало у него это лицо, в муках рожденное в свидетельской памяти. Никаких.

— Хорош, ничего не скажешь! Никитину показывал?

Леня кивнул.

— Ну и что?

— Сказал — немедленно заклишировать. Чтобы по всему городу висел.

И Наумов понял задумку полковника. Это же был ход. Пусть несколько прямолинейный, но ход. Вполне возможно, что убийца увидит объявление о розыске. Начнет нервничать. А следовательно, совершит ошибку.

— Когда повесят фотографию?

— Обещают к завтрашнему утру.

— Я по дороге в дежурную часть заходил. Вот вам сообщение:

«Москва ГУВД Мособлисполкома

УУР Наумову.

Сичкарь работает в такси. ОУР ГОВД Петропавловска обещал поддержку. ОУРУВД Гродно Масельский».

— Боря, — Олег подошел к Прохорову, — возьми машину, слетай к Архипову, покажи это сооружение. А потом в прокуратуру, передай следователю материалы по Гродно.

Он протянул ему фотографию.

Олег посмотрел на календарь. До приезда Лены осталось два дня. Не успеет он вернуться из Казахстана, не успеет.

— Слушай, Боря, я завтра улечу. Сколько пробуду в Петропавловске, неизвестно, а через два дня Лена прилетит.

— Ты номер рейса знаешь?

— Она должна позвонить завтра.

— Вот и прекрасно, — обрадовался Прохоров, — я сегодня домой сметаюсь, а завтра опять у тебя на боевое дежурство.

— Спасибо.

— В данной ситуации такое положение устраивает обе стороны, — многозначительно провозгласил Прохоров и поехал на сорок второй километр, на дачу к генералу Архипову, а затем в прокуратуру.

Оставшись один, Олег вновь мысленно возвращался к разговору со Стахурским, потом взял его объяснение, перечитал. Жаль, что он, как и Бурмин, не расспросил старика подробнее о времени оккупации. Бурмину были нужны детали, а ему тем более. Например, что это за фирма «Гильген», почему там должны были работать только служащие полиции? Да и что это за организация — Русская вспомогательная полиция? Конечно, Олег знал слово «полицай». Оно, как каинова печать, стояло на всех тех, кто изменил Родине. Но он воспринимал это слово чисто эмоционально. А для разговора с Сичкарем необходимо знать организацию этой службы, требования, которые предъявили оккупационные власти к поступающим на работу, ее функции.

А зачем он ломится в открытую дверь? Живет же в Москве чудный человек Сергей Петрович Брозуль. Он же просил звонить, обещая любую помощь.

Олег полистал записи, нашел нужный телефон, он начинался с цифр 292 — значит, Сергей Петрович живет где-то рядом.

Цифр набрал номер. Мужской голос ответил сразу, словно ждал звонка.

— Да?

— Сергей Петрович?

— Да.

— Добрый вечер, вас майор милиции Наумов Олег Сергеевич беспокоит.

— Слушаю вас, Олег Сергеевич.

— Сергей Петрович, я хочу воспользоваться вашим любезным предложением и напроситься к вам в гости для консультации.

— Жду. Прекрасно, что зайдете именно сейчас, у меня два моих друга, вы их наблюдали на похоронах. Мой адрес — проезд Художественного театра, дом 2, квартира 7. Жду.

— Буду через пятнадцать минут.

Олег уже подошел к двери, как в спину зазвонил, словно выстрелил, телефон.

— Наумов.

— Олег, это Минаев.

Наумов узнал голос начальника уголовного розыска из Химок.

— Ты чего, Вася?

— Олег, тебе к нам приехать надо.

— Зачем, родной? У тебя день рождения?

— Да я не шучу. Сычев пришел.

— Валентин, что ли? Напой его чаем, Вася.

— Олег, дело очень серьезное. Ты знаешь, я бы не стал тебя беспокоить по пустякам. Он хочет говорить только с тобой.

Наумов посмотрел на часы. Вот же прыжки и гримасы жизни.

— Присылай машину через час пятнадцать к Центральному телеграфу.

— Будет.

Олег положил трубку, запер кабинет. Вот же странный до чего человек этот, Валька Сычев. Несколько лет назад Наумов брал его за разбойное нападение, работал с ним трудно, долго, но увидел главное: не все еще для парня потеряно.

А через года два получил из колонии письмо, в котором Сычев просил помочь его престарелой матери.

С письмом этим Олег пошел к начальнику политотдела. Полковник Шниппанов прочел, подумал и сказал:

— Надо помочь. Кто знает, возможно, и вернем его людям.

Полковник позвонил в райком партии, попросил принять Наумова.

Секретарь райкома — милая, совсем молодая женщина выслушала Олега и спросила:

— А вы кем Сычеву приходитесь?

— Я его арестовывал.

Она долго, внимательно смотрела на Олега, потом подняла трубку телефона, позвонила в горкомхоз, и вопрос был немедленно решен.

Прощаясь, она улыбнулась:

— Ко мне со всякими просьбами приходили, но с такой... Я думаю, что вы правильно сделали. Воспитание добротой — очень сильное средство. Теперь буду следить за судьбой этого человека.

А полтора года назад Валька Сычев утром дождался Олега у входа в управление.

— Все, начальник, старому крышка. Устраивай на работу.

Олег устроил. Сычев хорошо работал, не пил, женился. Звонил Олегу регулярно, рассказывал новости. И вот надо же.

Только подходя к дому Брозюля, Олег вспомнил, что забыл снять оружие. Тяжелая кобура покровительственно похлопывала его по боку. Замотался он и совсем забыл о пистолете. Но ничего, идет в дом к старому солдату.

Брозюль открыл ему дверь, улыбнулся гостеприимно.

— Проходите, Олег Сергеевич, проходите.

Был он в сером нарядном костюме, с наградными колодками на пиджаке. Он мельком, но понимающе глянул на китель Наумова. И, видимо, остался доволен. Разбирался старый солдат в государственных отличиях. Разбирался.

— А у меня друзья. Лунев и Субботин. Вы их на кладбище видели. У нас сегодня день несколько необычный. Сорок лет назад мы случайно встретились. Не поверите. В магазине, карточки совместно отоваривали. Оказалось, в одном районе живем. С тех пор, кроме официальных праздников, мы и нашу встречу отмечаем.

Они прошли в комнату. За столом с легкой закуской сидели Лунев и Субботин.

— Ну вот, новый гость в дом, новая радость.

— Садитесь с нами,— улыбнулся Субботин,— разделите трапезу скромную.

Спиртного на столе не было, и хозяин пояснил:

— Празднуем чаем. Возраст, свое отпито. Но если хотите?

— Не могу, служба,— развел руками Олег.

— Ну, сами решайте. Садитесь.

Олег сел, оглядел комнату. Нормальная хорошая мебель, две картины на стенах, ничего лишнего, броского, кричащего. Видимо, в семье Брозюля культа вещей не существовало.

— Так какое у вас ко мне дело? — спросил Сергей Петрович.

Олег рассказал.

— Так, хорошо, что нас здесь трое. Думаю, каждый внесет нечто свое в мой рассказ. Поясняю, что такое вспомогательная полиция.

Сразу было видно, что Брозюль был человеком военным. Объяснял он точно, без лишних деталей, даже друзьям его нечего было добавить.

— Теперь о филиале строительной фирмы «Гильген». Это по епархии Михаила Михайловича. Я думаю, он вам лучше объяснит.

— Вы слышали такое наименование «Зондерштаб-Р»? — пристально посмотрел на Олега Субботин.

— Нет.

— Правильно. Мало кто у нас знает об этой службе. Она и скрывалась под вывеской строительной фирмы «Гильген». А на самом деле — одно из подразделений абвера. Причем специальное, ориентированное на борьбу с подпольщиками и партизанами. У вас есть время?

— Вот с этим плохо.

— Хорошо, сделаем иначе, давайте ваш домашний телефон, я кое-что зачитаю вам.

Олег назвал телефон.

— Только я сегодня поздно буду дома.

— Ничего,— засмеялся Субботин,— у меня уже началась старческая бессонница, позвоню вам после нуля.

— Прекрасно, я к этому времени точно буду.

— Судя по телефону, вы живете в центре?

— Да, в Малом Козихинском.

— Слушайте, в доме пять там мой дружок жил, Степан Кириллович Левин.

— Отец Женьки Левина?

— Точно.

— Я напротив живу в доме десять, а в пятом теперь какой-то джараш-монтаж.

— Олег Сергеевич,— спросил молчавший до этого Лунев,— вы не могли бы нам сказать, найден убийца или нет?

— К сожалению, все рассказать не могу. Но одно скажу. Был в Гродно. Как говорят в романах, вышел на след. Завтра утром улечу в командировку, вернусь, и, думаю, убийца будет найден.

— Молодец, майор, по-нашему.— Субботин вокочил.— Нас поставите в известность?

— Обязательно! А теперь простите, мне пора.

Субботин и Брозюль проводили Олега до дверей. Спускаясь по лестнице, Наумов вдруг понял, что его мучило. Усы. Михаил Михайлович Субботин носил усы, правда, немного не такие, как на фотороботе.

Олег даже остановился у дверей подъезда. Мысленно примерил на Субботина кепку и очки. Так и сел в машину в некотором душевном смятении.

Валька Сычев сидел на скамеечке у РУВД и курил. Вид у него был злой и независимый. Олег постоял, посмотрел на него. Ах, Валька, Валька, вечно какие-то фокусы. Не до него было Наумову, совсем не до него.

— Привет, Валя! — Олег подошел, сел рядом.

— Привет, начальник,— глубокомысленно и мрачно ответил Валька Сычев, имевший в той, теперь уже далекой, жизни кличку Сыч.

— Ну, какой я тебе начальник? Забудь ты это, как сон.

— Я бы забыл, да кое-кто напоминает.

Неужели опять начали таскать Вальку? Есть такая манера у некоторых оперативников: что случись, выстраивают версии с учетом «уголовного» прошлого даже тех, кто стал нормально жить.

— Наши напоминают? — устало спросил Олег.

— Нет, не ваши, а наши.

И что-то вновь сработало внутри, и усталость как рукой сняло.

— Кто?

— Бур.

— Аникин Колька? Он же сидит?

— Бежал.

Ах, Валька, Валька, ты и не знаешь, какой подарок сделал. Николай Аникин, опаснейший рецидивист, человек, дошедший до самого края, готовый в любую минуту пролить человеческую кровь, может быть обезврежен. Три судимости, второй побег за плечами пятидесятидвухлетнего человека.

— Он когда у тебя был?

— В шесть. Вещи оставил.

— Что оставил-то, Валя?

— Чемодан. В нем два костюма новых, ботинки да двадцать маслят.

— Патронов, Валя, патронов. Отучайся ты от языка этого дико-го. Он у тебя вместе с прошлой жизнью канул. Нет его больше. Когда он придет?

— Сказал, утром. Зовет меня на дело завтра. Грозит иначе и меня и Люську на ножи. А она ребенка ждет.

— Что же ты ребятам в райуправлении не сказал?

— А я зашел, там этот мордастый сидит.

— Звонарев?

— Он. Начал смеяться, мол, поздно каяться пришел. Ну до чего же вредный человек. Он и тогда, когда вы меня заловили, все смеялся.

Нельзя оскорблять достоинство человека. Даже преступника. Закон требует найти и обезвредить. Все! Личные эмоции вне службы. Нужно будет с этим Звонаревым поговорить. Как следует, чтобы запомнил надолго.

— Валя, спасибо тебе. Но не один же Звонарев в милиции работает. Здесь начальником угро мой дружок Вася Минаев, чудный парень.

— Он новый, я его не знаю.

— Пошли.

Из кабинета Минаева Олег позвонил Никитину домой, доложил о поездке, договорился о новой командировке, а потом сказал:

— Я как тот итальянец. Сначала две плохие новости, а потом хорошая.

— Какая?

— Вышли на Бура. Утром надо брать.

— Высылаю людей. Спасибо тебе, Олег.

— Это не мне спасибо, а Сычеву.

— Твой же крестник.

— Одно дело креститься, другое — самому решиться на такой поступок. Вы его жизненную инерцию со счетов не сбрасывайте.

— Наумов, — устало сказал Никитин, — тебе не кажется, что ты обнаглел?

— А заметно?

— Еще как.

— Исправлюсь, товарищ полковник.

— На это и надеюсь. Действуй.

И закрутилась машина розыска. Вызывались по тревоге люди, выдавалось оружие, готовилась засада.

Не уйти Буру. Не уйти.

Ах, щенок! Щенок поганый! Докопался все-таки. И быстро-то как. За пять дней. А он-то думал, что этим придуркам из милиции работы минимум на два месяца. Недооценил он его. Крепкий парень. С нюхом.

Он даже зауважал этого Наумова. И жалел немного. Но что делать, не в свою игру он начал играть. Ловил бы карманников, да и жил бы себе тихо. Домой он вернется к нулю. Будет звонка ждать. Ему этот звонок, ох, как нужен.

Конечно, можно поехать на дачу, взять пистолет. Но не то место Патриаршие Пруды.

Да, он недооценил противника. Конечно, надо было сразу выехать и убить Сичкаря.

Хорошо, что удалось получить бюллетень. Есть три дня. Завтра утром в Петропавловск, ну в крайнем случае послезавтра. Нет — все же завтра. А этого мальчика сегодня надо кончать. Пистолет не понадобится. Другой способ есть. Более простой. Пора. Он переоделся, снял телефонную трубку. Пусть думают, что болтает с кем-то, свет тоже не погасил, а телевизор громче сделал. Для соседей дома он. Пора.

Вот так всегда. Приезжай скорее, машину пришлем, а как не нужен стал, так и нет транспорта. Правда, не до него было ребятам из района. Операция предстояла сложная. Но все-таки нашлась добрая душа. Остановил рафик, идущий в Москву, а тот ехал на Октябрьскую, значит, на Садовом у Прудов почти высадит.

Олег поблагодарил шофера, остановившего машину как раз у подземного перехода. Гулко простучали шаги в пустом каменном тоннеле. Он поднялся, и вот они, родные Патрики. Олег шел и думал, что дождется звонка, а потом пойдет гулять с Кузьмой, а то он, наверное, совсем его забыл. Скоро Лена придет, и они будут гулять втроем. От мыслей о Лене на душе стало хорошо и спокойно.

Переулок его был пуст. Только у дома двенадцать стояли пустые синие «Жигули».

Вроде бы в самом центре он живет, а уклад жизни здесь патриархальный, как в провинции.

Чувство опасности было неосознанно и внезапно.

Олег обернулся. Увидел в метре радиатор и прыгнул на него. Его отбросило, длинной болью ударило левую руку. Загудела, сразу стала тяжелой голова. Он откатился к стене. А машина разворачивалась, чтобы прибить его, прижать к кирпичам. Надвигались слепящие фары. Они были, как глаза, полные ненависти. Смерть на него надвигалась. И тогда он выдернул пистолет, спустил предохранитель и выстрелил.

Раз... Второй... Третий...

Последнее, что он видел, теряя сознание, разлетевшийся на куски, светящийся глаз. Потом услышал визг заносимой машины и длинную трель милицейского свистка.

Затем наступила темнота. Темнота и покой.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДИВЕРСАНТЫ

К осуществлению очередной подрывной операции приступил «национальный фонд в поддержку демократии», сколоченный Вашингтоном специально для идеологических и политических диверсий за рубежом. Свыше 180 тысяч долларов, сообщает газета «Нью-Йорк таймс», были израсходованы фондом в последнее время на идейную обработку афганцев, и особенно молодежи, в удобном административном Рейгане духе. Все эти средства — из федерального бюджета США. Они пошли на подготовку профессиональных пропагандистов из числа антиафганских контрреволюционеров, обработку афганских крестьян в районах, прилегающих к пакистанской границе, а также для издания специального учебника истории, в котором содержится грубая клевета на правительство ДРА.

УБИЙЦЫ В ДОМЕ

Изо дня в день западногерманское телевидение обрушивает на зрителей лавину насилия. В среднем на одну передачу, свидетельствует журнал «Штерн», приходится 11 сцен насилия общей продолжительностью 6 минут каждая, а всего за месяц их набирается 2253, или 875 минут террора, пыток, истязаний. За это время на экране происходит 411 перестрелок, 343 жестокие драки, 90 взрывов, сопровождающихся гибелью людей, 297 раз героев избивают, душат и перерезают им горло. Так «выполняется» решение руководства телевидения от 1978 года о том, что «следует исключить любое прославление насилия».

ПЕРЕПИСЫВАЮТ ИСТОРИЮ

Недавно в Токио завершился судебный процесс, продолжавшийся более 20 лет. Крупнейший японский историк Сабуро Изнага проиграл свое дело. Еще в начале 60-х годов Изнага, который написал несколько учебников для школьников, подал в суд на министерство просвещения, потребовавшее от него изменить главы о второй мировой войне. С. Изнага честно написал в учебнике о развязанной Японией агрессии, о зверствах японских солдат на оккупированных территориях. Но все это правящие круги хотели бы вычеркнуть из памяти народа. Поэтому вместо учебника Изнага вышел в свет другой, который утверждал, что Япония не была агрессивной державой, не начинала войны на Тихом океане.

Сдано в набор 28.07.86. Подписано в печать 22.08.86 А 09720.
Формат 84×108/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 9,40.
Усл. кр.-отт. 7,56. Тираж 10 213 000 экз. (1-й завод: — 2 513 000 экз.).
Изд. № 2169. Заказ № 3432.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП,
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунок В. Павлова

— Что случилось, дорогой! Почему ты кричал во сне!

— Мне приснилось, что меня обязали покупать продукцию только моей фабрики...

Рисунок С. Богачева

— Ну и придирчивы народные контролеры — еле ноги унес...

Рисунок В. Тамаева

Цена 60 коп.

Индекс 71075.

«Человек и закон», 1986, № 10, 1—128.